

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

<i>Жадан В.Н.</i> О конституционных правах и свободах человека и гражданина в России, их реализации и защите	4
<i>Земляной А.В.</i> Зарубежный опыт участия граждан в национальных выборах, постоянно или временно проживающих (находящихся) за рубежом	12
<i>Кузнецов С.А.</i> Идеологические основы формирования российской общегражданской нации	16
<i>Огнев А.В.</i> Формы интеграции инвалидов в общество на примере Российской Империи: историко-правовой анализ ...	22
<i>Скударнов Д.А.</i> Особенности формирования правового сознания в дореволюционной России.....	25
<i>Стальнова А.С.</i> Конституционный принцип достоинства человека как гарантия для отраслевых прав	30
<i>Шаов И.К., Чирков Ф.В., Гайдарева И.Н.</i> Инкорпорация Западной Грузии в состав Российской империи, 1774–1826: международно-правовой аспект.....	34
<i>Щелкин П.А.</i> Нарушение баланса конституционных прав и обязанностей родителей при воспитании ребёнка, в случае их раздельного проживания	42

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Балалаев И.В.</i> Становление и развитие современного института бюджетного процесса в Российской Федерации	49
<i>Канатов Т.К.</i> Проблемы трактовки и регламентации дефиниций «гармонизация» и «унификация», опыт Латинской Америки и стран ЕАЭС	54
<i>Константинов И.А.</i> Совершенствование системы противодействия легализации преступных доходов в банковской сфере России.....	59
<i>Ланг П.П.</i> Правовые ценности и цифровые технологии: проблема паритета.....	64
<i>Матвеева Е.Ю.</i> Эксперимент по ускоренному возмещению НДС в условиях цифровизации налогового администрирования	70
<i>Свешникова М.В., Свешников Г.А.</i> Приостановление деятельности как вид административного наказания и гражданского обеспечения иска	75

НОВЕЛЛЫ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

<i>Падин А.Э.</i> О некоторых вопросах доверия к арбитражному правосудию	80
--	----

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

<i>Васильева М.А.</i> О системном подходе к содержанию основ формирования методики расследования экологических преступлений.....	84
--	----

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jur-science@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доц., Академик РАЕН, Российская академия естественных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Калиниченко Пауль Алексеевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Малько Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., Институт государства и права РАН; **Мамитова Наталия Викторовна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Махтаев Махтай Шапиевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Мордовец Александр Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **РузакOVA Ольга Александровна**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Бадма Владимирович**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Щукина Татьяна Владимировна**, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:

Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор
Заместитель главного редактора:
Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Подписано в печать: 28.02.2021
Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

<i>Гомонов Н.Д., Труш В.М., Тимохов В.П.</i> Теория относительной деприкации	87
<i>Маганкова А.А.</i> Ненадлежащее исполнение обязанностей как основание привлечения контролирующих должника лиц к административной ответственности – подход законодателя и судебной практики	91
<i>Оськина К.Н.</i> Генезис понятия «вещественные доказательства»: историко-правовой анализ	95
<i>Рачева Н.В., Балеевских Ф.В., Котов В.В.</i> Современные способы совершения мошенничества в отношении имущества физических лиц с использованием интернет-ресурсов и технологий социальной инженерии	101
<i>Соболевский В.Д.</i> К вопросу о мотиве в неосторожных преступлениях с точки зрения уголовного права	106

<i>Сумина А.В.</i> К вопросу о современных видах охотничьих наконечников – броджедов, и исследовании повреждений, образованных ими на различных видах ткани одежды	110
<i>Дорж Энхтур, Хайрутдинова И.В.</i> Проблемы легализации (отмывания) денежных средств через криптовалюту	114

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

<i>Нуржанова М.Д.</i> Международно-правовое регулирование отношений, касающихся гражданства, в рамках Европейского союза	117
<i>Ковалерчик М.П.</i> Взыскание убытков с генерального директора в связи с привлечением общества к ответственности за публично-правовые нарушения	120

TABLE OF CONTENTS

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY

<i>Zhadan V.N.</i> On the constitutional rights and freedoms of man and citizen in Russia their implementation and protection	4
<i>Zemlyanoy A.V.</i> Foreign experience of participation of citizens in national elections, permanently or temporarily residing (being) abroad.....	12
<i>Kuznetsov S.A.</i> Ideological foundations of the Russian civil nation formation	16
<i>Ognev A.V.</i> The forms of integration of persons with disabilities into society for example, the Russian empire: historical and legal analysis	22
<i>Skudarnov D.A.</i> Characteristic of legal conscience formation before revolution.....	25
<i>Stalnova A.S.</i> The constitutional principle of human dignity as a guarantee for sectoral rights	30
<i>Shaov I.K., Chirkov Ph.V., Gaidareva I.N.</i> Incorporation of Western Georgia into the Russian Empire, 1774–1826: international legal aspect	34
<i>Delkin P.A.</i> Violation of the balance of the constitutional rights and obligations of parents when raising a child, in the case of their separation	42

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY

<i>Balalaev I.V.</i> Establishment and development of the modern budgetary process in the Russian Federation	49
<i>Kanatov T.K.</i> Problems of interpretation and regulation of the definitions of “harmonization” and “unification”, the experience of Latin America and the EEU countries.....	54
<i>Konstantinov I.A.</i> Improving the system of countering the legalization of criminal income in the banking sector of Russia	59
<i>Lang P.P.</i> Legal values and digital technologies: the problem of parity.....	64
<i>Matveeva E. Yu.</i> Experiment on accelerated VAT refund in the context of digitalization of tax administration	70

<i>Sveshnikova M.V., Sveshnikov G.A.</i> On the issue of comparing suspension of activity as an administrative punishment and civil enforcement of a claim	75
--	----

NOVELS OF LAW AND LAW ENFORCEMENT

<i>Padin A.E.</i> On some questions of trust in arbitration justice.....	80
--	----

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

<i>Vasilyeva M.A.</i> On a systematic approach to the content of the basis for the formation of a methodology for investigating environmental crimes	84
<i>Gomonov N.D., Trush V.M., Timokhov V.P.</i> Relative deprivation theory.....	87
<i>Magankova A.A.</i> Improper performance of duties as a basis for bringing persons controlling the debtor to administrative responsibility – the approach of the legislator and judicial practice	91
<i>Oskina K.N.</i> The genesis of the concept of «material evidence»: historical and legal analysis	95
<i>Racheva N.V., Baleevskikh F.V., Kotov V.V.</i> Modern methods of committing fraud in relation to the property of individuals using Internet resources and social engineering technologies.....	101
<i>Sobolevskiy V.D.</i> On the question of motive in reckless crimes from the point of view of criminal law.....	106
<i>Sumina A.V.</i> On the question of modern types of hunting tips – broadheads, and the study of damage formed by them on various types of clothing fabric.....	110
<i>Enkhtur D., Khairutdinova I.V.</i> Problems of legalization (laundering) of funds through cryptocurrency	114

OVERSEAS EXPERIENCE

<i>Nurzhanova M.D.</i> International legal regulation of relations concerning citizens within the framework of the European Union... ..	117
<i>Kovalerchik M.P.</i> Recovery of damages from the general manager in connection with bringing the company to responsibility for public law violations.....	120

О конституционных правах и свободах человека и гражданина в России, их реализации и защите

Жадан Владимир Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и судебной деятельности, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
E-mail: vlad.zhadan60@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению некоторых вопросов о конституционных правах и свободах человека и гражданина в России, их реализации и защите на основе анализа конституционно-правовых норм и иных правовых актов, общетеоретических положений конституционно-правовой науки, научных подходов, примеров судебной практики и авторского понимания. Автором рассмотрены отдельные проблемы, прежде всего, связанные с реализацией и защитой социальных прав человека на внутригосударственном уровне, в том числе на основе анализа решений судов общей юрисдикции, а также с учетом исполнения решений Европейского суда по правам человека, принятых против России. По результатам проведенного исследования сделан вывод о том, что наблюдается положительная тенденция российской государственной политики в части конституционно-правового закрепления и обеспечения гарантий по реализации и защите прав и свобод человека и гражданина, а также обращено внимание на то, что одним из значимых факторов, которые способствуют сокращению количества жалоб граждан в Европейский суд по правам человека, следует признать своевременное их исполнение по аналогичным делам.

Ключевые слова: конституционные права и свободы, человек, гражданин, Россия, реализация, защита, наука, подход, практика, понимание.

В Конституции Российской Федерации 1993 г. [1] (далее – Конституция РФ) закрепляются базовые правовые положения, что «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2), «... признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права ... Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ч. 1–2 ст. 17 Конституции РФ), «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими ...» (ст. 18 Конституции РФ) и т.д. При этом нормативные положения о человеке, его правах и свободах как высшей ценности для Российской Федерации (далее – Россия, РФ) носят не абстрактный декларативный характер, а имеют конкретное наполнение содержания соответствующих личных, политических, социальных, экономических и культурных прав и свобод человека и гражданина РФ, и предусматривают, что признание, соблюдение и защита этих прав и свобод – обязанность российского государства. При этом права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются государством, что является не просто конституционно-правовыми нормами, а международно-правовой обязанностью России перед международными организациями и мировым сообществом в целом. Поэтому действенная реализация и защита прав и свобод человека и гражданина выступают основными критериями зрелости гражданского общества в России, точно также как и в другом демократическом правовом государстве.

Общепризнано, что одним из важнейших конституционных прав человека и гражданина является право на судебную защиту и согласно ч. 1 ст. 46 Конституции РФ «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод ...» путем обращения в суд, т.е. в государственный орган судебной власти, через функции которого реализуются и защищаются признанные конституционные и иные права и свободы человека и гражданина в России. Именно демократическое правовое государство и гражданское общество, международные стандарты прав и свобод человека и гражда-

нина однозначно предполагают не только возможность, но и гарантированность судебной защиты нарушенных прав и свобод человека и гражданина, а также обращение в межгосударственные судебные органы, о чем предусматривается ч. 3 ст. 46 Конституции РФ «Каждый вправе ... обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека ...».

Автор разделяет международно-правовой подход, что для России, как в правовой системы, так и на государственном и муниципальном уровнях в целом приоритетным должны быть фундаментальные положения Венской декларации 1993 г. [2], что «... священный долг всех государств выполнять свои обязательства по поощрению всеобщего уважения, соблюдения и защиты всех прав человека и основных свобод ...», «Все права человека универсальны, неделимы, взаимозависимы и взаимосвязаны» и т.д. Поэтому каждое государство и общество нуждается в формировании последовательной и эффективно организованной системы государственного и общественного контроля над соблюдением, защитой и гарантированностью прав и свобод человека и гражданина. При этом система органов осуществления правосудия, а также правоохранительные органы, в том числе органы прокуратуры и адвокатуры, и в полном соответствии с применимыми международными стандартами должны стоять на страже соблюдения, защиты и гарантированности прав и свобод человека и гражданина.

Особо следует обратить внимание на «неделимость, взаимозависимость и взаимосвязанность» двух «поколений» прав человека – личных, политических, социальных, экономических и культурных. При этом под международно-правовыми признанными, и к которым относятся конституционные права и свободы человека и гражданина, как правило, многие представители государств относят личные и политические права и свободы, и которые также во многих случаях не соблюдаются. При этом личные и политические права и свободы в сознании судейского и во многом юридическое сообщества в большей степени понимаются как «настоящие» права и свободы человека и гражданина, чем соответствующие социальные, экономические и культурные права и свободы. Зачастую органы судебной власти, прокуратуры и другие органы правоохранительной системы не всегда воспринимают нарушения конкретных социальных и экономических прав и свобод, и бездействие органов публичной власти в обеспечении и защите этих прав как правонарушение, а, соответственно, подлежащие правозащитному исправлению с восстановлением нарушенных прав и свобод, а связывают их с социально-экономической политикой государства, недостаточностью экономических и социальных возможностей. Тогда как судебная и правозащитная деятельность в целом является конституционно-правовым инструментом воздействия человека на публичную власть для обеспечения и защиты своих прав и свобод.

Анализу конституционно-правовых основ, понятия, видов, особенностей и иных характеристик прав и свобод человека, в том числе конституционных прав и свобод человека и гражданина в России [3–5], посвящено много публикаций в юридической литературе и информационных ресурсах. Такой интерес является закономерным, так как практически все страны мирового сообщества стремятся позиционировать себя как демократическое правовое государство, которое основывается на верховенстве права и закона, разделении ветвей государственной власти, признании человека и его прав и свобод высшей ценностью, и иных общеправовых основах и принципах, что не исключает продолжение исследования некоторых вопросов о конституционно-правовых, теоретических и практических основах прав и свобод человека и гражданина, и предложить их авторское понимание.

Предметом данного исследования будут некоторые вопросы о конституционных правах и свободах человека и гражданина в России, их реализации и защите.

Исходя из предмета исследования в центре авторского интереса будут следующие вопросы: в каких конституционно-правовых нормах России определяются права и свободы человека и гражданина; что понимается под реализацией и защитой права и свободы человека и гражданина; какие формы предусматриваются в части защиты прав и свобод человека и гражданина; какие имеются правовые и практические вопросы и проблемы по защите прав и свобод человека и гражданина в России?

Можно отметить, что практически каждый специалист конституционно-правовой науки в своих научных работах рассматривают проблемы конституционно-правового статуса личности, соблюдения, обеспечения, реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина. Например, исследованию содержания данного правового института посвящены научные труды таких авторитетных представителей конституционно-правовой науки, как С.А. Авакьян [6], Л.Д. Воеводина [7], Е.И. Козловой [8], В.Е. Чиркина [9] и других.

В качестве базовых обязательных элементов, выделяемых в структуре конституционно-правового статуса личности принято выделять: правосубъектность; основные права, свободы и обязанности человека и гражданина; принципы их реализации; основы ограничения прав и свобод человека и гражданина; принципы правового регулирования гражданства; основы правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства.

По мнению Е.И. Козловой, перечисленные конституционные положения, отражают «наиболее существенные, исходные начала, определяющие положение человека в обществе и государстве» [8, с. 167].

С.А. Авакьян указывает, что вопрос о положении личности – это один из главных вопросов содержания конституции [6, с. 9]. Это связано с тем,

что в правовых демократических государствах высшей ценностью признаются именно права и свободы человека и гражданина, и они являются основополагающим фактором в содержании законов и иных нормативных правовых актов, принимаемых органами публичной власти.

Конституционное закрепление с 1993 года в России либеральной концепции указывает на то, что в российском государстве и обществе интересы человека, его естественные права и свободы первичны по отношению к государственным интересам. Именно права и свободы определяют основу российской государственной политики, деятельности всех органов публичной власти, учитываются при разработке и принятии нормативных правовых актов, определении основных направлений внутренней и внешней политики России.

Современное российское государство не намерено отказываться от основ либеральной концепции в регулировании конституционно-правового статуса личности. В этом плане представители государственной власти, и, прежде всего, Президент РФ, как глава государства, гарант Конституции РФ и прав и свобод человека и гражданина, определяют одной из важнейших задач – повышение качества жизни каждого гражданина, решение которой невозможно без наличия действенного механизма реализации и защиты его конституционных прав и свобод.

Тем самым конституционные права и свободы человека и гражданина являются базовым конституционно-правовым институтом. Основным и общепризнанным правам и свободам человека и гражданина посвящена глава 2 Конституции РФ, которая наряду с главой 1 Конституции РФ составляет «ядро» Основного закона России.

В российской конституционно-правовой науке сложилось несколько концепций по вопросу соотношения понятий «основные» и «конституционные» права человека и гражданина, начиная от их отождествления и заканчивая насыщением их разным содержанием. Можно отметить, что в настоящее время преобладает научная концепция, направленная на признание всех конституционных прав и свобод человека как основными.

Например, Б.С. Эбзеев, говоря об «основных правах» подразумевает под ними права, закрепленные в Конституции [10, с. 5]. Аналогичное мнение высказывают А.Н. Кокотов и М.И. Кукушкин [11, с. 144].

По мнению автора, конституционные права и свободы человека и гражданина, закрепленные в главе 2 Конституции РФ, следует рассматривать как основные (конституционные, базовые) в правовом статусе личности. Их эффективная реализация и защита направлены на претворение в жизнь иных прав человека и гражданина, закрепленных в нормативных правовых актах РФ.

Если на советском этапе эволюции российского государства проблема реализации и защиты прав советского гражданина была второстепенной, то в современной России – это вопрос госу-

дарственного значения, на решение которого направлена деятельность каждого органа публичной власти.

В настоящее время основу всех функций современного Российского государства, деятельности законодательных, исполнительных, судебных и иных органов власти составляет приоритет прав и свобод человека и гражданина. Создание действенного механизма по обеспечению их реального претворения в жизнь есть залог государственной и национальной безопасности, сохранения государственного суверенитета.

Автор разделяет научный подход, что уровни реализации и защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина являются важнейшими критериями признания государства демократическим правовым. Конституция РФ не только впервые в России на конституционном уровне определяет высшей ценностью человека, его права и свободы, но и реально (фактически) позволяет их реализовывать и защищать, используя соответствующие формы и механизмы обеспечения прав и свобод человека и гражданина. В современное время в России реализуется принцип, в соответствии с которым государство должно существовать для человека и обеспечения возможности использовать им свои права и свободы [12, с. 107].

С другой стороны, представители системы защиты прав человека и гражданина в России (как государственной, так и негосударственной) констатируют факты нарушений конституционных прав и свобод человека и гражданина в России.

Российское государство на постоянной основе совершенствует механизм реализации и защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина. На актуальность укрепления реализации и защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина обращает внимание в ходе своих последних ежегодных посланиях к Федеральному Собранию РФ Президент РФ, отметив необходимость поддержки наиболее социально уязвимых категорий граждан.

Согласно ч. 3 ст. 80 Конституции РФ гарантом прав и свобод человека и гражданина является Президент РФ как глава государства, определяющий ежегодно в своем Послании Федеральному Собранию РФ направления внутренней и внешней политики Российского государства. Ключевые положения данного президентского акта, имеющего государственное и общественное значение, основаны на необходимости проведения политики страны в интересах человека.

Например, в Послании Федеральному Собранию от 20.02.2019 г. Президент РФ В.В. Путин отметил, что «национальные проекты построены вокруг человека, ради достижения нового качества жизни для всех поколений, которое может быть обеспечено только при динамичном развитии России» [13], а в Послании Федеральному Собранию от 15.01.2020 г. Президент РФ в качестве приоритетов в государственной политике поставил зада-

чу, что «Каждый наш шаг, новый закон, государственную программу мы должны оценивать прежде всего с точки зрения высшего национального приоритета – сбережения и приумножения народа России», а характеризуя предложения по возможным поправкам в Конституцию РФ, в том числе о социальных гарантиях прав и свобод человека и гражданина также отметил, что «... в обеспечении законности и прав граждан играет судебная система – Конституционный и Верховный Суды» [14].

В этой части Уполномоченный по правам человека в РФ Т.Н. Москалькова обратила внимание на то, что «В качестве гарантий социальных прав российских граждан Президентом предложены поправки в статью 75 Конституции РФ в части таких важных новых положений, как минимальный размер оплаты труда не может быть ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения России в целом, индексация пенсий и индексация социальных пособий, социальных выплат [15].

Соответственно, в ч. 5–7 ст. 75 Конституции РФ указанные предложения нашли свое нормативное закрепление, что «... Государством гарантируется минимальный размер оплаты труда не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом ... осуществляется индексация пенсий не реже одного раза в год ... гарантируются обязательное социальное страхование, адресная социальная поддержка граждан и индексация социальных пособий и иных социальных выплат».

Представляют научно-практический интерес вопросы, связанные с реформированием государственного аппарата и судебной системы в России, которые осуществляются в интересах дальнейшего обеспечения реализации и защиты отдельных прав и свобод человека и гражданина. Так, модернизация российской системы судов, осуществляемая в 2019 году в России (выделение апелляционных и кассационных судов в системе судов общей юрисдикции) направлена на обеспечение независимости, беспристрастности и объективности судей при принятии решений по соответствующим делам и, особенно, при привлечении человека к уголовной ответственности.

Председателем Верховного Суда РФ В.М. Лебедевым положительно оценена судебная реформа по созданию на уровне районов (городов) судов с участием присяжных заседателей. Почти треть дел из рассмотренных присяжными в районных судах закончились оправдательными приговорами [16].

Президент Федеральной палаты адвокатов России Ю.С. Пилипенко охарактеризовал суд присяжных «как проявление доверия государства к гражданам» [17].

По мнению автора, причины вынесения судами присяжных оправдательных приговоров должны быть обобщены на уровне Пленума Верховного Суда РФ, и учтены в работе не только судебных органов, но и органов предварительного расследования и прокуратуры.

В целом, по инициативе Президента РФ граждане получили действенный механизм реализации конституционной презумпции невиновности. Следующий этап совершенствования судебной системы России будет связан с распространением суда присяжных на процедуру рассмотрения и разрешения гражданских дел и возможности участия граждан в избрании мировых судей.

В обеспечении реализации основных прав и свобод человека и гражданина принимают участие все органы государственной власти и местного самоуправления. Каждое их действие в рамках предоставленной им государством компетенции должно быть ориентировано на их соблюдение и претворение в жизнь. Так, значительная роль в обеспечении реализации основных прав и свобод человека и гражданина в России принадлежит Генеральной прокуратуре РФ и ее территориальным подразделениям.

Например, в 2019 году данный надзорный орган обратил внимание на необходимость соблюдения, прежде всего, личных прав в отношении лиц, содержащихся под стражей, и осужденных к лишению свободы, а также при применении такой меры пресечения как заключение под стражу, законности и обоснованности ее дальнейшего продления [18].

По общему правилу реализацию и защиту конституционных прав и свобод человека в России необходимо рассматривать в двух смыслах: широком и узком. В первом понимании следует оценить деятельность государства и отдельных институтов гражданского общества по формированию механизма претворения их в жизнь.

В рамках широкого смысла реализация и защиты конституционных прав и свобод человека и гражданин следует рассматривать и деятельность негосударственных субъектов, например, омбудсменов. Создание разветвленной действенной системы данных уполномоченных по правам человека, в том числе с учетом определенной специализацией (по правам ребенка, предпринимателей и т.д.), еще раз подчеркивает заинтересованность российского государства в реализации основных прав и свобод человека и гражданина. Указанный институт гражданского общества принимает достаточно активное участие в совершенствовании законодательства в интересах человека.

Так, по мнению Т.Н. Москальковой, разрыв между конституционными нормами о правах и свободах человека и практикой их воплощения, хотя медленно, но сокращается [19]. Анализ и оценка уровня реализации и защищенности прав и человека, осуществляемая уполномоченными по правам человека, являются не только индикатором качества государственной политики в данном направлении, но и определяет направления ее модернизации.

Следовательно, в широком смысле реализацию и защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина необходимо понимать как

взаимосвязанную совместную деятельность всех органов публичной власти (Президента РФ, законодательных, исполнительных, судебных, надзорных и иных органов) и институтов гражданского общества, направленную на безусловное претворение их в жизнь.

В узком смысле реализацию и защиту основных прав и свобод человека и гражданина следует рассматривать возможность пользования ими отдельным гражданином. Имеющиеся проблемы в развитии российской экономики и социальной политики, низкий уровень качества жизни российских граждан говорят о неудовлетворительном состоянии экономических (материальных), социальных и ряда иных гарантий, что приводит к проблемам с претворением в жизнь института прав человека, несмотря на закрепленные в Конституции РФ нормативно-правовые (юридические) гарантии. В конституционном праве была сформирована достаточно интересная концепция: если граждане не чувствуют своих прав, то никакие красивые тексты о правах и свободах не имеют существенного значения [20, с. 153].

Все вышеназванные государственные органы и представители негосударственного сектора принимают активное участие в обеспечении реализации и защите основных прав и свобод отдельного человека. Универсальной гарантией в этом случае является возможность получения правовой помощи в рамках судебной защиты, как на национальном уровне, так и на международном.

В настоящее время граждане достаточно часто отстаивают, защищают и восстанавливают, прежде всего, свои социальные и экономические права и свободы именно в судебном порядке. В тоже время следует отметить, что основанием обращения в суд не всегда являются неправомерные действия (бездействия) со стороны органов государственной власти и местного самоуправления.

В отдельных случаях поводом может служить, во-первых, отсутствие прямой нормы, регулиющей отношения, сложившиеся в конкретной ситуации. Например, Головинский районный суд г. Москвы признал пропуск шестимесячного срока на обращение за назначением и выплатой единовременного пособия уважительным, т.к. биологический отец не знал о рождении ребенка и данный юридический факт ему пришлось устанавливать в ходе длительной судебной процедуры. Мать не имела права на получение данного пособия, т.к. относилась к категории не работающих [21].

Во-вторых, отсутствием у органа власти полномочий признавать отдельные факты надлежащими доказательствами наличия у претендента определенного права. Например, Бийский городской суд Алтайского края отказал в удовлетворении искового заявления гражданин А. к Пенсионному фонду России о признании незаконным решение об отказе в установлении пенсии, возложении обязанности включить в специальный стаж период работы, признании права на досрочную

страховую пенсию по старости, возложении обязанности назначить досрочную страховую пенсию по старости. По мнению суда, представленные доказательства не подтверждают факт льготной работы данного гражданина в условиях, дающих право на досрочное назначение страховой пенсии по старости по п. 2 ч. 1 ст. 30 Федерального закона «О страховых пенсиях». Иных достоверных и допустимых доказательств, отвечающих требованиям ст. 59, 60 ГПК РФ истцом в нарушение требований ст. 56 ГПК РФ не представлено [22].

Защиту своих прав и свобод граждане РФ вправе осуществлять не только в отечественных юрисдикционных и неюрисдикционных формах, но и в международных (межгосударственных), например, путем обращения с конкретной жалобой в Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ). Признание за гражданином такой возможности является величайшим прогрессом развития соответствующих институтов современного российского конституционного права. Решения данного международного суда необходимо рассматривать как основополагающие документы, стимулирующие реформирование государственной и правовой систем России и создание эффективного механизма реализации и защиты основных прав и свобод человека и гражданина.

Автор разделяет научный подход В.Н. Белика, что «работа ЕСПЧ должна быть нацелена именно на выявление в деятельности национальных органов публичной власти системных проблем, и ошибок, приводящих к нарушению прав и свобод человека и гражданина» [23, с. 14].

Верховный Суд РФ указывает, что «в целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными органами по защите прав и свобод человека» [24]. При этом ЕСПЧ по своей сути должен быть судом вне политики, в ходе своей деятельности осуществлять защиту основных прав и свобод человека, определяемых в Европейской конвенция о правах человека и основных свобод (1950 г.), и с учетом национальной конституционной идентичности государства.

В тоже время только каждое десятое обращение гражданина против России доходит до непосредственного его рассмотрения в ЕСПЧ. Например, из списка подлежащих рассмотрению дел была исключена жалоба по делу «Баранов против России». В данном деле заявитель жаловался на незаконное лишение свободы при отсутствии судебного решения после отмены в порядке надзора кассационного определения, которым обвинительный приговор в отношении него был оставлен без изменения. ЕСПЧ согласился с доводами Минюста России об отсутствии каких-либо нарушений в связи с тем, что лишение заявителя свободы было основано непосредственно на приговоре, а соответствующее кассационное определение было отменено вслед-

стве не рассмотрения в кассационной инстанции всех доводов стороны защиты [25].

Своевременно и надлежащим образом устранив выявленные ЕСПЧ нарушения норм о правах и свободах человека количество жалоб граждан в ЕСПЧ против России значительно бы снизилось. Так, ЕСПЧ рассматривая жалобу «Бойко против России», указал, что повод для подачи данного обращения мог бы и отсутствовать, если бы российское государство своевременно исполнило решение международного суда по делу «Захаркин против России», пересмотрев с учетом права граждан на уважение семейной жизни правила предоставления свиданий лицам, содержащимся в следственных изоляторах [24].

Таким образом, в рамках проведенного исследования, направленного на анализ некоторых вопросов о реализации и защите конституционных прав и свобод человека и гражданина, представляется возможным сделать следующие выводы:

Права и свободы человека и гражданина следует рассматривать как базовый институт конституционного права, определяющий правовые основы взаимоотношения государства и личности.

Триада: конституционное определение, реализация и защита основных прав и свобод человека и гражданина определяют действенность положений Конституции РФ по данному вопросу.

Важно отметить, что уровень реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина в современной России оценивается не только соблюдением личных и политических прав и свобод человека и гражданина, но и претворением в жизнь социальных прав и свобод, уровнем социальной справедливости, социального равенства. Все больше граждане РФ при характеристике данной проблемы на первое место ставят социальные права. Их особое значение определяется заинтересованностью населения в обеспечении достойного качества жизни.

Реализацию и защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина следует рассматривать в широком и узком смыслах.

Любая отрицательная (негативная) оценка деятельности органов публичной власти по обеспечению конституционных прав и свобод человека и гражданина должна рассматриваться как стимул к совершенствованию их деятельности. При этом модернизация государственной политики должна быть направлена на предотвращение и снижение количества нарушений прав и свобод человека и гражданина, создание таких условий их непосредственной реализации без какого-либо обращения за их защитой в соответствующие органы власти или институты гражданского общества.

В тоже время не во всех случаях поводом для обращения граждан за защитой своих нарушенных прав в российские суды является незаконная деятельность органов государственной власти и местного самоуправления. Такими поводами могут выступать отсутствие или противоречивость российского законодательства, что препятству-

ет, например, уполномоченным органам государственной власти и местного самоуправления самостоятельно принять соответствующее решение по обращению гражданина за реализацией его конкретного субъективного права.

Таким образом, в рамках проведенного исследования, направленного на анализ некоторых вопросов о реализации и защите конституционных прав и свобод человека и гражданина, представляется возможным сделать следующие выводы:

Граждане РФ активно используют для защиты и восстановления своих нарушенных прав и свобод такой конституционный институт как обращение в ЕСПЧ. Следует признать, что одним из значимых факторов, которые способствуют сокращению количества жалоб граждан в данный международный суд – это своевременное исполнение принятых ЕСПЧ решений по аналогичным делам. При этом решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров РФ в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, не подлежат исполнению в России (ст. 79 Конституции РФ)».

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 11.01.2021).
2. Венская декларация и Программа действий (Принята на Всемирной конференции по правам человека, Вена, 25.06.1993 г.). – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml (дата обращения: 11.01.2021).
3. Жадан В.Н. Об идее, понятии и конституционных основах правового государства в России // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – Т. 9. – № 1 (30). – С. 365–372.
4. Конституционное право РФ (Некрасов С.И., 2009). Понятие правового статуса личности. Система прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. – URL: <https://be5.biz/pravo/k007/7.html> (дата обращения: 11.01.2021).
5. Конституционное право РФ (Шахрай С.М., 2017). Конституционные права, свободы и обязанности человека и гражданина. – URL: <https://be5.biz/pravo/k042/6.html> <https://be5.biz/pravo/k042/6.html> (дата обращения: 11.01.2021).
6. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. – 2-е изд. – М.: РЮ-ИД, «Сашко», 2000. – 528 с.
7. Воеводин Л.Д. Юридический статус человека и гражданина в России: Учебное пособие. – М., 1997. – 304 с.
8. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учебник / 5-е изд., перераб.и доп. – М., Проспект, 2015. – 595 с.

9. Чиркин В.Е. Конституционное право в Российской Федерации: учебник. – М.: Юрист, 2002. – 480 с.
10. Эбзеев Б.С. Комментарий к постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации. – М.: Юрист, 2000. – 974 с.
11. Конституционное право России: Учебник / Отв. ред. А.Н. Кокотов и М.И. Кукушкин. – М.: Юрист, 2003. – 538 с.
12. Феоктистов А.В. Реализация конституционных прав в России. Социальные права // Наука. Общество. Государство. – 2016. – № 3 (15). – Т. 4. – С. 107–113.
13. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20.02.2019 // Российская газета. – 2019. – № 38.
14. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 «Послание Президента Федеральному Собранию». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959/ (дата обращения: 11.01.2021).
15. Российская газета. 06.02.2020 г. Мораль в законе. Татьяна Москалькова: Все поправки в Конституцию касаются прав человека. – URL: <https://rg.ru/2020/02/06/tatiana-moskalkova-vse-popravki-v-konstituciiu-kasaiutsia-prav-cheloveka.html> (дата обращения: 11.01.2021).
16. Рассудили на шестерых. Присяжные оправдали почти треть подсудимых // Российская газета. – 2019. – № 31.
17. Не судите строго. Районные суды присяжных вынесли первые оправдательные вердикты // Российская газета. – 2018. – № 238 (7701).
18. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Коллегия о состоянии законности в сфере исполнения законодательства, направленного на пресечение незаконных методов воздействия в отношении осужденных и содержащихся под стражей лиц. – URL: <https://genproc.gov.ru/special/smi/news/news-1599844/> (дата обращения: 11.01.2021).
19. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 год // Российская газета. 2019. № 125(7883).
20. Конопляникова М.В. Конституционная концепция обеспечения прав и свобод человека и гражданина в РФ: актуальность изучения и воплощения // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 1. – С. 151–155.
21. Решение Головинского районного суда г. Москвы от 06.05.2015 г. по гражданскому делу № 2–2668/15. – URL: <http://advokat-pravo.ru/gr/369-sudebnaia-praktika-reshenie-suda-oprznanii-prava-na-poluchenie-posobiya.html> (дата обращения 11.01.2021).
22. Решение Бийского городского суда Алтайского края от 23.05.2018 г. по делу № 2–1844/2018. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3u1N97uPUTLJ/> (дата обращения 11.01.2021).
23. Белик В.Н. Европейский суд по правам человека: обзор материалов судебной практики в области реализации права на защиту осужденных // Вестник экономической безопасности. – 2017. – № 3. – С. 12–15.
24. Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 3 (2019). – URL: <https://legalacts.ru/sud/obzor-praktiki-mezhgosudarstvennykh-organov-po-zashchite-prav-i-osnovnykh-svobod-cheloveka-n-3-2019/> (дата обращения 11.01.2021).
25. ЕСПЧ отклонил семь жалоб на Россию. – URL: <https://pravo.ru/news/view/145609/> (дата обращения 11.01.2021).

ON THE CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN IN RUSSIA THEIR IMPLEMENTATION AND PROTECTION

Zhadan V.N.

Elabuga Institute Kazan (Volga Region) Federal University

The article is devoted to some issues on the constitutional rights and freedoms of man and citizen in Russia, their realization and protection based on the analysis of constitutional legal norms and other legal acts, General provisions of constitutional legal science, scientific approaches, examples of jurisprudence and the author's understanding. The author considers certain problems, primarily related to the implementation and protection of social human rights at the domestic level, including on the basis of the analysis of decisions of courts of general jurisdiction, as well as taking into account the execution of decisions of the European Court of Human Rights against Russia. The results of the study concluded that the positive trend of the Russian state policy of the constitutional-legal status and providing guarantees on implementation and protection of the rights and freedoms of man and citizen, and also drawn attention to the fact that one of the significant factors that contribute to the reduction in the number of citizens' complaints to the European court of human rights, should be recognized for their timely execution in similar cases.

Keywords: constitutional rights and freedoms, man, citizen, Russia, implementation, protection, science, approach, practice, understanding.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed: 11/01/2021).
2. Vienna Declaration and Programme of Action (Adopted at the World Conference on Human Rights, Vienna, 25.06.1993). – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml (accessed: 11/01/2021).
3. Zhadan V.N. About the idea, the concept and the constitutional foundations of the legal state in Russia // Baltic Humanitarian Journal. – 2020. – Vol. 9. – N 1 (30). – P. 365–372.
4. Constitutional Law of the Russian Federation (Nekrasov S.I., 2009). The concept of the legal status of the individual. The system of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation. – URL: <https://be5.biz/pravo/k007/7.html> (accessed: 11/01/2021).
5. Constitutional Law of the Russian Federation (Shakhraev S.M., 2017). Constitutional rights, freedoms and duties of a person and citizen. – URL: <https://be5.biz/pravo/k042/6.html> (accessed: 11/01/2021).
6. Avakyan S.A. The Constitution of Russia: nature, evolution, modernity. – 2nd ed. – М.: RUID, "Sashko", 2000. – 528 p.
7. Voevodin L.D. The legal status of a person and a citizen in Russia: A textbook. – М., 1997. – 304 p.
8. Kozlova E. I., Kutafin O.E. Constitutional law of Russia: textbook / 5th ed., reprint and additional-M., Prospect, 2015. – 595 p.

9. Chirkin V.E. Constitutional law in the Russian Federation: text-book. – Moscow: Yurist, 2002. – 480 p.
10. Ebzeev B.S. Commentary on the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. – Moscow: Yurist, 2000. – 974 p.
11. Constitutional Law of Russia: Textbook / Ed. by A.N. Kokotov and M.I. Kukushkin. – Moscow: Yurist, 2003. – 538 p.
12. Feoktistov A.V. Implementation of constitutional rights in Russia. Social rights // Nauka. Society. State. – 2016. – N 3 (15). – Vol. 4. – P. 107–113.
13. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of 20.02.2019 // Rossiyskaya gazeta. – 2019. – № 38.
14. The message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly on 15.01.2020 “Presidential address to the Federal Assembly”. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959/ (accessed: 11/01/2021).
15. Rossiyskaya Gazeta. 06.02.2020. Morality in the law. Tatyana Moskalkova: All amendments to the Constitution concern human rights. – URL: <https://rg.ru/2020/02/06/tatiana-moskalkova-vse-popravki-v-konstituciiu-kasaiutsia-prav-cheloveka.html> (accessed: 11/01/2021).
16. Judged on six. The jury acquitted almost a third of the defendants // Rossiyskaya Gazeta. – 2019. – N 31.
17. Do not judge strictly. The district courts of jurors delivered the first acquittal verdicts // Rossiyskaya Gazeta. – 2018. – N 238 (7701).
18. Prosecutor General’s Office of the Russian Federation. Board on the state of legality in the field of implementation of legislation aimed at suppressing illegal methods of influence against convicted and detained persons. – URL: <https://genproc.gov.ru/special/smi/news/news-1599844> (accessed: 11/01/2021).
19. Report on the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2018 // Rossiyskaya Gazeta. – 2019. – N 125 (7883).
20. Konoplyanikova M.V. Constitutional concept of ensuring human and civil rights and freedoms in the Russian Federation: relevance of study and implementation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – N 1. – P. 151–155.
21. Decision of the Golovinsky District Court of Moscow of 06.05.2015 on civil case N 2–2668 / 15. – URL: <http://advokat-pravo.ru/gr/369-sudebnaya-praktika-reshenie-suda-o-priznanii-prava-na-poluchenie-posobiya.html> (accessed: 11/01/2021).
22. Decision of the Biysk City Court of the Altai Territory of 23.05.2018 in case N 2–1844 / 2018. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3u1N97uPUTLJ> (accessed: 11/01/2021).
23. Belik V.N. European Court of Human Rights: review of materials of judicial practice in the field of realization of the right to protection of convicted persons // Bulletin of Economic Security. – 2017. – N 3. – P. 12–15.
24. Review of the practice of Interstate bodies for the protection of Human rights and fundamental freedoms N 3 (2019). – URL: <https://legalacts.ru/sud/obzor-praktiki-mezhgosudarstvennykh-organov-po-zashchite-prav-i-osnovnykh-svobod-cheloveka-n-3-2019/> (accessed: 11/01/2021).
25. The ECtHR rejected seven complaints against Russia. – URL: <https://pravo.ru/news/view/145609/> (accessed: 11/01/2021).

Зарубежный опыт участия граждан в национальных выборах, постоянно или временно проживающих (находящихся) за рубежом

Земляной Алексей Владимирович,

главный юрисконсульт Политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации», член Территориальной избирательной комиссии ЦИК для руководства деятельностью участковых избирательных комиссий, сформированных на избирательных участках, образованных за пределами Российской Федерации
E-mail: akin212@yandex.ru

В статье исследованы национальные избирательные стандарты предоставления избирательных прав гражданам, постоянно проживающим или временно находящимися за пределами страны своего гражданства (в основном на примере Франции). Дан анализ ряда международных норм, явившихся отправной точкой начавшегося процесса по обеспечению возможности участия в национальных выборах лиц, проживающих (временно находящихся) за пределами своей страны. Проанализированы национальные нормы, регулирующие избирательные права экспатриантов. Выявлены правовые, политические и организационные сложности процесса предоставления избирательных прав данной категории граждан. Обосновывается право граждан, проживающих (находящихся) вне территории страны своего гражданства, участвовать в национальных выборах в зависимости от законодательства страны происхождения экспатрианта.

Проведена оценка возможностей применения зарубежного опыта по вопросам представительства в органах государственной власти для граждан России, постоянно проживающих (временно находящихся) за пределами территории России, должны найти своё разрешение.

Указывается на необходимость для введения в российское избирательное законодательство нового принципа – принципа представительства. Данный принцип должен закрепить право каждого избирателя иметь представителя от своего избирательного округа во всех законодательных собраниях независимо от их уровня.

Ключевые слова: выборы; гарантии избирательных прав; граждане, постоянно проживающие за пределами страны своего гражданства; экспатрианты; голосование; международные избирательные стандарты.

Почти треть стран мира исключает голосование на национальных выборах своих граждан, постоянно проживающих (временно находящихся) за рубежом. Но большинство государств склонно учитывать мнение своих граждан, как постоянно проживающих за рубежом, так и находящихся там временно по разным причинам (отпуск, командировка, обучение, лечение и т.п.).

Отправной точкой начавшегося процесса по обеспечению возможности голосования для проживающих (временно находящихся) за пределами своей страны стали рекомендации Комитета министров Совета Европы об осуществлении в государстве проживания гражданами других государств избирательного права на национальных выборах.

Конечно, несмотря на то что выборы – это средство реализации политических прав, а не конечная цель, необходимо помнить о том какие, зачастую самые основные права человека реализуются путем наделения человека правом голоса.

Так, Всеобщая декларация прав человека [1, Статья 21], говорит о том, что каждый имеет право участвовать в управлении своей страной, как лично, так и через избранных представителей (статья 21). Она же указывает на то, что каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными Всеобщей декларацией прав человека, независимо от любых обстоятельств (статья 2).

Таким образом, права каждого человека должны быть равны. Исходя из этого, даже возникать не может вопрос о том, является ли обязательным осуществление голосования для граждан, проживающих (временно находящихся) за пределами своей страны.

Право граждан, проживающих (находящихся) вне территории страны своего гражданства, участвовать в национальных выборах варьируется в зависимости от законодательства страны происхождения экспатрианта [2]. Ряд стран (например, Франция) предоставляют своим гражданам, проживающим за рубежом, неограниченные избирательные права, такие же, как те, что имеют граждане, проживающие в стране. В ряде других стран гражданам, проживающим за рубежом, разрешается голосовать только определенное количество лет после отъезда из страны, после чего они теряют право голоса (например, 15 лет для Великобритании и 25 лет для Германии). Есть страны, которые оставляют право голоса исключительно за гражданами, проживающими в стране, лишая

своих граждан, проживающих в других странах права голоса после того, как они покидают страну своего гражданства.

В большинстве зарубежных стран избирательные права рассматриваются как одни из основных конституционных прав [3, с. 5]. Важно проанализировать опыт конституционного регулирования избирательных прав в различных странах, осмыслить их соотношение с общими конституционными правами, адаптировать применительно к практике формирования и применения норм избирательного права России.

На наднациональном уровне вопрос реализации пассивного избирательного права полностью отдан на откуп государствам и никак не регулируется.

В целом, разные государства решают этот вопрос (если вообще решают) следующим образом: выделяется какое-то количество мандатов, которые непосредственно связаны с зарубежными округами. То есть, обычно в парламенте страны, выделяется от 2 до 10 мандатов, для проживающих за рубежом, чтобы они также имели свое представительство в парламенте.

Дальше всех в вопросе реализации пассивного избирательного права граждан, проживающих за рубежом, продвинулась Франция, где интересы французских граждан, проживающих за рубежом, представляют 12 сенаторов, 11 депутатов, а также ряд органов, избираемых соответствующим образом.

Так в соответствии с Конституцией Французской Республики [4, абзац 5 статьи 24] французские граждане, живущие за пределами Франции, представлены в Национальном собрании и в Сенате. Кроме этого, существует целый ряд органов для французских граждан, проживающих за пределами Франции. Так, в соответствии со статьей 1 Закона № 2013–659 от 22 июля 2013 «О представительстве французских граждан, проживающих за пределами Франции» [5, статья 1] во Франции, существуют консульские советы и Ассамблея французских граждан, проживающих за рубежом. Данные органы способствуют осуществлению гражданских прав и участию в демократической жизни французской нации, созданной за пределами Франции.

В соответствии со статьей 3 Закона № 2013–659 от 22 июля 2013 «О представительстве французских граждан, проживающих за пределами Франции» консульские советы существуют при каждом посольском учреждении.

Приказом Министра иностранных дел № МАЕФ1401740А от 21 января 2014 г., устанавливается количество избранных консульских советников (443 советника) и консульских делегатов (68 делегатов).

На основании статьи 14 Закона № 2013–659 консульские советники избираются на шесть лет прямым, всеобщим голосованием, в свою очередь члены Ассамблеи французских граждан, проживающих за рубежом, избираются консульскими советниками из своего состава (в количестве 90 человек).

Ассамблея французских граждан, проживающих за рубежом не просто консультативный орган, а наделена определенными законодательными полномочиями. Так, в соответствии со статьей 11 Закона № 2013–659, Ассамблея французских граждан, проживающих за рубежом, направляет свои замечания по вопросам, связанным с принятием законопроекта о финансах и о финансировании социального обеспечения.

В свою очередь выборы 11 депутатов Национального Собрания Франции от французских граждан, проживающих за рубежом, проходят в соответствии с положениями Избирательного кодекса Франции [6], по 11 избирательным округам, определенным приложением № 1-тер Избирательного кодекса Франции [7].

Выборы 12 сенаторов происходят иным способом, напрямую связанным с формированием консульских советов. Выборы происходят по пропорциональной системе по спискам кандидатов. Сенаторы избираются коллегией выборщиков [5, Статья 44] в составе 534 членов, в которую входят 443 члена консульских советов, 68 консульских делегатов, 11 депутатов Национального собрания и 12 сенаторов.

Здесь, необходимо сделать пояснение, что срок мандата сенатора составляет 6 лет, однако сенат разделен на две части, у которых полномочия смещены на 3 года. И у каждой части сената своя дата выборов. То есть, для половины сенаторов избранных в 2014 году, в 2020 году истекают полномочия и были назначены новые выборы этой половины, соответственно у второй половины сенаторов истекают полномочия в 2023 году и в 2023 году будут назначены новые выборы этой половины сенаторов (рис. 1).

Система реализации пассивного избирательного права, построенная во Франции несколько громоздка, и не может быть полностью взята нами даже за основу.

Однако, несомненно, что вопросы представительства в органах государственной власти для граждан России, постоянно проживающих (временно находящихся) за пределами территории России, должны найти своё разрешение.

Таким образом, анализ норм зарубежного права по вопросам реализации избирательных прав граждан, постоянно проживающих (временно находящихся) вне территории страны своего гражданства, показывает, что почти треть стран мира исключает голосование на национальных выборах своих граждан, постоянно проживающих (временно находящихся) за рубежом. Но многие государства учитывают мнение своих граждан и представляют правовые инструменты защиты их избирательных прав.

Практика организации выборов для граждан России постоянно проживающих (временно находящихся) за пределами территории Российской Федерации также несовершенна, поскольку имеет целый ряд проблем научного, правового и технического характера.

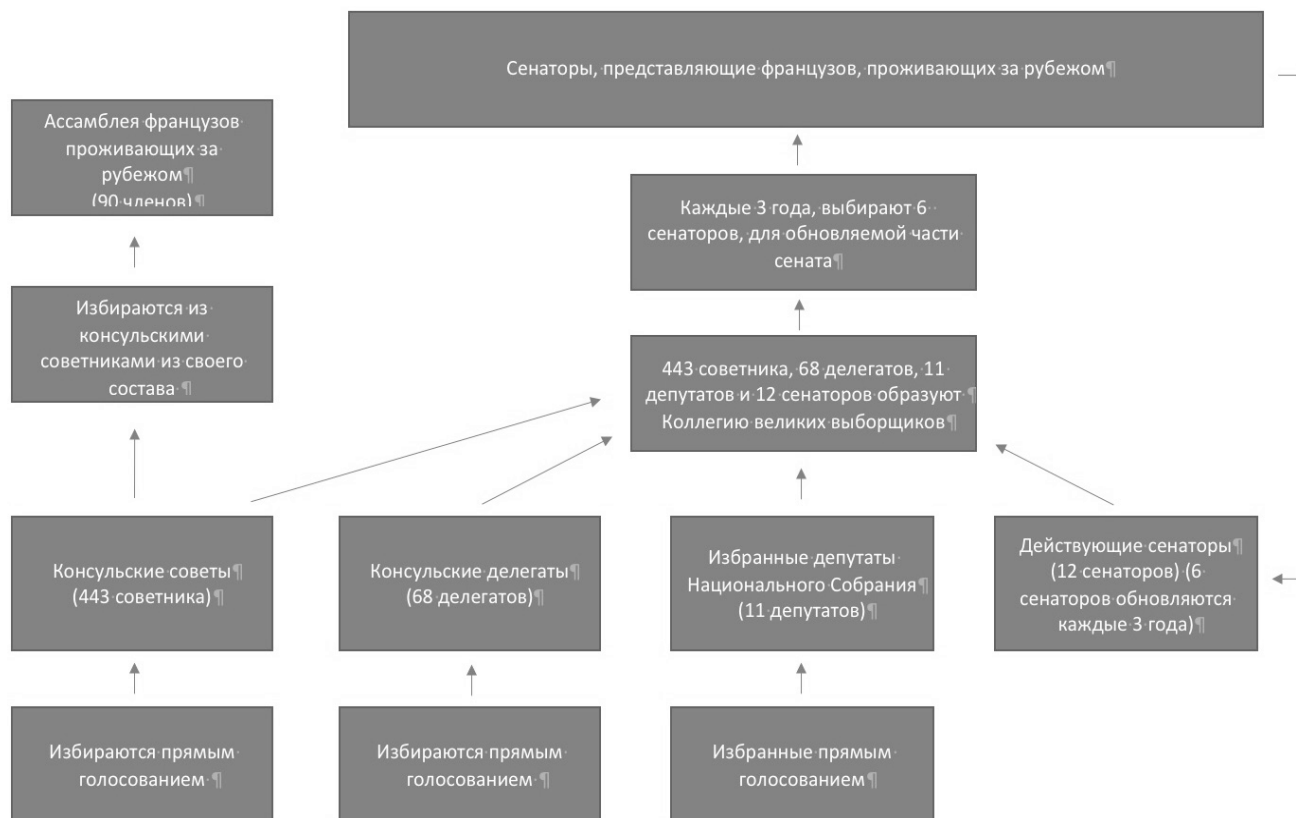

Рис. 1

Очевидно, что и в Российской Федерации назрела необходимость для введения в избирательное законодательство **нового принципа – принципа представительства**.

Данный принцип должен закрепить право каждого избирателя иметь представителя от своего избирательного округа во всех законодательных собраниях независимо от их уровня.

Утверждая данный принцип, необходимо будет на практике учитывать положение граждан Российской Федерации проживающих за рубежом и также выделить один или несколько избирательных округов (в зависимости от единой нормы представительства), где кандидаты в депутаты имели бы непосредственные связи с избирателями за рубежом и могли помочь им в решении их проблем.

Литература

1. «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948).
2. Данное определение имеет множество толкований: от временного или постоянного выдворения человека за пределы страны до лиц, добровольно покинувших страну гражданства или командированных за пределы своей страны. Для целей настоящей статьи под экспатриантами понимается гражданин страны, постоянно проживающий за ее пределами.
3. Лучин В.О., Грудинин Н.С. Референдум и выборы в системе народовластия // Закон и право. 2009. № 3. – С. 3–7.

4. Конституция Французской Республики. URL: <http://www.assemblee-nationale.fr/connaissance/constitution.asp>. (дата обращения 23.10.2020).
5. Закон № 2013–659 от 22 июля 2013 г. «О представительстве французских граждан, проживающих за пределами Франции». URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000027734839> (дата обращения 23.10.2020).
6. Избирательный кодекс Французской Республики. URL: Election des députés, des conseillers départementaux, des conseillers métropolitains de Lyon, des conseillers municipaux et des conseillers communautaires https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=61A149AF053AFF4AB12DC0606044DB3A.tplgfr34s_3?cidTexte=LEGITEXT000006070239 (дата обращения 23.10.2020).
7. Приложение № 1-тер Избирательного кодекса Франции. https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=61A149AF053AFF4AB12DC0606044DB3A.tplgfr34s_3?idSectionTA=LEGISCTA000020950783&cidTexte=LEGITEXT000006070239&dateTexte=20200907 (дата обращения 23.10.2020).

FOREIGN EXPERIENCE OF PARTICIPATION OF CITIZENS IN NATIONAL ELECTIONS, PERMANENTLY OR TEMPORARILY RESIDING (BEING) ABROAD

Zemlyanoy A.V.

Communist party of the Russian Federation

Article examines the national electoral standards for granting electoral rights to citizens permanently residing or temporarily located

outside the country of their citizenship (mainly on the example of France).

The article analyzes a number of international norms that were the starting point of the process of ensuring the possibility of participation in national elections of persons living (temporarily staying) outside their country. The national norms regulating the voting rights of expatriates are analyzed. The legal, political and organizational difficulties of the process of granting electoral rights to this category of citizens are revealed. Justifies the right of citizens living (being) outside the territory of the country of their citizenship, participate in national elections, depending on the legislation of the country of origin of the expatriate.

An assessment of the possibilities of applying foreign experience on issues of representation in public authorities for Russian citizens who are permanently residing (temporarily located) outside the territory of Russia, must find their permission.

The author points out the need to introduce a new principle – the principle of representation-into the Russian electoral legislation. This principle should establish the right of every voter to have a representative from their constituency in all legislative assemblies, regardless of their level.

Keywords: elections; guarantees of electoral rights; citizens permanently residing outside their country of citizenship; expatriates; voting; international electoral standards.

References

1. “Universal Declaration of Human Rights” (adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948).
2. This definition has many interpretations: from temporary or permanent expulsion of a person out of the country to persons who voluntarily left the country of citizenship or sent out of their country. For the purposes of this article, an expatriate is a citizen of a country permanently residing outside its borders.
3. Luchin V.O., Grudin N.S. Referendum and Elections in the System of Democracy // Law and Law. 2009. No. 3. – P. 3–7.
4. Constitution of the French Republic. URL: <http://www.assemblee-nationale.fr/connaissance/constitution.asp>. (date of treatment 10/23/2020).
5. Law No. 2013–659 of July 22, 2013 “On the representation of French people living outside France”. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORF-TEXT000027734839> (date of treatment 10/23/2020).
6. Electoral Code of the French Republic. URL: Election des députés, des conseillers départementaux, des conseillers métropolitains de Lyon, des conseillers municipaux et des conseillers communautaires https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=61A149AF05360AFFL4AB12DC_circulation10/23/2020).
7. Appendix No. 1 ter of the Electoral Code of France. https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=61A149AF053AFF4AB12DC0606044DB3A.tplgfr34s_3?idSectionTA=LEGISCTA000020950783&cidTexte=LEGITEXT-200000T20720239&date90

Кузнецов Степан Анатольевич,

кандидат юридических наук, доцент, кафедра конституционного и муниципального права Высшей школы экономики, управления и права Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: stkuz1971@gmail.com

Статья посвящена актуальной проблеме формирования российской общегражданской нации. Предметом настоящего исследования явились положения, сформулированные на законодательном и доктринальном уровне, составляющие современное представление об идеологической основе российской общегражданской нации. Методологию исследования составила совокупность общенаучных методов познания окружающей действительности, а также, частнонаучных методов, среди которых гуманистический, компетентностный, аксиологический и этнокультурный подходы, а также, историко-правовой и сравнительно-правовой методы. В результате исследования, автор приходит к выводу о необходимости нормативно-конституционного закрепления государственной идеологии через призму формирования российской общегражданской нации. К числу других результатов исследования следует отнести авторскую классификацию научных взглядов на проблему государственной идеологии, а также, критическую оценку действующего законодательного регулирования в данной сфере общественных отношений. Научная новизна исследования состоит в авторском подходе к рассмотрению проблемы и предложениях изменений в Основной закон страны. Результаты настоящего исследования могут быть применены при проведении дальнейших научных изысканий в области права и социологии, а также, в законотворческой деятельности.

Ключевые слова: государство, идеология, российская общегражданская нация, национальные интересы, конституционные ценности, общероссийская гражданская идентичность.

Государство как высшее правовое оформление социальной организации в существенной степени зависит от идей и смысловых конструкций, ценностей и целей, разделяемых членами общества вне зависимости от их позиции в иерархии социальной организации. Согласие вокруг идей формирует общность этой социальной организации. Общность проявляется в единых правилах общности и взаимоотношения в обществе, в единстве восприятия индивидами государства и практик управления, в мотивации признания легитимности власти, целях, которые их мотивируют к участию в управлении государством. Принятие решений и выработка стратегий (в том числе правовых и политических), как правило, есть результат зависимости от такого смыслового контекста, обладающего культурной и исторической спецификой. Даже если предположить, что индивиды независимы от такого контекста и действуют самостоятельно и, скажем, рационально, то под вопросом оказывается относительность такой «рациональности». Оценка индивидуальных решений производится в соответствии с тем, что принято считать рациональным в окружающем контексте, а решения соотносятся с собственными целями или ожиданиями, также сформированными в этом контексте. Ближайшим правовым индикатором общности по отношению к государству является легитимность – доверие управляемых к власти, соблюдающей требования закона. Между тем такое доверие достигается не только за счет соблюдения конституционных процедур и законодательства, но и за счет соответствия государства тем ценностям и целям, что в обществе сформированы, то есть нет политического порядка без объяснения, почему такой порядок достоин существования.

Зачастую выбор конституционных процедур и их функционирование имеют не только правовое, но и политико-идеологическое обоснование. Эта логика применима и к государству, общее согласие вокруг которого есть условие функционирования его правовых механизмов. В этой связи конституция как высший инструмент юридического оформления государства в существенной степени есть результат действия в обществе тех или иных смысловых конструкций. М. Фриден в этой связи говорит об идеологии как о победившем смысле [1, с. 247–262]. Интересно, что смысловые конструкции выполняли схожие организационные функции и на ранних этапах развития общества.

Равно и политические решения мы можем воспринимать как обусловленные не управленческой мотивацией, а идеологическими комплексами мифологического характера. В свою очередь, смыс-

ловые конструкции, подобно самим конституционным нормам, могут использоваться и как «ширма», закрывающая реальную действительность. Так, соотношение транслируемых смыслов может, подобно конституционным нормам, вступать в конфликт с реальным положением дел. Неудивительно, что такой конфликт может приводить к упадку и даже к разрушению политических режимов. Смысловые конструкции широко используются для обоснования отступления, изменения или создания новых текстов конституций и даже формирования новых государственных образований.

Иными словами, в ряду факторов, оказывающих воздействие на формирование нации, заметное место занимает фактор идеологии. В этой связи распространенное мнение о «конце идеологий» с распадом блокового противостояния стоило бы уточнить: скорее наступил конец явного идеологического противостояния или, если угодно, одержала победу в качестве конституционной неолиберальная идеология. Эти рассуждения корреспондируют с распространенной на рубеже XX–XXI вв. идеей о конце идеологий, произошедшем на фоне утверждения неолиберализма в качестве повседневного мерила политики и «бесспорного здравого смысла». Ирония обнаруживается в том, что идея о «конце идеологий» сама по себе является идеологемой, так как на самом деле выступает экраном, маскирующим противостояние между идеологиями (постоянными атаками на устоявшийся порядок слева и справа), которое прикрывается дихотомиями вроде «пустое мышление vs реальная работа» или «удушающий идеализм vs целесообразность проб и ошибок».

Считаем также целесообразным привести пример, когда использование идеологии в качестве ширмы неизбежно отражается на политическом и конституционном порядке. Речь идет об ослаблении политических элит в результате экономического кризиса 2008 г. Вопреки постулатам неолиберализма о невмешательстве в экономические процессы, государства осуществляли спасительные интервенции в банковскую систему. При этом оставшиеся без работы такой помощи были лишены. Неудивительно, что последующий нарратив был сосредоточен на необходимости объяснения сохранения порядка, несмотря на возникшие противоречия. Возникшее в ответ недовольство вылилось в рост популярности популистских лидеров, политики идентичности и общее снижение влияния неолиберализма. В свою очередь, нынешняя ситуация нестабильности, вызванная распространением COVID-19, вновь создает условия для тестирования системы социального управления. В этой связи немыслимые меры для теории неолиберализма (материальная помощь широким слоям населения, бизнесу, национализация предприятий инфраструктуры) выглядят не как модернизация этой теории в сторону левого уклона (некоего нового «кейнсианства»), а как конкретные меры, направленные на сохранение жизнеспособ-

ности неолиберализма. Последнее суждение отвечает теориям левого толка о способности капитализма приспосабливаться к изменяющимся социальным условиям. Непринятие таких мер может привести к потере доверия управляемых к сложившейся системе.

После принятия Конституции РФ стало ясно, что ее создателями в полном объеме был принят лозунг «конец идеологии». Впервые он прозвучал на Миланской конференции «Будущее свободы» 12–17 сентября 1955 года [2] как основание создания нового российского постиндустриального общества ввиду краха марксизма. То есть, в ч. 2 ст. 13 [3] закреплена однозначно положение о том, что никакая идеология не может быть установлена в качестве государственной или же обязательной [4, с. 114]. Несомненно, на запрет идеологии повлияли многочисленные публикации западных авторов второй половины XX века, отрицающих необходимость этого института в государственном праве и управлении. Так, Д. Белл в своем труде «Конец идеологии» [5, с. 22] писал, что с переходом общества на постиндустриальную стадию развития идеология утратила свое значение в общественно-политической сфере в связи с ликвидацией классов или же стиранием различий между ними. С распадом Советского Союза прекратилось противостояние двух идеологий – социалистической и капиталистической. С крахом экономики пришел крах идеологии – прямо по теории базиса и надстройки, категорий исторического материализма, упорно отрицающихся либералами. А что такое идеология, в частности, государственная? По самому простому определению идеология – это «совокупность фундаментальных представлений, находящихся свое выражение при помощи упорядоченной и систематизированной системы ценностей» [4, с. 115].

В.Н. Первушина высказывает мысль, что разрушение советской идеологии привело к гибели культурной матрицы [6, с. 132–139]. О.М. Цветков говорит, что «сближение представителей народа (нации) обеспечивается, в том числе, чувством сходства, а также принадлежности к нации» [7, с. 190].

Любое государство в настоящее время обладает своей идеологией, порой представленной одной фразой, что является фактом, не требующих доказательств. Например, в статье 2 Конституции Франции 1958 года [8] одной фразой названа идеология, присущая всей Французской республике: «Правление народа, народом и для народа». Или же, в преамбуле Основного закона Федеративной Республики Германии, 23 мая 1949 г. также есть слова [9], воплощающие идеологию германской нации.

Своя реакция была дана представителями правового научного сообщества на изъятие идеологии, в том числе государственной, и ее прямой запрет из конституционных норм в зависимости от своих представлений о ее значении для государства.

В частности, первой группой представителей обосновывалось мнение о том, что российское государство не нуждается в идеологии (например, И.Н. Глебов [10, с. 13]).

По мнению второй группы, напротив, российское государство нуждается в идеологии, учитывая это целесообразно было бы рассмотреть вопрос о возможности существования единой идеологии, которая бы прямо устанавливалась и поддерживалась государством (например, Р.Ю. Царев [11, с. 20–25] и Л.Н. Мартюшов [12, с. 12–27]).

Как полагает третья группа ученых, Конституция РФ уже включила в себя идеологические нормы. Эта позиция поддерживается, например, И.В. Левакиным [13, с. 2707]. Аналогичную точку зрения поддерживает также А.Б. Каягин, считая, что в конституционных нормах-запретах имеется идеологическое содержание [14, с. 57–71].

В свою очередь, по мнению А.Н. Беляковой скрытая идеология Конституции, идеология либерализма, нашла свое закрепление в статье 2 Конституции РФ [15, с. 20–22]. Несложно заметить, что государственная идеология подменяется идеологией Конституции, ее нормами, что не одно и то же.

В начале второго десятилетия XXI века российское общество потребовалось снова «собрать». Как это можно было сделать? Военный путь себя исчерпал, хотя и сыграл определенную роль при боевых действиях в Чеченской республике. В Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2012 года говорится: «А если нация не способна себя сберечь и воспроизводить, если она утрачивает жизненные ориентиры и идеалы» [16]. В этих словах можно рассмотреть ростки российской государственной идеологии. И далее, буквально через неделю вышел Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 [17] (далее – Указ), которым даны основополагающие понятия, такие как: многонациональный народ Российской Федерации (российская нация), общероссийская гражданская идентичность и другие. Впервые подчеркивается системообразующее звено Российского государства – русский народ, что впоследствии легло в Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ [18], ч. 3 ст. 1, где устанавливается, что государственный язык России на всей ее территории – это русский язык как язык государствообразующего народа. Таким образом, с помощью этих понятий, связывающих граждан Российской Федерации в новую идентичность, напоминающую советский народ в свое время, власть попыталась преодолеть разрыв между собой и гражданами, заставить поверить, что власть и народ – это одно целое. Часть 2 статьи 1 того же Закона дополняет Конституцию статьей 67.1. И в данном случае можно уловить переключку с Ренаном, представившем классическую формулу определения нации [19].

Конституционное признание памяти защитников Отечества, обеспечение защиты исторической правды полностью вписываются в вышеназванную формулу.

Обратимся к правовой позиции Конституционного Суда РФ в своем заключении от 16 марта 2020 года [20] в соответствии с которой дополнения конституционного текста, которые предусматриваются ст. 67.1, не могут рассматриваться в качестве несовместимых с главами 1 и 2 Конституции России. В том числе статьи 13, поскольку представленные нормы носят неполитический, надпартийный и внеконфессиональный характер. В связи с чем они не могут быть расценены, истолкованы и, соответственно, применены как положения, устанавливающие государственную или обязательную идеологию.

По нашему мнению, деятельность государственных органов всегда находится в рамках определенной политики, так или иначе связанной идеологией. Идеология является естественным элементом сознания цивилизованного человека и его коллективов. С помощью идеологии происходит оценка любого государственного или общественного события, раскладывая буквально его «по полочкам» в системе определенных координат в интересах нации как субъекта конституционных правоотношений. К элементам идеологии можно отнести ценности, цели и смысл существования и развития нации.

Таким образом, идеология формируется в массовом сознании и подлежит правовому закреплению. Представляется, что в своей правовой позиции, выраженной в названном заключении, Конституционный Суд РФ игнорировал все достижения правовой, политологической и социологической науки, с разных точек зрения дающих определения государственной и национальной идеологии. Разумеется, это было сделано с целью не менять Конституцию России. Однако, суверенность государства и его идеология неразрывны, одно автоматически подразумевает другое.

Вернемся к названному Указу. В нем также дано определение нации как сообщества граждан РФ, свободных и равноправных, обладающих самой разной принадлежностью (нами имеется в данном случае этническая, религиозная, социальная и другая принадлежность), а также имеющих гражданское самосознание.

По нашему мнению, нация – это политическая ипостась народа. Понятие гражданского самосознания, согласно тому же Указу Президента РФ не включает в себя желание и обязанность защищать свою страну, свое государство. Можно возразить, указав на то, что в соответствии с ч. 1 ст. 59 Конституции России защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина России. Но как быть тогда с частью 3 той же статьи Конституции России, позволяющей гражданину России заменить военную службу альтернативной?

Альтернативной службой, по нашему мнению, просто отдается некий долг государству, но не защищается страна перед лицом военной опасности. Понятие гражданского единства, закрепленное Указом опять-таки не содержит прямого указания

на необходимость военной защиты конституционных ценностей. Еще момент. Согласно подпункту «а» части 1 Федерального закона от 28.03.1998 года № 53-ФЗ [21] призываются на военную службу граждане мужского пола, достигшие возраста от 18 до 27 лет. Но применительно к указанному нами положению возникает вполне закономерный вопрос: как эта норма коррелирует с ч. 1 ст. 59 Конституции России, если обязанность защищать Отечество – это долг и обязанность каждого гражданина России вне его гендерной принадлежности? Еще одна проблема. Как коррелируют многочисленные предложения интернет-ресурсов (например – ресурс «ПризываНет»), предлагающих «законно освободиться от службы в армии» с той же нормой Конституции РФ? И здесь тоже мы наблюдаем отсутствие внятной единой государственной идеологии по важнейшему вопросу защиты Отечества, что приводит к таким предложениям, основным «на свободе договора».

Нами поддерживается позиция, излагаемая С.Н. Хорунжий о том, что «само существование государственной идеологии и наличие возможности выделения ее базовых принципов – это ключевой элемент в механизме определения баланса конституционно-защищаемых ценностей» [22, с. 45–64].

Кроме того, нам также близко определение государственной идеологии, сформулированное И.С. Зеленкевичем о том, что государственная идеология является системой взглядов, идей, ценностных ориентаций, которые и определяют и поведение субъектов права в общественно-политической сфере и механизмы взаимодействия общества и государства [23, с. 76–77].

Вновь обратимся к Указу. В п. 17 Стратегии определяются цели государственной национальной политики России укрепление общероссийской гражданской идентичности, единства российской нации.

В сочетании с конституционными изменениями как это можно истолковать иначе как требование к формированию государственной идеологии? Как итог можно заметить, что прежде всего сама власть не может оказаться вне идеологии. Любая государственность деградирует без идеологии, так как идеология для государства является его идентификационным «Я». То есть, можно заключить, что: какова идеология, таково и государство. В свою очередь: каково государство, таково и идеология.

Отметим также, что следует подчеркнуть опасность расхождения между «конституционными предписаниями» и «общественной системой ценностей». Конфликт последних, который демонстрируется на примере Конституции 1993 г., не только затрудняет исполнение конституционно-правовых предписаний, но и приводит к тому, что практика их применения существенно отличается от первоначально задуманной. Так и Конституция 1993 г., хотя и включает передовые идеи конституционной теории, в действительности далека от «реальной

конституционной жизни в России», что приводит к затруднению ее применения на практике.

Так, пример развития конституционализма в Европе демонстрирует, что доминирующая идеология больше, чем этого можно было бы ожидать, влияет на принятие политических решений, а также задает логику функционирования государственных систем. Так, Европейский союз прошел путь от объединения, стимулировавшего укрепление национальных государств-членов, до регионального политического союза, пытающегося управлять эрозией национальных государств, «объединивших» свои суверенитеты. Развитие интеграционных процессов в Европейском союзе демонстрирует зависимость политических шагов и сопутствующих им конституционных реформ от воздействия смысловых структур, распространившихся в пространстве социальной мысли Европы. В этой связи видится оправданным особенно внимательное исследование идеологического компонента конституционализма, наряду с более привычным в качестве предмета исследования «танемом» нормативного и доктринального элементов. Представляется, что такой подход способен обеспечить формирование целостного и более точного научного знания о процессах развития общегражданской нации.

Выводы

1. Государственная идеология не может быть подменена идеологией Конституции Российской Федерации, поскольку идеология либерализма отрицает приоритет национальных интересов над интересами личности.
2. Запрет на государственную идеологию, изложенный в части 2 статьи 13, должен быть снят в соответствии с конституционными нормами об изменении главы 1 Конституции Российской Федерации. Как бы законодатель не старался обойти запрет с помощью подзаконных актов или внесения изменений и дополнений в статьи глав 2–8 Конституции России, такие нормы неизбежно войдут в содержательное противоречие с 1 главой Конституции России, что недопустимо.
3. Целесообразным является дополнение ч. 1 ст. 59 Конституции России о том, что это положение закрепляет установку: защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина РФ вне зависимости от его гендерной принадлежности, а частью 3 той же статьи Конституции России следует уточнить, что замена военной службы альтернативной допускается только в условиях мирного времени.

Литература

1. Freedен M. Confronting the Chimera of a «Post-Ideological» Age // Critical Review of International Social and Political Philosophy. 2005. Vol. 8 (2). P. 247–262.

2. V Conferenza Internazionale Congresso per la liberta della Cultura «L'Awenire della Liberta». Milano, 12–17 settembre 1955.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Доступ: <http://www.pravo.gov.ru> (Дата обращения: 02.02.2021).
4. Шуайпова П.Г., Мищенко М.С. К вопросу о конституционном запрете на государственную идеологию // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 2–4. С. 113–115.
5. Bell D. The End of Ideology. Glenon, 1960. [P. 20–23].
6. Первушина В.Н. Идеология в современной России // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Философия. 2015. № 2. С. 132–139.
7. Цветков О.М. Российская гражданская нация: проблемы укрепления и интеграции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009 № 3. С. 189–192
8. Конституция Франции 1958 года [Электронный ресурс] // Доступ: www.conseil-constitutionnel.fr (Дата обращения: 02.02.2021).
9. Основной закон Федеративной Республики Германии, 23 мая 1949 года [Электронный ресурс] // Доступ: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&l=ru (Дата обращения: 02.02.2021).
10. Глебов И.Н. Нужна ли России государственная идеология? // Российское государствоведение. 2017. № 2. С. 10–17.
11. Царев Р.Ю. Какая идеология нужна современной России? // Социум и власть. 2017. № 5 (67). С. 20–25.
12. Мартюшов Л.Н., Государственная идеология Российской Федерации: какой ей быть? // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2018. № 2 (43). С. 12–27.
13. Левакин В.И. Идеология Конституции Российской Федерации // Актуальные проблемы Российского права. 2014. № 12 (49). С. 2707–2712. (2709).
14. Каягин А.Б. Идеологическая функция Конституции Российской Федерации // Проблемы права. 2013. № 4 (42). С. 57–61.
15. Белякова А.Н. Конституция как общественный договор // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 6. С. 20–22.
16. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2012 // Российская газета. № 287. 13.12.2012.
17. Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 (с последующими изменениями от 06.12.2018 № 703) «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 24.12.2012. № 52. Ст. 7477.
18. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 16.03.2020. № 11. Ст. 1416.
19. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс. [Электронный ресурс] / Х. Ортега-и-Гассет. – Режим доступа: <http://shikardos.ru/text/hose-ortega-i-gasset-vosstanie-mass-chaste-i-i-skuchennoste/page-5> (дата обращения 28.03.2018).
20. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 года о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации // СЗ РФ. 23.03.2020. № 12. Ст. 1855.
21. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // СЗ РФ. 30.03.1998. № 13. Ст. 1475.
22. Хорунжий С.Н. Конституционная идеология и баланс защищаемых правовых ценностей // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2017. № 2. с. 45–64.
23. Зеленкевич И.С. Правовая доктрина как форма выражения государственной идеологии в Российской Федерации // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2017. № 27. С. 76–77.

IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE RUSSIAN CIVIL NATION FORMATION

Kuznetsov S.A.

Northern (Arctic) Federal University

The subject of this study is the provisions formulated at the legislative and doctrinal level, which constitute the modern understanding of the ideological basis of the Russian civil nation. The research methodology was made up of a set of general scientific methods of cognition of the surrounding reality, as well as specific scientific methods, including humanistic, competence-based, axiological and ethnocultural approaches, as well as historical-legal and comparative-legal methods. As for normative and constitutional consolidation of the state ideology through the prism of the formation of the Russian civil nation. Other results of the study include the author's classification of scientific views on the problem of state ideology, as well as a critical assessment of the current legislative regulation in this area of public relations. The consideration of the problem and proposals for amendments to the Basic Law of the country. The law and sociology, as well as in lawmaking.

Keywords: state, ideology, Russian common civic nation, national interests, constitutional values, all-Russian civic identity.

References

1. Freedon M. Confronting the Chimera of a «Post-Ideological» Age // Critical Review of International Social and Political Philosophy. 2005. Vol. 8 (2). P. 247–262.

2. V Conferenza Internazionale Congresso per la liberta della Cultura «L'Awenire della Liberta». Milano, 12–17 settembre 1955.
3. Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) [Electronic resource] // Access: <http://www.pravo.gov.ru> (Date of appeal: 02.02.2021).
4. Shuaypova P.G., Mishchenko M.S. On the question of the constitutional ban on state ideology // Actual problems of the humanities and natural sciences. 2017. No. 2–4. S. 113–115.
5. Bell D. The End of Ideology. Glenon, 1960. [P. 20–23].
6. Pervushina VN Ideology in modern Russia // Bulletin of Voronezh. state un-that. Series: Philosophy. 2015. No. 2. S. 132–139.
7. Tsvetkov OM Russian civil nation: problems of strengthening and integration // Bulletin of the Adyghe State University. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies. 2009 No. 3. S. 189–192
8. The 1958 French Constitution [Electronic resource] // Access: www.conseil-constitutionnel.fr (Date of treatment: 02.02.2021).
9. Basic Law of the Federal Republic of Germany, May 23, 1949 [Electronic resource] // Access: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de & dokument = 0014_gru & object = translation & l = ru (Date of access: 02.02.2021).
10. Glebov I.N. Does Russia need a state ideology? // Russian state science. 2017. No. 2. S.10–17.
11. Tsarev R. Yu. What ideology does modern Russia need? // Society and power. 2017. No. 5 (67). S. 20–25.
12. Martyushov LN, State ideology of the Russian Federation: what should it be? // Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law. 2018. No. 2 (43). S. 12–27.
13. Levakin V.I. Ideology of the Constitution of the Russian Federation // Actual problems of Russian law. 2014. No. 12 (49). S 2707–2712. (2709).
14. Kayagin A.B. Ideological function of the Constitution of the Russian Federation // Problems of law. 2013. No. 4 (42). S. 57–61.
15. Belyakova A.N. Constitution as a social contract // Gaps in Russian legislation. 2018.No. 6. P. 20–22.
16. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of 12.12.2012 // Russian newspaper. No. 287.13.12.2012.
17. Decree of the President of the Russian Federation dated December 19, 2012 No. 1666 (with subsequent amendments dated 06.12.2018 No. 703) «On the strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period up to 2025» // SZ RF. 12.24.2012. No. 52. Art. 7477.
18. The law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 No. 1-FKZ «On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities» // SZ RF. 03/16/2020. No. 11. Art. 1416.
19. Ortega y Gasset, H. The Rise of the Masses. [Electronic resource] / H. Or-tega-i-Gasset. – Access mode: <http://shikardos.ru/text/hose-ortega-i-gasset-vostanie-mass-chaste-i-i-skuchennoste/page-5> (date of access 03/28/2018).
20. Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 16, 2020 on the compliance with the provisions of Chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation of the provisions of the Law of the Russian Federation that have not entered into force on an amendment to the Constitution of the Russian Federation “On improving regulation of certain issues organization and functioning of public authorities”, as well as on the compliance with the Constitution of the Russian Federation of the procedure for the entry into force of Article 1 of this Law in connection with the request of the President of the Russian Federation // SZ RF. 03/23/2020. No. 12. Art. 1855.
21. Federal Law of 28.03.1998 No. 53-FZ «On conscription and military service» // SZ RF. 03/30/1998. No. 13. Art. 1475.
22. Horunzhiy S.N. Constitutional ideology and balance of protected legal values // Bulletin of the Voronezh State University. Series «Right». 2017. No. 2. p. 45–64.
23. Zelenkevich I.S. Legal doctrine as a form of expression of state ideology in the Russian Federation // Bulletin of the North-Eastern State University. 2017. No. 27. S. 76–77.

Формы интеграции инвалидов в общество на примере Российской Империи: историко-правовой анализ

Огнев Александр Викторович,

аспирант, ФГБОУИ ВО «Московский государственный гуманитарно-экономический университет»
E-mail: avognev47@mail.ru

В данной статье рассматриваются формы интеграции инвалидов в общество в Российской империи. Основной формой интеграции являлась пассивная интеграция, направленная, в большей степени, на военных инвалидов, так как при монархической форме правления военные составляли одну из ключевых социальных страт, на которую опиралась государственная власть. Так же в данной статье рассмотрены механизмы взаимодействия церкви, представителей светского общества в лице высшего на тот момент сословия дворянства и государства в лице царя или императора с военными инвалидами. В ней рассмотрены вопросы существования индивида в обществе в условиях приобретенных и (или) врожденных ограничений возможностей здоровья.

Ключевые слова: империя; инвалиды; форма пассивной интеграции; общественное призрение; группа призываемых лиц.

Целью исследования является историко-правовой анализ форм интеграции инвалидов в общество в имперский период российской истории и степень реализации государством интересов указанной социальной группы.

Анализ проблемы интеграции инвалидов в общество был осуществлен на основе историко-правового и сравнительно-правового методов исследований.

Для того, чтобы понять современное состояние интегрированности инвалидов в гражданское общество, нужно обратить взгляд в историю этого процесса. В России, на протяжении всего имперского периода ее истории, существовала форма «пассивной интеграции», назовём ее «форма милосердия», – которая подразумевала минимальное и исключительно иждивенческое содержание инвалида на средства общины обрела со временем форму призрения – то есть содержания инвалидов на частные, церковные или государственные деньги.

Проблемы и формы призрения рассматривались в работах Фурсовой В.В., Власова П.В., Щербинина П.П., Емченко Е.Б. и других.

До Петра I система призрения имела только два источника финансирования: частные пожертвования и забота церкви. В 1551 Стоглавый собор Русской православной церкви постановил построить первые специальные учреждения – богадельни [1, с. 301]. Первые богадельни появились в Москве, их было всего три. При Петре I ввиду введения регулярной армии и постоянных войн растет число «военных инвалидов», начинает формироваться система призрения. В 1710 году 9 февраля издается Указ, по которому все раненые и престарелые, которые при обследовании признаются не годными к службе отправлялись в богадельни, а военнослужащие, которые могли нести службу перемещены в губернии для обучения только призванного личного состава, то есть даже при получении увечья военнослужащему инвалиду давали возможность работать оставаться в социуме [2, с. 250]. Начиная с 1703 года инвалиды назначались на должности ответственные за отсутствие (мора) то есть эпидемиологическую обстановку в губерниях. 3 мая 1720 года Петр I издает указ о выделении военных в особую группу призываемых лиц [3, с. 203]. Оставалась востребованной и возможность ухода инвалидов в монастырь, тогда как в 1723 году было запрещено церкви принимать в монахи из представителей других сословий. Так формировалась система призрения, как синтез благотворительности и государственной поддержки военных инвалидов.

В 1742 был создан новый вид призрения – переселение на свободные места для жизни, но только тех, кто уволен с военной службы и был еще достаточно молод для создания семьи. Такие семьи селились недалеко от церквей. Считаем необходимым отметить, что и иностранцы имели такие же права даже если были другого вероисповедания [4, с. 23]. Инвалидов становилось все больше и государство стало активнее использовать их труд. Инвалидов стали назначать на работу по сбору провианта, описанию и межеванию земель, на канцелярские должности [5, с. 49]. Призрение развивалось и в других губерниях, например, в Казани была создана богадельня, в 1758 году она существовала как альтернатива монастырю. Инвалиды отправлялись также и на заселение свободных земель Сибири [6, с. 301].

Екатерина II 26 февраля 1764 г. издала Указ «О запрете ссылатъ призреваемых в монастыри, а посылать на постоянное место жительства в новые строящиеся города и выдавать им денежное пособие? на что выделялось 80 тысяч рублей в год» [7, с. 44]. Пособие выделялось только тем, кто соглашался ехать жить в города, а не в богадельни. Важно отметить? что таким образом, впервые в Российской империи на законодательном уровне была закреплена пенсия по инвалидности, да только для военных, но начало было положено. Существовала градация по потере трудоспособности старшие офицерские звания посылались в Муром, низшие чины в такие города, как Тамбов, Пензу Чебоксары всего 31 город [8, с. 28].

В 1764 был принят Общий пенсионный устав в соответствии с этим документом устанавливался срок службы не менее 25 лет в случае войны срок службы сокращался вдвое. В 1775 году были созданы «Приказы общественного призрения» на которые возложили ответственность за заботу об инвалидах. Такие учреждения были созданы в Смоленске, Чернигове, Курске [9, с. 21]. В 1803 году создаются инвалидные роты, они делились на подвижные, служащие и неспособные. Роты служащих и неспособных создавались в уездных городах лица, зачисленные в эти роты, служили сторожами и дозорными. Подвижные роты несли службу в госпиталях позже назначались на должности в дворцовом и провиантском ведомствах или в крепостях [10, с. 751]. Государство чтобы прокормить инвалидов и обеспечить им достойную жизнь устанавливало им привилегии согласно приказу от 5 мая 1816 года при устройстве на службу в присутственные места.

К началу XIX века законодательные нормы защищающие и определяющие права военных инвалидов стали слишком разнообразны противоречивы и перестали отвечать духу своего времени. Поэтому учрежденный Александром I Комитет раненых в 1814 стал своего рода спасением для многих инвалидов. Он имел собственные финансы «Инвалидный капитал» он формировался из различных пожертвований. Комитет не являлся государственным органом, но его предстателями являлись им-

ператоры. К 1864 году призреваемых комитетом насчитывалось 18 тысяч человек.

В начале XX века система призрения постепенно престаивала интересовать государство хотя от вечала тенденциям того времени и общество нуждалось в ней. Призрение стало увлечением частного характера княгинь и графов. Русско-японская война Первая мировая война способствовали кратному увеличению инвалидов, но к тому моменту уже начались деструктивные процессы распада России как империи.

Исходя из проведенного краткого анализа положения инвалидов в Российской империи, можно сделать вывод о том, что интеграция их в общество имела место, но этот процесс носил избирательный характер и распространялся только на отдельные категории инвалидов, развивалась волнообразно в зависимости от позиции властвующего монарха. Императоры понимавшие, что нельзя забывать о военных инвалидах, как части общества формировали систему призрения, ввиду важности вопроса общественного призрения для такой страны как Россия. Государство существует только до тех пор, пока заботиться о своем народе во всем его субъектном составе: мужчины, женщины, дети, инвалиды.

Литература

1. Власов П.В. Благотворительность и милосердие в России. М., 2001–250с.
2. Власов П.В. Благотворительность и милосердие в России / П.В. Власов. – М.: Центрполиграф. – 2001. – 445с.
3. Емченко Е.Б. Стоглав. Исследования и текст. М.: – 2000. – 501с.
4. Карпущенко С.В. Быт русской армии 18 – начало 20 века. Составление очерки «Армейские будни». – 1999. – 366с. [Электронный ресурс] URL: <http://bookre.org/reader?file=722334&pg=11> (Дата обращения: 25.02.2021)
5. Стог А.О общественном призрении в России., 1818. – С. 49 [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennoe-prizrenie-i-blagotvoritelnost-iz-istorii-ponyatij> (Дата обращения: 25.02.2021)
6. Столетие Военного министерства. 1802–1902 / Гл. ред., ген. от кавалерии Д.А. Скалон. – Санкт-Петербург: тип. т-ва М.О. Вольф, 1902–1914. Т. 4, ч. 1, кн. 1, отд. 1: Главный штаб: Ч. 1. Кн. 1. Отд. 1. Комплектование вооруженных сил в России до 1802 г. / Сост. кап. А.К. Ильенко; Ред. ген.-майор Н.П. Михневич: Ист. очерк. – 1902. – VIII, 159, 317, II с.: ил. С. 23 [Электронный ресурс] URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003971062#?page=6> (Дата обращения: 25.02.2021)
7. Столетие военного министерства 1802–1902 / Гл. ред., ген. от кавалерии Д.А. Скалон. – Санкт-Петербург: тип. т-ва М.О. Вольф, 1902–1914. Т. 4, ч. 1, кн. 1, отд. 1: Главный штаб: Ч. 1. Кн. 1. Отд. 1. Комплектование вооруженных сил

в России до 1802 г. / Сост. кап. А.К. Ильенко; Ред. ген.-майор Н.П. Михневич: Ист. очерк. – 1902. – VIII, 159, 317, II с.: ил. (Дата обращения: 25.02.2021)

8. Форсова В.В. Общественное Призрение военных и их семей в дооктябрьской России. // Вестник Российской Академии наук. Том 66. – 1996. – № 8. – С. 750–758.
9. Щербинина Ю.В. Социальные практики и призрение военных инвалидов в российской империи в XIX в. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-praktiki-i-prizrenie-voennyh-invalidov-v-rossiyskoy-imperii-v-xix-v> (Дата обращения: 25.02.2021)
10. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона Т. 25. Спб.,– 1894.-960с. [Электронный ресурс] URL: <http://bookre.org/reader?file=634852&pg=44> (Дата обращения: 25.02.2021).

THE FORMS OF INTEGRATION OF PERSONS WITH DISABILITIES INTO SOCIETY FOR EXAMPLE, THE RUSSIAN EMPIRE: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

Ognev A.V.

Moscow State Humanities and Economics University

In this article are considered forms of integration of disabled people into society, in the Russian Empire are considered. The main form of integration was passive integration, aimed mainly at disabled military men, since under the monarchical form of government, the military constituted one of the key social strata on which state power relied. This article also examines the mechanisms of interaction of the church, representatives of secular society in the person of the highest class at that time, the nobility and the state in the person of the king or emperor with military invalids. It examines the issues of the existence of an individual in society under conditions of acquired and (or) congenital disabilities.

Keywords: empire, disabled, form of passive integration, public assistance, group of caregivers.

References:

1. Vlasov P.V. Charity and charity in Russia. Moscow, 2001–250s.
2. Vlasov P.V. Charity and mercy in Russia / P.V. Vlasov. – M.: Tsentrpoligraf. – 2001. – 445s.
3. Emchenkoe B. Stoglav. Research and text. M.: – 2000. – 501s.
4. Karpushchenko S.V. Life of the Russian army of the 18th-early 20th century. The compilation of the sketches, «Army life». – 1999. – 366s. [Electronic resource] URL: <http://bookre.org/reader?file=722334&pg=11> (Accessed: 25.02.2021)
5. Stog A. On public charity in Russia, 1818. – p. 49 [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennoe-prizrenie-i-blagotvoritelnost-iz-istorii-ponyatiy> (Accessed: 25.02.2021)
6. Centenary of the War Office. 1802–1902 / Main Ed., gen. from cavalry D.A. Skalon. – St. Petersburg: type. t-va M.O. Wolf, 1902–1914. Vol. 4, part 1, book 1, ed. 1: Main staff: Part 1. Book 1. Ed. 1. Completing the armed forces in Russia before 1802 / Comp. Cap. A.K. Ilyenko; Ed. Gen. – major N.P. Mikhnovich: Ist. ocherk. – 1902. – VIII, 159, 317, II p.: ill. p. 23 [Electronic resource] URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003971062#?page=6> (Accessed: 25.02.2021)
7. Centenary of the War Ministry 1802–1902 / General Ed., gen. from cavalry D.A. Skalon. – St. Petersburg: type. t-va M.O. Wolf, 1902–1914. Vol. 4, part 1, book 1, ed. 1: Main staff: Part 1. Book 1. Ed. 1. Manning the armed forces in Russia before 1802 / Comp. Capt. A.K. Ilyenko; Ed. Gen. – major N.P. Mikhnovich: Ist. ocherk. – 1902. – VIII, 159, 317, II p.: ill. (Accessed 25.02.2021)
8. Fursova V. Public Charity military and their families in pre-revolutionary Russia. // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Tom 66. – 1996. – № 8. – Pp. 750–758.
9. Shcherbinina Yu.V. Social practices and the vision of military invalids in the Russian Empire in the XIX century. [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-praktiki-i-prizrenie-voennyh-invalidov-v-rossiyskoy-imperii-v-xix-v> (Accessed: 25.02.2021)
10. Encyclopedia of F.A. Brockhaus and I.A. Efron T. 25. St. Petersburg,– 1894. – 960s. [Electronic resource] URL: <http://bookre.org/reader?file=634852&pg=44> (Accessed: 25.02.2021).

Особенности формирования правового сознания в дореволюционной России

Скударнов Дмитрий Александрович,

аспирант Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации
E-mail: nonordinaryschool@gmail.com

В контексте внутривнутриполитических событий, связанных с возрастающей политической активностью граждан, исследование состояния и развития отечественного правосознания является особенно актуальным. Современная юридическая наука уделяет особое место проблемам состояния и развития правосознания. Базовые элементы отечественного правового сознания нуждаются в исследовании с учетом актуальных политико-правовых изменений. Статья посвящена вопросам формирования правового сознания в дореволюционной России. Автор анализирует генезис национального правосознания в конкретный исторический период. Выводы, сделанные в статье, могут быть полезными для более глубокого исследования природы современного правосознания в дальнейшем. В отсутствие четкой сформулированной идеологии развития современного российского государства, представляется важным обратить внимание на исторический опыт развития правосознания, основанный на определенном духовном и идеологическом фундаменте.

Ключевые слова: правовое сознание, воспитание, патриотизм, отечество.

Исторический опыт России, богатый крупными политическими потрясениями, свидетельствует о предшествующих им системным изменениям в национальном правовом сознании. Какие факторы оказывают влияние на формирование современного правового сознания? Каким образом его качество его дальнейшего развития может отразиться на взаимоотношениях государства и граждан? Активное неприятие частью молодежи «правил игры», предлагаемых существующими политическими элитами на постсоветском пространстве, может свидетельствовать о серьезных изменениях в области правового сознания граждан. В связи с существующей неопределенностью в дальнейшем развитии политической ситуации, представляется важным обратить внимание на специфику формирования правового сознания населения территории России в разные периоды истории.

Дореволюционный период, безусловно, интересен состоянием главных элементов российского правосознания. Общеизвестны три базовые элемента правосознания, а именно: знания или представления о праве, правовая идеология и правовая психология, основанная на эмоциональном отношении к праву, чувстве законности. В первую очередь, хотелось бы дать историко-правовую оценку особенностям и способам формирования правовых знаний, способам их закрепления в обыденном сознании, их источникам и объему. Кроме того, очень важно понимать специфику очень сильной взаимосвязи двух составляющих общественного сознания – правовой и нравственной. Взаимовлияние этих аспектов наблюдалось как в периоды Московского царства и Российской империи, так и в Советский период.

До петровских преобразований, пожалуй, одним из самых важных источников формирования обыденного правового сознания являлся «Домострой». Этот четкий свод правил поведения наилучшим образом отражал правовую ментальность и особенности коллективного национального правосознания допетровской эпохи. «Домострой» демонстрирует определяющую роль православной христианской идеологии в развитии у населения правовой культуры. Согласно данному образцу воспитания, жить в рамках действующего права необходимо, в первую очередь, ради жизни вечной, но не земной. Правомерное поведение зиждется, главным образом на страхе перед богом: «Кто живет не по-божески, не по-христиански, страха божия не имеет...» [1, с.115]. «Домострой» отражает состояние массового правосознания, в котором законопослушное и правомерное по-

ведение вырастает из христианских добродетелей. Природа национального правового менталитета того исторического периода была основана на христианском православном смирении. В то же время образ бога в массовом правовом сознании тесно был связан с последней судебной инстанцией. Страх божьего наказания воспринимался не просто как один из ресурсов земной власти, но и как главное средство спасения души. Таким образом, уровень национальной правовой культуры определялся именно степенью религиозности сознания.

В главе 5 дается подробное наставление о взаимоотношениях с высшими представителями власти, имеющей сакральный характер и предполагающей императивный и безоговорочный характер подчинения. Здесь богобоязненность, как одна из главных добродетелей указанная в священном писании, проецируется на отношении к царю, как к наместнику бога на земле и носителю вверенных ему особых властных полномочий. Правомерное отношение к власти тут понимается как инструмент успешного выстраивания отношений с богом: «Бойся царя и служи ему верно, всегда о нем Бога моли. И лживо никогда не говори с ним, но с почтением правду ему отвечай, как самому Богу, во всём ему повинуйся. Если земному царю с правдою служишь и боишься его, научишься и небесного царя страшиться: этот – временен, а небесный вечен, он – судья не лицемерный, каждому воздаст по делам его» [1, с.25].

В главе 28 «О неправедной жизни» подробно перечисляются правонарушения в различных сферах. Интересен и, пожалуй, актуален, перечень правонарушений, связанных со злоупотреблением властью: «...в приказе сидя, на людей в силу власти своей накладывает тяжкие дани всякие незаконные налоги, или чужую ниву распашет, или лес посёк и землю перепахал, луг скосил, и рыбную ловлю присвоил, и борти, и перевеси, и места охоты, и другие угодия неправдами и насилием заберёт или ограбит и выкрадет, упадет по дороге и на стоянки ограбит, и побьёт, и опозорит, опустошит луга и пашню вытопчет, и всячески изобидит ...» [1, с.117]. Также здесь говорится о различных преступлениях, связанных с осуществлением властных полномочий. Понимание власти происходит из смысла священного писания и прочно закрепляется в массовом сознании в первую очередь как власть бога. Любые проявления земной власти должны осуществляться в границах христианского миропонимания. Очень важно отметить конкретное обращение к представителям элиты с целью недопущения злоупотребления властью: «...или кого-то оболжет в чем-то и что-то подкинет, оклеветает и с поличным придет, или насильно в рабство продаст, безвинно хитростью и понуждением похолопив; или несправедливо судит и неверно расследует дело, или лжесвидетельствует, кающихся не прощая...» [1, с.117]. Речь идет о воспитании объективности и беспристрастности, как особо важных качеств,

закрепленных в правосознании представителей власти. Кроме того, мы видим очевидное предостережение от действий, связанных с извлечением выгоды из своего служебного положения: «...или лошадь и иную скотинку и любое добро: сады и сёла, варницы и мельницы, амбары и лавки, дворы и другие угодия силой отнимет ...» [1, с.115]. «Домострой» частично отражает проблемы, касающиеся правового сознания должностных лиц, которые актуальны и в современной юридической науке. Речь идет об их профессиональной деформации, которая оказывает отрицательное влияние на правовое сознание.

Главная цель в правлении Петра I заключалась в построении сильного и современного государства. Внимание элиты обращается на Европу и выбирается соответствующий вектор развития, ориентированный на западные, европейские ценности. Государству был необходим новый тип человека, подчиненного служению отечеству. Происходят революционные изменения в самой идее воспитания, суть которой заключается в приоритете государственных интересов над духовными.

Одним из авторов новой концепции формирования нового типа общественного сознания являлся Архиепископ Феофан (Прокопович) – сподвижник Петра, политический и духовный деятель, философ, математик, переводчик, писатель. Возникает своего рода педагогическая проблема – воспитание «нового человека» или также «совершенного человека», который «действует во благо государству». Он не «внутренний человек», живущий для себя, но «человек внешний», живущий для государства. Ф. Прокопович утверждает, что «совершенный человек» и есть гражданин, смыслом жизни которого является активная гражданская деятельность. [2, с. 190]. Начиная с XVIII века, в результате прихода к власти Петра I, в России меняется иерархия древних ценностей: Бог – семья – общественное служение – личные интересы. Отныне же приоритет отдается служению отечеству. Именно в этот исторический период правовое сознание начинает обретать форму самостоятельного общественного сознания.

Появляется термин «гражданин», под которым понимается носитель особого сознания, которое в последствии и будет называться правовым. Как раз гражданин является тем человеком, который обретает по-настоящему правовую связь с государством или отечеством. Воспитание гражданина становится главным инструментом формирования обыденного правосознания в восемнадцатом столетии. В представлении разных авторов гражданин должен обладать рядом общих качеств: высокая нравственность, честь, соблюдение церковных и светских законов, любовь к отечеству. Этим качествам уделяют особое внимание в своих педагогических трудах знаменитые авторы того времени, такие как М.В. Ломоносов, В.Н. Татищев, Е.Р. Дашкова, Н.И. Новиков, А. Кантемир, А.Н. Радищев, А.Ф. Бестужева, Н. Карамзин, Ф.С. Салтыков, И.Т. Посошков, А.А. Прокопович-Антонский,

И.И. Бецкой, Л.Ф. Магницкий и другие. Непременным условием для идеального гражданина является любовь к отечеству. Этот важнейший элемент воспитания отражён во всей антологии педагогической мысли XVIII века находит своё центральное место в главе, посвященной воспитанию. На протяжении всего периода Российской империи патриотизм продолжает оставаться важнейшим средством описания и формирования национального правосознания. Корни патриотизма различные авторы обнаруживают как раз в соблюдении законов государства. В правомерном поведении выражается желание быть полезным своему отечеству в мирное время, так же как патриот желает встать на его защиту с оружием в руках во время войны. Воспитание любви к отечеству представляется самым первым и главным этапом в педагогической мысли столетия. Гражданин должен быть воспитан в осознании принадлежности к одной большой семье, управляемой благодетельным отцом или Государем, чья власть издает законы для блага всей семьи и желание соблюдать эти законы должно быть единственным и главным выражением любви к Государю и Отечеству.

Политические реформы, проводимые Петром I в XVIII веке, фактически уничтожили институт Патриаршества и лишили церковь самостоятельной власти. С образованием Священного Синода государство получило полный контроль над РПЦ. Государство берет на себя главную роль в формировании сознания гражданина, в первую очередь формируя в нем уважение к светским законам. Однако восприятие права обыденным сознанием неизбежно подвергается воздействию института церкви, которая фактически становится одним из государственных ведомств. Государство охраняло нормы, касающиеся должного христианского поведения, придавая тем самым церковным установлениям силу норм права. Принадлежность к православно́й вере являлась необходимым связующим звеном гражданина и государства. Государство и церковь одновременно занимались закреплением в сознании граждан норм, имеющих религиозный смысл.

Первый раздел Свода Уставов о предупреждении и пресечения преступлений (далее Устав) содержит подробный перечень преступлений против веры. Здесь подробным образом регламентируется поведение православного христианина, прописываются санкции, которые применяются в случае нарушения установленных церковью правил поведения. Несоблюдение духовных правил приравнивается законодателем к правонарушениям, за которые законом предусмотрено наказание: «Кто во время Божественной службы займет место, предназначенное для священнодействия, или, вошедши в алтарь, не выйдет из онаго не медля после сделанного ему о том напominания от Священнослужителя, тот подвергается за сие взысканию, постановленному в статье 35 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» [3, с. 2]. Соблюдение прихожанами правил поведения

во время проведения Богослужения контролируется органами полиции: «Мир и тишину в церкви обязана строго охранять местная полиция» [3, с. 2]. Устав прямо предписывает священнослужителям проводить воспитательную работу с прихожанами с целью недопущения нарушений с их стороны. Фактически речь идет о непосредственной функции правового воспитания, которая выполняется духовенством и регламентирована законом: «Священнослужители со своей стороны также внушают приличное Христианам к службе Божьей благоговение, и, сохраняя всю благопристойность, наблюдают, чтобы тишина и порядок не были нарушаемы приходящими в храм Божий» [3, с. 2].

Нормы церковного и светского права были настолько связаны между собой во взаимном влиянии друг на друга, что возможно стоит говорить и дихотомии права и власти в светском и духовном сочетании. Рассуждая о мифологии средневекового правосознания, Е.Ю. Калинина пишет: «Право, таким образом, можно представить как отражение закона Божьего на земле в виде государственных предписаний, а суд человеческий должен выступать в качестве зримой модели Последнего суда» [4, с.57]. Устав в ст. 20 содержит правило обязательного причастия и исповеди, контроль за исполнением которого лежит как на священнослужителях, так и на правоохранительных органах. Обращают на себя внимание методы правового воздействия, которые использует священник по отношению к прихожанину в случае нарушения последним вышеупомянутой статьи Устава. Вместе с методом убеждения используется и метод принуждения в виде наложения епитимьи: «Кто, не смотря на убеждения Священника окажется не бывшим на исповеди и у Св. Причастия, о том доносится Епархиальному Архиерею особенно. Преосвященный, через приходского же Священника, или через других доверенных духовных лиц, или наконец сам, смотря по обстоятельствам и по местной удобности, вразумляет его и мерами убеждения старается возвратить к долгу христианскому, с возложением епитимьи по своему усмотрению, на основании церковных правил» [3, с. 6].

Третий раздел Устава по своему содержанию направлен на предотвращение правонарушений, связанных суевериями. Обязанность применению превентивно-воспитательных мер направленных на ограждение прихожан от следования суеверным культовым действиям налагается на приходских священнослужителей. Кроме того, прямой обязанностью священнослужителей является воспитательное воздействие на прихожан с целью пресечения преступлений по отступлению от веры. Вот что пишет о взаимодействии права и государства как субъектов воспитательной деятельности А.А. Гайдоров: «Государство и право рассматривали религиозное воспитание детей как гражданскую обязанность родителей, всячески поощряли религиозно-пропагандистскую деятельность многочисленных просветительских церковных обществ...» [5, с. 81].

Как субъекты воздействия на формирование правового сознания, церковь и государство имели общие цели, но при этом использовали разные методы, закрепленные соответствующих нормах права. Если задача светских органов власти была в основном связана с осуществлением карательной функции в случаях совершения преступлений против веры, то церковь использовала убеждения и наставления, направленные на предостережение от неправомερных действий.

Серьезное влияние на развитие правовой культуры и формирования национального правосознания оказала Императрица Екатерина II. В 1767 еѹ для Уложенной комиссии был составлен документ под названием «Наказ», целью которого было создание нового Уложения (свода законов). В этом важнейшем для развития правовой мысли и правового воспитания документе Екатерина II указывает свои взгляды по вопросам устройства монархической власти, создания законов, организации работы судов, воспитания. Впервые была разработана и представлена юридическая техника в главе XIX документа «О составлении и слоге законов».

Можно предположить, что именно «Наказах» закладываются новые элементы массового российского правосознания, соответствующего прогрессивным тенденциям развития правовой культуры и правосознания того времени. Можно предположить, что отражение правовой реальности по смыслу документа должно иметь преимущественно светское значение. Документ буквально пронизан попытками выработать в гражданах новое ценностное отношение к праву, через утверждение его верховенства: «...чтобы один гражданин не мог бояться другого, а боялись бы все одних законов» [6, с.11]. Провозглашается принцип «разрешено все, что не закреплено законом», который впоследствии будет закреплен в Декларации прав человека 1789 года: «... Вольность есть право, все то делать что законы дозволяют; и ежели бы где какой гражданин мог делать законами запрещаемое, там бы уже больше вольности не было: ибо и другие имели бы равным образом сию власть» [6, с.11]. В сознании граждан должна быть встроена идея решать различные возникающие ситуации именно правовыми способами, обращаясь к средствам судебной защиты: «...не самому за себя отомщевать и по своему хотению поступать, но...искать помощи от власти, и жалобы свои по предписанному порядку производить; а в ожидании решения быть спокойну и по приговору судьи себя располагать». Получает свою формулировку презумпция невиновности: «Человека не можно почитать виноватым прежде приговора судейскаго...» [6, с.62].Провозглашается принцип равенства перед законом: «Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам» [6, с.10].

Во второй половине 19 века российская общественная правовая мысль будет развиваться в противоположных друг другу течениях западников и славянофилов. Духу закона в его либераль-

ном, западном понимании, наполненном демократическими ценностями, противопоставлялось особенное и уникальное правосознание русского человека. Идеи народничества оказали самое серьезное влияние на понимание права и государства. Таким образом, чтобы все одним законам менее чем за 200 лет с момента начала Петровских реформ, массовое российское правосознание к началу 20 века практически сформировалось как сознание «движущей силы революции», которое находилось под влиянием идей анархизма и социализма. Политические события 1917 года ознаменовали переход к социалистическому правосознанию и законности.

На фоне последних внутривполитических событий в России уже можно говорить намечающемся политическом кризисе. Сохранение целостности и стабильности государства требует серьезного осмысления состояния правового сознания его граждан. В настоящее время государством внесены соответствующие изменения в основной закон, разработаны стратегии, касающиеся формирования сознания современного российского гражданина. Вновь в нормативно-правовых актах появились такие понятия как патриотизм и гражданственность. Так в соответствии с принятыми изменениями в Конституции РФ появилась статья 67.1, в части 4 которой говорится о том, что государство создает условия, способствующие духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитания в них патриотизма и гражданственности.[7] В соответствии со Стратегией развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года гражданское воспитание среди прочего направлено на повышение уровня правовой культуры, формирование патриотизма и российской идентичности.[8] Утвержденная Указом Президента РФ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации перечисляет традиционные национальные духовно-нравственные ценности, среди которых: приоритет духовного над материальным, служение Отечеству, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм.[9] Так же как почти три столетия назад такие понятия как патриотизм и нравственность вновь являются ключевыми понятиями при анализе формирования базовых элементов национального правосознания.

Литература

1. Колесов В.В. Домострой (пер. с древнерусского). М.: РИПОЛ, 2017. 389 с.
2. Николаева Д.С. Педагогическая мысль России XVIII века о воспитании гражданственности / Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006, № 4. С. 190–194.
3. Устав о Предупреждении и Пресечении преступлений. СПб.,1876. 21 с.
4. Калинина Е.Ю. Мифология средневекового правосознания: иррациональное в рациональном. М.: Юрлитинформ, 2014. 211 с.

5. Гайдеров А.А. Традиционные и религиозные факторы в формировании правовой системы России: дис. ...канд.юрид.наук. М., 2002. 190 с.
6. Екатерина II (имп.). Наказ её Императорского величия ЕКАТЕРИНЫ ВТОРЫЕ, самодержицы всероссийские, данные КОМИССИИ о сочинении проекта Нового уложения. Санкт-Петербург.: Л.Ф. Пантелеев, 1893. 201 с.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 3, ст. 4398.
8. Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р «О Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ.2016. № 23. ст. 3357.
9. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» //СЗ РФ.2015. № 23(часть II). ст. 212.

CHARACTERISTIC OF LEGAL CONSCIENCE FORMATION BEFORE REVOLUTION

Skudarnov D.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The topic of legal conscience development becomes more actual while certain political events are being in Russia today and concerned with growing of citizens political activity. Law science pays significant attention to condition and development of legal conscience nowadays. Researching of legal conscience requires connection with actual changes in politics and law. The article is devoted

to the Characteristic of legal conscience formation before revolution. Author analyses the genesis of national legal conscience within concrete historical period. Findings that were made in the article may be quite useful within deeper research of this topic in the future. In the absence of certain ideology in Russian Federation today, it might be very effective to take a glance on historical features of legal conscience based on concrete moral and ideological fundament.

Keywords: legal conscience, education, patriotism, homeland.

References

1. Kolesov V.V. Domostroy (translated from Old Russian). М.: RIP-OL.2017.p.389.
2. Nikolayeva D.S. Pedagogicheskaya mysl' Rossii XVIII veka o vospitanii grazhdanstvennosti / Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova, 2006, № 4. p.190–194
3. Charter on the Prevention and Suppression of Crime, St. Petersburg, 1876, p.21.
4. Kalinina, E. Yu., Mythology of Medieval Legal Consciousness: Irrational in Rational, Moscow, 2014, p. 211.
5. Gaiderov A.A. Traditional and religious factors in the formation of the legal system of Russia: dis... Candidate of Legal Sciences. М., 2002.p.190.
6. Catherine II (emp.). Order of her Imperial majesty Catherine II, all-Russian autocrats, given by the COMMISSION about the composition the draft of the New Code. St. Petersburg.: L.F. Panteleev, 1893. p.201.
7. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 No. 6-FKZ, dated 30.12.2008 No. 7-FKZ, dated 05.02.2014 No. 2- FKZ, 01.07.2020 No. 11-FKZ) // Collected Legislation of the Russian Federation, 01.07.2020, No. 3, Art.4398.
8. Order of the Government of the Russian Federation of May 29, 2015 No. 996-r "On the Strategy for the Development of Education in the Russian Federation for the Period until 2025" // SZ RF. 2016. No. 23. Article 3357.
9. Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 683 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // SZ RF. 2015. No. 23 (part II). Article 212.

Конституционный принцип достоинства человека как гарантия для отраслевых прав

Стальнова Анастасия Сергеевна,

старший преподаватель кафедры конституционного права имени Н.В. Витрука ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»
E-mail: a.stalnova@mail.ru,

Статья посвящена рассмотрению и раскрытию конституционного принципа достоинства человека, выступающего гарантией реализации прав и свобод человека и гражданина. Автор обосновывает принцип достоинства человека в качестве сложносоставного универсального правила-требования к правовому регулированию, к правоприменительной деятельности, к поведению государства, человека и других субъектов права. Принцип достоинства человека является сложносоставным и многоаспектным, что позволяет обеспечить его эффективное гарантирование и защиту, в том числе правоприменительными органами при рассмотрении различных категорий дел. В результате исследования сделаны выводы о наличии тенденции еще более широкого понимания принципа достоинства в контексте внесенных поправок в Конституцию РФ. В этой связи систематизация подходов и внесение ясности в основное содержание принципа достоинства человека имеет важнейшее научное и практическое значение.

Ключевые слова: принципы права; достоинство человека; интегративное правопонимание; конституционный принцип; социальное государство; трудовые правоотношения.

В XXI веке последствия научно-технического прогресса, пандемии, экологические бедствия, военные и социальные конфликты, террористические угрозы, экономические кризисы, развитие искусственного интеллекта, глобальная цифровизация общества несут новые риски и усложняют задачи обеспечения и защиты достоинства человека.

На первый взгляд концепция человеческого достоинства кажется весьма размытой и абстрактной, что вызывает споры относительно того, возможна ли правовая интерпретация данного явления, или же достоинство человека является по сути философской категорией. На современном этапе развития права отчетливо доказано, что при наличии глубокого философского смысла концепция человеческого достоинства последовательно трансформируется в международном праве, в конституциях и законах государств в такие правовые категории как «принцип достоинства человека», «право на достоинство человека», «правовые гарантии достоинства человека» и т.д., которые активно применяются в юридической, в том числе судебной практике.

На сегодняшний день как в отечественной, так и зарубежной конституционной доктрине и практике органов конституционного контроля отсутствует единая точка зрения относительно того, чем по сути является правовая категория «достоинство». Международные правовые акты и конституции государств закрепляют правовую категорию «достоинство человека»: в качестве фундаментальной ценности, принципа (группы принципов) и объекта личного права. Данные категории являются тесно взаимосвязанными и на первый взгляд сложно различимыми. Однако они не тождественны и обладают собственной спецификой. Так, достоинство как фундаментальная (конституционная) ценность представляет собой ценность каждого человека в рамках определенного общества, служащей базисом, органической основой для принятия нормативных правовых актов и деятельности государственных органов и должностных лиц. Это ценность является уникальной для каждого общества и конституции государства и отражает основные правовые, религиозные, моральные и этические идеи общества на определенном этапе исторического развития.

Из данной ценности возникает одноименный принцип достоинства – сложносоставное универсальное правило-требование к правовому регулированию, к правоприменительной деятельности, к поведению государства, человека и других субъектов права.

В свою очередь из принципа как требования к правовому статусу человека вытекает субъективное право на достоинство и произвольные от него права – право на защиту достоинства, право на охрану достоинства и др.

Таким образом, достоинство человека является устоявшейся системообразующей правовой категорией, сочетающей в себе различные элементы, отражающей уникальность каждого человека.

Необходимо констатировать весьма активное использование категории «достоинство» по самым различным направлениям деятельности Конституционного Суда РФ: на 1 июня 2020 г. категория «достоинство» использовалась Конституционным Судом РФ уже в 1202 решениях¹. Из них – 220 постановлений и 982 определения. Данная динамика характерна не только для Российской Федерации, но и для зарубежных стран.

В системе общепризнанных принципов международного и конституционного права достоинству человека отведена ключевая роль. Рассматривая правовую категорию достоинства человека в качестве принципа, следует учитывать, что понятие принципов права вызывает широкую дискуссию среди научного сообщества. Как отмечает И.А. Умнова (Конюхова) в рамках новых современных доктрин правовой науке предстоит сформировать учение о принципах права как регуляторах, создать теоретическую конструкцию, определяющую особенности правовой природы, основные свойства, классификации [1. С. 24].

По мнению В.В. Ершова в силу многократного применения национальными и наднациональными судами, «основополагающие (общие) принципы внутригосударственного и (или) международного права» могут быть конкретизированы в качестве «принципов права» в иных формах внутригосударственного и (или) международного права. Например, в качестве принципов конституционного права в фундаментальном виде нормативных правовых актов – конституциях государств [2. С. 30].

В отечественной судебной правоприменительной практике сложился подход, согласно которому именно конституционные принципы «обладают высшей степенью нормативной обобщенности, определяют содержание конституционных прав человека, носят универсальный характер и в связи с этим оказывают регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений» [3. С. 15].

Принцип достоинства человека в международном праве и в конституциях государств формулируется как в чистом виде, так и в различных целевых конструкциях с добавлением: «уважение», «охрана», «защита», «соблюдение» и др. Он включает в свое содержание не только возможность жизни без унижения, то есть отсутствие какого-либо умаления «физического» достоинства человека: защиту от пыток, насилия, другого жестокого или унижающего человеческое досто-

инство обращения или наказания, но и отсутствие умаления иных видов достоинства: психического, духовно-культурного, социального, личного достоинства человека. Достоинство является многогранным явлением и не ограничивается лишь физической целостностью человека. Жизнь без унижения предполагает возможность полноценного существования в обществе и государстве, охраняющем и защищающем человека во всех сферах его жизнедеятельности. В условиях когда умалются указанные виды достоинства не возможно и всестороннее, полноценное развитие личности.

Определенный уровень материального комфорта позволяет человеку чувствовать себя достойно, контролировать ход своей жизни, и в некоторой степени защитить себя от эксплуатации со стороны государства или иного лица, что позволяет человеку интегрировать себя в обществе и утверждать себя и с политической точки зрения.

А.В. Должиков подчеркивает, что признание уважения достоинства личности как принципа, его фундаментальный и интегрирующий характер по отношению ко всей системе конституционных прав находит единодушную поддержку в конституционной доктрине и практике [4. С. 128–129].

По мнению Н.В. Витрука достоинство личности связано прежде всего с функционированием Российской Федерации как социального государства, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [5. С. 448]. Г.А. Василевич определяет проблему достоинства личности в качестве интегрального показателя сути отношений между государством, обществом и человеком [6. С. 37–40].

Как указывает И.А. Кравец «конституционализация достоинства личности определяет параметры взаимодействия на иные отрасли права, необходимость соблюдения конституционных гарантий охраны достоинства личности в иных отраслях права. В российской правовой системе достоинство личности, хотя и имеет различные отраслевые правовые регуляторы, пока не стало критерием согласования средств правового регулирования и отраслевого обеспечения прав и свобод личности, государственной социальной политики и реализации Российским государством функций социальной государственности» [7. С. 120–123].

Гарантированность охраны и защиты человеческого достоинства обеспечивается не только положениями статьи 21 Конституции РФ, но и получила свое непосредственное закрепление в иных нормативных правовых актах², что выражается

¹ Вывод сделан на основе анализа базы данных СПС «КонсультантПлюс» по состоянию на 1 июня 2020 г.

² См., например: Гражданский кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Трудовой кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 02.10.2007 N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», Федеральный закон от 15.07.1995 N 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», Феде-

наличием широкого перечня мер юридической ответственности за его нарушение. Среди них – 152 (защита чести, достоинства и деловой репутации) ГК РФ, 5.61 (оскорбление) КоАП, 128.1 (клевета), 110 (доведение до самоубийства), 282 (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства) УК РФ и т.д.

В Конституции РФ устанавливаются лишь отдельные элементы принципа достоинства и перечень основных обязательств государства, в том числе и социальных, перед обществом и людьми. При этом большое количество существующих и нерешенных социальных проблем, падение реальных доходов населения нашей страны и в целом низкий уровень жизни граждан вызвали необходимость закрепления дополнительных конституционных гарантий достоинства личности. Так в текст Конституции РФ внесена поправка, гарантирующая защиту достоинства граждан и уважение человека труда (ст. 75.1). Данная норма подчеркивает тесную взаимосвязь принципа достоинства с трудовыми правоотношениями.

Стоит отметить, что Трудовой кодекс РФ содержит основные принципы правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений. В их числе и принцип уважения достоинства человека. Согласно статье 2 ТК РФ исходя из общепризнанных принципов и норм международного права и в соответствии с Конституцией РФ основными принципами правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений признаются: обеспечение права каждого работника на своевременную и в полном размере выплату справедливой заработной платы, обеспечивающей достойное человека существование для него самого и его семьи, и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда; обеспечение права работников на защиту своего достоинства в период трудовой деятельности.

В соответствии с частью 5 статьи 75 Конституции РФ и корреспондирующей ей статьей 133 ТК РФ гарантируется минимальный размер оплаты труда не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации, то есть на 1 января 2021 г. его сумма составляет 12792 рубля в месяц¹. Сложно представить, что данный размер оплаты труда позволит обеспечить достойную жизнь гражданину и его семье. Тем самым можно сделать вывод о целесообразности внесенных дополнительных гарантий оплаты труда и его уважения непосредственно в текст Конституции РФ. Однако, необходимо, чтобы указанные поправки носили реальный характер особенно с учетом сложившейся

ральный закон от 26.04.2013 N 67-ФЗ «О порядке отбывания административного ареста» и иных.

¹ Федеральный закон от 29.12.2020 № 473-ФЗ «О внесении изменения в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета, № 1, 11.01.2021 // СПС «КонсультантПлюс».

экономической и эпидемиологической ситуации, когда многие работодатели вынуждены перевести работников на дистанционную работу и обязаны полноценно оплачивать их труд. Важно, чтобы государство оказывало необходимую финансовую поддержку, предоставив возможность каждому гражданину обеспечить достойную жизнь себе и своим близким.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

- принцип достоинства человека – это сложносоставное универсальное правило-требование к правовому регулированию, к правоприменительной деятельности, к поведению государства, человека и других субъектов права;
- по своей природе фундаментальный, общепризнанный в международном праве и конституционный принцип права в национальном праве, гарантированный положениями международных правовых актов и конституциями государств, обязывающими государство уважать, охранять и защищать его;
- принцип достоинства человека является сложносоставным и многоаспектным, что позволяет обеспечить его эффективное гарантирование и защиту, в том числе правоприменительными органами при рассмотрении различных категорий дел. Актуальность применения указанного принципа будет неоспоримо увеличиваться в связи с развитием научно-технического прогресса и необходимости его правового регулирования;
- принцип уважения человеческого достоинства предполагает возможность полноценного развития и достойного уровня жизни каждого человека. И здесь нельзя не отметить субъективное право на достойную жизнь. Защита права на достойную жизнь в данном случае можно рассматривать как часть содержания принципа достоинства человека.

Таким образом, в Российской Федерации предусмотрен широкий перечень нормативных правовых гарантий охраны и защиты человеческого достоинства как на конституционном уровне, так и на уровне иных отраслей права. Однако практическая реализация данных гарантий не всегда соответствует надлежащему обеспечению принципа достоинства человека. Многочисленные правонарушения в области охраны и защиты человеческого достоинства вызывают необходимость принятия со стороны государства и общества активных мер для фактического обеспечения человеческого достоинства.

В последние годы наметилась тенденция еще более широкого понимания принципа достоинства, в том числе в контексте внесенных поправок в Конституцию РФ. В этой связи систематизация подходов и внесение ясности в основное содержание принципа достоинства человека имеет важнейшее научное и практическое значение. Решение этих задач позволит продолжить дальнейшее исследование по данной теме и своевремен-

но учесть новые угрозы и вызовы достоинству человека.

Литература

1. Умнова-Конюхова И.А. Общие принципы права в конституционном праве и международном праве: актуальные вопросы теории и судебной практики. – М.: РГУП, 2019. С. 24.
2. Ершов В.В. Принципы права: актуальные теоретические и практические проблемы. Принципы права: проблемы теории и практики: Материалы XI международной научно-практической конференции. В 2-х ч. – Ч. 1 (разделы I–IV). – М.: РГУП, 2017. С. 30.
3. Ключко Е.И. Приемы конституционной судебной аргументации, используемые при разрешении конкуренции конституционных ценностей // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 2. С. 15.
4. Должиков А.В. «Рукописи не горят»: неписаные права в конституционном правосудии // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 1 (98). С. 128–129.
5. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 448.
6. Василевич Г.А. Обеспечение достоинства человека как интегральный показатель уровня развития права и политики // Право и политика: теоретические и практические проблемы: сборник материалов 2-й Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию ЮФ РГУ им. С.А. Есенина 4 ноября 2013 года. – Рязань: Концепция, 2013, Вып. 2. – С. 37–40.
7. Кравец И.А. Достоинство личности: диалог теории, конституционных норм, международных регуляторов и социальной реальности // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 120–123.

THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF HUMAN DIGNITY AS A GUARANTEE FOR SECTORAL RIGHTS

Stalnova A.S.

Russian State University of Justice

The article is devoted to the consideration and disclosure of the constitutional principle of human dignity, which guarantees the realization of human and civil rights and freedoms. The author substantiates the principle of human dignity as a complex universal rule—the requirements for legal regulation, for law enforcement activities, for the behavior of the state, the individual and other subjects of law. The principle of human dignity is complex and multidimensional, which makes it possible to ensure its effective guarantee and protection, including by law enforcement agencies when considering various categories of cases. The study concludes that there is a tendency for an even broader understanding of the principle of dignity, including in the context of the amendments to the Constitution of the Russian Federation. In this regard, the systematization of approaches and the clarification of the basic content of the principle of human dignity is of the most important scientific and practical importance.

Keywords: principles of law; human dignity; integrative legal understanding; constitutional principle; social state; labor relations.

References

1. Umnova-Konyukhova I.A. General principles of law in constitutional law and international law: actual issues of theory and judicial practice. – Moscow: RSUP, 2019. p. 24.
2. Yershov V.V. Principles of Law: actual theoretical and practical problems. Principles of Law: Problems of Theory and practice: Materials of the XI International Scientific and Practical Conference. In 2 parts-Part 1 (sections I–IV). – M.: RSUP, 2017. p. 30.
3. Klochko E.I. Techniques of constitutional judicial argumentation used in resolving the competition of constitutional values // Constitutional and Municipal Law. 2017. No. 2. P. 15.
4. Dolzhikov A.V. “Manuscripts do not burn”: unwritten rights in constitutional justice // Comparative Constitutional Review. 2014. No. 1 (98). pp. 128–129.
5. Vitruk N.V. General theory of the legal status of the individual. Moscow, 2008. p. 448.
6. Vasilevich G.A. Ensuring the dignity of a person as an integral indicator of the level of development of law and politics // Law and Politics: Theoretical and Practical Problems: a collection of materials of the 2nd International Scientific and Practical Conference dedicated to the 20th anniversary of the S.A. Yesenin Russian State University of Law on November 4, 2013. – Ryazan: Kontsepsiya, 2013, Issue 2. – p. 37–40.
7. Kravets I.A. Dignity of the individual: a dialogue of theory, constitutional norms, international regulators and social reality. 2019. No. 1. p. 120–123.

Инкорпорация Западной Грузии в состав Российской империи, 1774–1826: международно-правовой аспект

Шаов Ибрагим Капланович,

доцент кафедры конституционного и административного права, к.ю.н., Адыгейский государственный университет
E-mail: shaov@mail.ru

Чирков Филипп Викторович,

доцент кафедры теории и истории государства и права и политологии, к.ю.н., Адыгейский государственный университет
E-mail: xadsss@mail.ru

Гайдарева Инна Николаевна,

доцент кафедры конституционного и административного права, кандидат социологических наук, Адыгейский государственный университет
E-mail: alay_1968@mail.ru

В статье рассматривается влияние международных отношений на процесс присоединения Западной Грузии к Российской империи. По мирным договорам, заключенным Россией и Турцией в 1774 и 1791 годах, российское правительство признавало османский протекторат над Западной Грузией. Екатерина II проводила достаточно сдержанный политический курс, как в отношении Имеретинского царства, так и номинально зависящих от него территорий. С началом периода наполеоновских войн, который был открыт французским вторжением 1798 года в османский Египет, наметилось сближение России и Турции. Оно было оформлено в виде двух союзных, оборонительных договоров 1799 и 1805 годов, которые зафиксировали состояние сильной зависимости Порты от Петербурга. Несмотря на пункт о гарантиях территориальной целостности, правительство Александра I коренным образом изменило курс в отношении Западной Грузии и в первой половине 1806 г. установило над этой территорией режим протектората. Добиться однозначного согласия Порты на присоединение Западной Грузии к Российской империи не удавалось достаточно длительное время. И только по условиям Аккерманской конвенции 1826 г. Порта признала переход Имеретинского царства, Мегрелии и Абхазии под власть России.

Ключевые слова: Имеретинское царство, Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г., Ясский мирный договор 1791 г., русско-турецкие союзные договоры 1799 и 1805 г., Бухарестский мирный договор 1812 г., Аккерманская конвенция 1826 г.

Проблема инкорпорации Западной Грузии в состав Российской империи (далее РИ) традиционно рассматривается в существующей историографии как двусторонний процесс, в котором взаимодействовали два актора – руководство РИ и имеретинская военно-феодалная элита. Однако, необходимо учитывать и влияние на данный процесс могущественного третьего актора – Османской империи (далее ОИ). Эта держава играла ведущую роль в регионе Южного Кавказа, которая только усилилась после падения государства Сефевидов в Иране в 20-е годы XVIII в.

Актуальность предпринятого исследования состоит в рассмотрении процесса присоединения Западной Грузии к РИ как части международно-правовых отношений с 1774 г. (Кючук-Кайнарджийский договор) по 1826 г. (Аккерманская конвенция).

Кючук-Кайнарджийский договор и внешнеполитический статус государств Западной Грузии. В период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. у правительства РИ не было намерения присоединять Грузию [1, с. 683]. Кючук-Кайнарджийский мирный договор от 10 июля 1774 г. подтвердил территориальные приобретения РИ в Северном Причерноморье (Крымское ханство, а также турецкие территории в Крыму и Приазовье). Согласно 23-му артикулу этого трактата, РИ обязалась вывести войска из «провинций Грузии и Мингрелии»: «В части Грузии и Мингрелии находящиеся крепости Богдадчик, Кутатис и Шегербань, российским оружием завоеванные, будут Россией признаны принадлежащими тем, кому они издревле принадлежали, так что ежели подлинно оные города издревле или с давнего времени были под владением Блистательной Порты, то будут признаны ей принадлежащими» [2, с. 964].

Упоминание Мингрелии в связи с вопросом о крепостях, по мнению Е.И. Дружининой, свидетельствует о «недостаточно ясном представлении у споривших сторон относительно политического деления» Западной Грузии [3, с. 231]. Тем не менее, российские и османские дипломаты должны были знать, что указанные три крепости находятся в границах собственно Имеретии.

Российская сторона на предварительных мирных конференциях использовала этноним *грузины* расширительно, относя к грузинам и имеретинцев. Но при этом, главный российский представитель А.М. Обресков имел представление о том, что речь идет об имеретинцах и о том, что турки именуют их *ачик-баш* [3, с. 230]. При обсуж-

дении вопроса о том, кому должны принадлежать три имеретинские крепости Обресков настаивал на том, что их надо возвратить «грузинам» на том основании, что они всегда обладали ими и только незадолго до войны РИ и ОИ, эти крепости были заняты турками. Оговорка «ежели подлинно» была включена Обресковым совершенно осознанно, поскольку позволяла впоследствии оспаривать османские права на эти крепости [3, с. 231].

Этим артикулом ОИ навсегда обязывалась «не почитать между ими никого за своих подданных *кроме тех, кои издревле ей принадлежали*; все замки и укрепленные места, бывшие у грузинцев и мингрельцев во владении, оставить паки под собственной их стражей и правлением, <...> и да не будут притесняемы какими-либо требованиями от губернатора Чилдирского и от прочих начальников и офицеров, к лишению их имений. *Но как помянутые народы находятся подданными Блистательной Порты, то Российская империя не имеет со всем впредь в оные вмешиваться, ниже притеснять их*» [2, с. 964].

Формально, последнее предложение артикула означало, что РИ признает не только мегрелов, которые с XVI в. являлись османскими подданными, но и грузин подданными османского султана, что не отражало реального внешнеполитического положения Грузии. Обретшее к этому времени фактическую независимость, Картли-Кахетинское царство являлась вассальным государством в составе Ирана. Теймураз II, отец Ираклия, и сам Ираклий были возведены на картлийский и кахетинский троны соответственно в 1745 г. могущественным Надир-шахом [4, с. 295]. Но, после смерти Надир-шаха, Иран вступил в полосу тяжелого социально-экономического и политического кризиса и не смог воспрепятствовать вступлению в 1769 г. российских войск на свою территорию. Тем не менее, Екатерина II посчитала необходимым принести правителю Ирана Керим-хану Зенду Мохаммаду (управлявшему страной от имени сефевиды Исмаила III с титулом *вакиль ад-доула* «уполномоченный государства») свои извинения за вторжение в Грузию [4, с. 308–309]. Поэтому рассматриваемый артикул Кючук-Кайнарджийского договора не следует рассматривать как российское признание османского господства над Картли-Кахетией. Преимущественные права Ирана на Грузию признавал и османский султан [4, с. 310].

Также не совсем определенный характер носило положение об отказе османов считать «между ими никого за своих подданных *кроме тех, кои издревле ей принадлежали*». Но определение и перечисление этих османских подданных оставлено за рамками договора. А.Г. Пирцхалаишвили отмечал, что по условиям Кючук-Кайнарджийского договора, «Имеретия, избавленная от турецкой оккупации и позорной дани турецкому султану, оставлена *de jure* в подданстве Порты Оттоманской» [5, с. 8].

Положение Западной Грузии после Георгиевского трактата. 23 августа 1783 г., сразу после

подписания в Георгиевске российско-грузинского «дружественного договора», имеретинский царь Соломон I направил П.С. Потемкину письмо с выражением готовности приступить к переговорам о подписании подобного трактата. Но, как подчеркивают В.В. Трепавлов и Л.С. Гатагова, в Санкт-Петербурге вопрос о принятии Имеретии под покровительство империи считали преждевременным, «поскольку по формальным признакам Западная Грузия находилась в зависимости от Османской империи, и во избежание нежелательного военного конфликта российской дипломатии приходилось учитывать ее интересы» [6, с. 33].

В июне 1784 г., после смерти убежденного сторонника РИ Соломона I, трон занял его двоюродный брат Давид Георгиевич – Давид II. Часть местной знати поддерживала юного племянника Соломона I царевича Давида Арчиловича, который по линии своей матери приходился внуком Ираклию II. Своего кандидата в лице Кайхосро Абашидзе (предок которого, Георгий Абашидзе правил под именем Георгия VI в 1702–1707 гг.), продвигал ахалцихский паша. Вопрос обсуждался русскими и османскими дипломатами в Константинополе, после чего Порта перестала поддерживать К. Абашидзе [4, с. 316].

С.Д. Бурнашев, российский уполномоченный при царе Ираклии II, сообщал командующему Кавказским корпусом ген.-поручику П.С. Потемкину 18 октября 1785 г.: «приезжал к царю Давыду опять Селим-ага от Сулейман-паши с обнадешиванием о присылке ему от Порты сабли, шубы и фермана о признании на царское достоинство» [6, с. 452]. С.Д. Бурнашев не сомневался в контактах Давида с Портой через ахалцихского пашу, «но чтоб они были искренные, точно определить невозможно». В этом плане, очень характерно, что мятежные имеретинские князья (во главе с Г. Цулукидзе) также обращались за военной поддержкой к османам, обещая в случае свержения Давида, вернуть им имеретинские крепости Кутаис, Шорапан и Богдад, которые формально были возвращены ОИ по Кючук-Кайнарджийскому договору, но, фактически, оставались во владении имеретинцев [6, с. 463]. Это объясняет тактику Давида, который, не получив никакой определенной поддержки от РИ, был вынужден в целях обеспечения стабильности в своих владениях искать покровительства Порты.

Из письма князя Э. Эристова (ноябрь 1785 г.), занимавшего пост сахлтуцеса Имеретии, становится более понятной деятельность Г. Цулукидзе, как сторонника воцарения Давида Арчиловича, внука Ираклия. Цулукидзе возмутил массу народа и распространил слух или соответствующую реальности информацию о том, что «султанская грамота прислана в Ахалцих к принцу» [6, с. 465]. Сулейман-паша «получил ферман царю имеретинскому на царское достоинство, но как и царь, и внук его оба Давиды, то Сулейман и благоприятствует внуку» (царя Ираклия) [6, с. 494]. Это говорит о подлинности фирмана и самой информации

о его выдачи Портой: по всей видимости, он был выдан на имя действующего имеретинского царя Давида, а Сулейман, пользуясь тем, что указано только имя, хотел отдать фирман Давида Арчиловичу. Царевич Давид в июне 1787 г. находился в Ахалцихе, а Давид II, согласно С.Д. Бурнашеву, убедительно просил «не отпускать его в Имеретию, обещая немалую за то сумму денег и послушность» [6, с. 535].

Давид II в конце июля 1787 г. писал П.С. Потемкину о том, что «посланной от нас к высочайшему двору католикос с просительной грамотою и до сего времени не возвратился» [6, с. 556]. Суть посольства состояла в получении гарантий заключения договора о покровительстве на манер Георгиевского трактата: «желание и старание на вечность состоит о освобождении себя от несчастного ига покровительством всевысочайшаго двора» [6, с. 556].

В июле 1787 г. Порта предъявила русскому послу Я.И. Булгакову ультиматум, касавшийся Крыма и Грузии, в котором содержалось требование возвратить Крым и признать Грузию вассальным владением султана [6, с. 46]. 13 августа ОИ объявила РИ войну. Реакция Екатерины II во многом объясняет ее пассивность в отношении Грузии в предшествующий период: 29 августа П.С. Потемкин подписал ордер С.Д. Бурнашеву о выводе российских батальонов из Грузии, а из С.-Петербурга был отослан посол Ираклия Г.Р. Чавчавадзе [6, с. 46–47].

7 сентября Екатерина подписала манифест о войне с ОИ, в котором одним из поводов к войне значилось вторжение ОИ в область сюзеренных прав РИ над Картли-Кахетией. Грузия стала поводом к войне, но при этом не стала театром военных действий войны 1787–1791 гг. Тем более сдержанной стала реакция Екатерины на обращения Давида II, посол которого был направлен в РИ в 1787 г., но удерживался в Украине до 1789 г. и только потом ему было позволено прибыть к императорскому двору. Имеретия в это время контролировалась османскими войсками [4, с. 316–317]. В 1789 г. Давид, под давлением Ираклия и части своих подданных, уступил трон Давиду Арчиловичу, правившему под именем Соломона II. Характерно, что отставной царь, посол которого искал поддержки для Имеретии в РИ, эмигрировал в ОИ и умер в Ахалцихе в 1795 г. [4, с. 323].

5 декабря 1790 г. имеретинский посланник в РИ В. Габашвили просил президента Военной коллегии генерал-фельдмаршала Г.А. Потемкина-Таврического учесть интересы Имеретии в переговорах с ОИ. Он предлагал учредить российское консульство в Ахалцихе; отнять у турок пристани – Батуми в Гурии и Поти в Одиши (Мегрелии); а если не получится, то хотя бы учредить в них российское консульство с тем, чтобы прекратить торг грузинскими невольниками; заявить о покровительстве РИ над Имеретией или, по меньшей мере, «заранее секретно заключить соединение между Россией и Имеретией» [6, с. 572]. При этом, име-

ретьницы не претендовали на контроль над Абхазией: «Апхазию оставить по себе, которые турками не завоеваны, дать им волю».

Стоит заметить, что имеретинские и грузинские обращения не просто игнорировались, но и к их выразителям относились с заметным пренебрежением [7, с. 174]. Тем не менее, совсем не учитывать интересы Грузии РИ не могла и в Яском мирном договоре ст. 5-я обязывала Порту издать фирман, который подтверждал ранее изданный ею фирман, согласно которому паша Ахалциха и другие пограничные наместники «впредь ни тайно, ни явно, ни под каким видом не оскорбляли и не беспокоили земель и жителей, владеемых царем Карталинским» [8, с. 290]. Статус Имеретинского царства с номинально подчиненными ему владениями не рассматривался на прелиминарных конференциях и никоим образом не ставился российскими дипломатами. Фактически, по условиям Яского мира, Екатерина II признала османские права на Имеретию и Мегрелию.

Османские паши оставались арбитрами в конфликтах между владельцами Западной Грузии. В 1796 г. И.Е. Сырохнев, командир русского контингента в Тифлисе, отмечал, что уже три года отстранен Соломоном от управления Мегрелией Григорий Дадиани; что год он проживал в Ахалцихе и потом «приватно в Имеретии»; теперь же он приехал к Ираклию с просьбой восстановить его во владении Мегрелией. Царевич Георгий, тесть Г. Дадиани, направил к сераскеру Юсуф-паше нарочного с просьбой посодействовать мегрельскому князю [6, с. 608]. Сераскер ответил в том духе, что Дадиани должен сам приехать к нему, а не искать помощи у Ираклия [6, с. 608].

В 1801 г. односторонний акт (манифест) Александра I по присоединению Грузии и принудительное переселение в Россию представителей царского рода вызвали настороженную реакцию у Соломона II [5, с. 33]. В 1802 г. планы по аннексии Имеретии на высшем российском уровне еще не оформились. Более того, в 1802–1803 гг. Александр I одергивал своих подчиненных и указывал им на невозможность силовой политики в отношении Имеретии, поскольку она находится под протекторатом ОИ [5, с. 29]. Внешнеполитический фон тем более не способствовал тому, чтобы игнорировать ОИ.

Влияние союзных русско-турецких договоров. В 1798 г. Наполеон вторгся в Египет, что знаменовало новую эпоху в европейской и ближневосточной политике. Ведущие державы нацелились на османское наследство и впервые после крестовых походов многочисленные корпуса и эскадры Франции и Англии стали действовать в арабских провинциях ОИ. После эвакуации в 1801 г. французов из Египта, откуда их выдавили совместными усилиями англичане и османы, началась серия завоевательных кампаний Наполеона в Европе. Последовавшее десятилетие заполнено сложно переплетающимся клубком коалиций и военных союзов против наполеоновской Франции, в кото-

рых РИ и ОИ выступали то в качестве ее противников, то – вынужденных союзников. Двусторонние русско-турецкие отношения также колебались от создания оборонительного союза против Франции в самом конце 1798 г. до не слишком ожесточенной войны 1806–1812 гг., которая велась сторонами с очень большими перерывами и была к большой выгоде РИ завершена накануне наполеоновского вторжения 1812 г.

1-й русско-турецкий союзный Константинопольский договор был подписан (по новому стилю) 3 января 1799 г. Согласно 2-му артикулу этого договора, провидчески заключенного на 8 лет, стороны подтвердили действие в полном объеме Ясского мира 1791 г. Согласно 3-му артикулу стороны гарантировали «взаимное ручательство на все ими владеемые земли» [9, с. 500]. 10-й артикул предоставил РИ свободный проход через «Канал» (Босфор и Дарданеллы) в Средиземное море [9, с. 501]. В этом и состояло, по замечанию Г.А. Клейнмана, главное геополитическое значение этого союза для РИ, которая впервые добилась прохода для своих военных кораблей через Проливы [10, с. 157]. Союзнические отношения ОИ и РИ еще более упрочились 24 сентября 1802 г., когда стороны достигли соглашения о режиме управления в дунайских княжествах – Валахии и Молдавии. Готовность ОИ поддерживать союзнические отношения с РИ диктовалась не только сложным внешнеполитическим положением, но и острым внутриполитическим кризисом [11, с. 112–115].

Давление со стороны РИ компенсировалось французским влиянием: из врага Порты после подписания англо-французского Амьенского мира 25 марта 1802 г. (к которому 13 мая 1802 г. присоединилась ОИ, поскольку Лондон и Париж гарантировали ее территориальную целостность), Франция начала превращаться в потенциального союзника. Главное французское требование к Порте состояло в том, что она должна была отказаться от оборонительного союза с РИ, закрыть доступ в Средиземное море для русских кораблей и, соответственно, открыть доступ в Черное море для французского флота [12, с. 76].

Российско-османские отношения подспудно обострялись и это очень хорошо чувствовали ведущие российские деятели. В «Записке об Имеретии», составленной штабом Цицианова, и приложенной к его письму к гр. А. Воронцову (12.06.1803) говорится о фактической независимости Имеретии от ОИ: «Поелику Имеретия избавлена от ига неверных помощью победоносного Российского оружия и уже слишком 30 лет не имеет никаких отношений с Портой Оттоманской, то царь Соломон просит Е.И.В. принять оную, яко царство единоеверное, под свое высокое покровительство и защиту» [13/II, с. 347]. Очевидно, что П.Д. Цицианов неверно интерпретировал 23-й артикул Кючук-Кайнарджийского трактата, а также намеренно искажал действительность, когда заявлял об отсутствии политических контактов Имеретии с Портой.

Позиция императора стала меняться с февраля 1803 г., когда Цицианов получил «для единственного сведения» высочайше одобренный план «приобретения Имеретии с княжествами Дадиановским и Гуриеловским» [13/II, с. 341]. Цицианов вошел в переписку с российским послом в Турции А.Я. Италинским с тем, чтобы тот убедил султанское правительство уступить Имеретию, Мегрелию и даже Поти [13/II, с. 342].

В октябре 1803 г. канцлер А.Р. Воронцов сообщал Цицианову, что известие «о присоединении Мингрелии в подданство России принято Портою без всякого неудовольствия» и что он надеется достигнуть того же в отношении Поти [13/II, с. 462]. Мнение, которое высказал Цицианов 26 апреля 1804 г. (т.е. на следующий день после подписания Соломоном «просительных пунктов») на основе сообщений Италинского: «Порта Оттоманская нимало не занимается происшествиями здешняго края» [13/II, с. 378]. Только масштабными внутренними проблемами и нежеланием разрывать союзный договор с РИ, можно объяснить почти полную пассивность Порты в 1804 г.

Позиция Соломона II, столкнувшегося после апреля 1804 г. с оскорбительными нарушениями его владельческих прав, стала заметным образом трансформироваться. Представитель П.Д. Цицианова при имеретинском дворе П.М. Литвинов в декабре 1804 г. сообщал: «царь послал к турецкому двору просительное письмо чрез Ахалцихского пашу о принятии его в покровительство Порты, обещевая все крепости, бывшие во власти турок, возобновить на свой счет и платить дань существовавшую прежде, только бы принудить российские войска выйти из Имеретии и Мингрелии» [13/II, с. 418]. Соломон намеревался через посредство паши отправить своего наследника Константина в Стамбул [13/II, с. 425]. Литвинов сообщал также о решениях совета при Соломоне: царскому двору предлагалось зимовать в Вардцихе, чтобы иметь возможность бежать в Ахалцихские горы; обсуждалось, что российский император везде уничтожает власть царей – в Польше, Крыме, Грузии [13/II, с. 447].

Во время установления российского протектората над Имеретией, в первой половине 1804 г. начались переговоры о продлении русско-турецкого союзного договора 1799 г. (хотя его срок истек только в 1807 г.). Петербург стремился не только сохранить свои привилегии по договору 1799 г., но и вовлечь ОИ в новую антифранцузскую коалицию. Порта настаивала на том, чтобы договор носил сугубо оборонительный характер и не обязывал ее участвовать в войне с Францией.

Новый русско-турецкий союзный Константинопольский договор был подписан 23 сентября 1805 г. Он состоял из преамбулы, 15 гласных и 10 секретных статей. В 1-й гласной статье указывалось, что у двух держав отныне «будут общие друзья и общие враги». 2-я статья повторяла обязательства сторон по договору 1799 г. оказывать военную или, по крайней мере, финансовую под-

держку стороне, подвергшейся нападению. 13-я статья гарантировала державам «целостность их владений в их нынешнем состоянии» [12, с. 77]. В секретной части договора стороны согласились с тем, что у французского правительства наличествуют намерения и планы, направленные против владений Блистательной Порты. Порта взяла на себя обязательство пропускать русские суда в Средиземное море на период военных действий против Франции. Обе стороны согласились рассматривать Черное море как закрытое и не допускать появления в нем военных судов прочих держав [12, с. 78].

А.В. Фадеев отмечал, что согласившись подписать этот договор, ОИ признала де-факто присоединение к РИ Имеретии и Мегрелии, а Александр I вынужден был отказаться от новых территориальных приобретений на Черноморском побережье Кавказа [14, с. 123–124].

2 декабря 1805 г., после Аустерлица, ОИ признала Наполеона императором. 20 апреля 1806 г. особой нотой Порта уведомила российскую сторону о «желании султана, чтобы русские военные суда не проходили более через проливы» [15, с. 7].

Русско-турецкие отношения этого времени характеризуются быстрыми и значительными колебаниями, вызванными общей нестабильностью в Европе. Увидев, что Петербург решился на мир с Наполеоном, в Константинополе не стали идти на обострение отношений. РИ и Франция подписали 20 июля 1806 г. в Париже мирный договор. Этот в целом довольно выгодный для России акт подтверждал, кроме всего прочего, независимость и территориальную целостность Турции (ст. 6). Но уже в августе Александр отказался ратифицировать договор, выразив неудовольствие якобы самовольными действиями своего посла [1, с. 571]. Таким образом, РИ в союзном договоре 1805 г. гарантировала ОИ ее территориальную целостность, а в договоре с Францией в 1806 г. отказалась от этого пункта и, более того, этот пункт стал камнем преткновения.

Имеретинская проблема в контексте русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Разгром прусской армии в октябре 1806 г. и вступление Наполеона в Берлин, произвели огромное впечатление на Селима III, который укрепился в своей решимости противостоять РИ и не пропускать ее корабли через проливы. Осенью 1806 г. пролив был закрыт для русского флота. Османское правительство отважилось даже, по совету французского посла Себастиани, сместить господарей Валахии и Молдавии [12, с. 79].

РИ восприняла эти действия Порты в княжествах в качестве *casus belli*. Согласно Б.Э. Нольде, именно РИ развязала войну против ОИ в 1806 г., поторопившись ввести 16 октября 1806 г. войска в княжества, тогда как на руках у российского посланника в Константинополе уже было «полное удовлетворение от Дивана», согласно которому Порта восстанавливала у власти прорусских господарей Ипсиланти и Мурузи [1, с. 575].

27 декабря 1806 г. был опубликован султанский хатт-и шериф об объявлении войны РИ. Так началась война, которая продлится 6 лет и приведет к поглощению РИ Бессарабии. В 1806 г. сераскир Хаджи-Юсуф-паша переслал Соломону фирман, обещавший восстановить прежний уровень самостоятельности Имеретии под протекторатом султана [13/II, с. 339].

После серьезного поражения от Наполеона в сражении при Фридланде (2/14 июня 1807 г.), Александр был вынужден искать мира. Согласно 21-й статье Тильзитского мирного договора (25 июня/ 7 июля 1807 г.) между Францией и РИ, российская сторона взяла на себя обязательство прекратить все военные действия против ОИ [16, с. 1236]. Что и было сделано по Слободзейскому перемирию, от 24 августа 1807 г., сроком до 15 марта 1808 г.; Александр отказался ратифицировать Слободзейское перемирие, но оно фактически соблюдалось много дольше заявленной даты – до весны 1809 г. Согласно 22-й статье Тильзитского договора, РИ была обязана вывести войска из дунайских княжеств (этот пункт потом вошел в Слободзейское перемирие). Также, Александр принимал посредничество Наполеона в установлении мира с Турцией (ст. 23) [15, с. 10].

Кроме того, 25 июня (7 июля) 1807 г. в Тильзите между РИ и Францией был заключен тайный «Договор о союзе наступательном и оборонительном», состоявший из девяти статей [17, с. 29]. Статья 8-я этого секретного договора провозглашала, что в случае неприятия Портой французского посредничества в заключении мира с РИ, или неудачи русско-турецких переговоров в течение трех месяцев после их начала, Франция соединится с Россией против Турции и они совместными усилиями отберут у турок все европейские провинции, за исключением Румелии и Константинополя [15, с. 11].

Планы увеличения территории РИ касались не только дунайских княжеств, но и Кавказа. В сентябре 1807 г. Александр инструктировал своих дипломатов: 1) требовать от Порты возмещения убытков; 2) Бессарабию с крепостями Бендеры, Аккерман, Килия, Измаил; 3) «границу от устья Кубани до Фазы с крепостями Анапа, Суджук-Кале, Сохум-кале, Анаклиа, Потти и замок Изгаур» [1, с. 582].

12 октября 1808 г. РИ и Франция подписали Эрфуртскую конвенцию, которой Наполеон пожертвовал интересами своего османского союзника. Статья VIII конвенции признавала де-факто российскую аннексию Валахии и Молдавии, констатируя, что император всероссийский «перенес уже границы своей империи в эту сторону до Дуная и присоединил к своей империи Молдавию и Валахию», а император Наполеон «признает упомянутое присоединение и границы Российской империи в эту сторону перенесенными до Дуная» [1, с. 587]. Статья IX обязывала российского императора хранить «в глубочайшем секрете» от Порты содержание статьи VIII. Франция отказывалась

от своего посредничества. Статья X гарантировала невмешательство Франции в случае, если ОИ не согласится мирным путем уступить княжества, а «возгорится война». Д. Рейфилд не обратил внимание на это коренное изменение ситуации в обязательствах РИ соблюдать территориальную целостность ОИ, когда отмечает, что «несмотря на Тильзитский мирный договор, в ноябре 1809 г. генерал Дмитрий Орбелиани отбил Поти у турок» [4, с. 336].

В течение второго периода войны (март 1809 – июль 1810) турки потеряли все свои опорные пункты на Кавказском побережье от устья Кубани до устья Риони [14, с. 154].

Бухарестский договор и Аккерманская конвенция. В 1812 г. РИ оказалась втянута в войну с наполеоновской Францией, что сделало ее несколько более сдержанной в проведении экспансионистской политики на Кавказе и в плане дипломатического диалога с ОИ [18, с. 177]. В этом отношении очень показательно, что договор был подписан 16/28 мая, а вторжение французов началось 12/24 июня 1812 г.

В тексте Бухарестского мирного договора российские и османские уполномоченные не удосужились каким-то внятным образом описать коренное изменение в судьбах западнотурецких государств [19, с. 316–322]. Анонимность присоединяемой территории в тексте договора носила вынужденный характер. Имеретинского царства уже не существовало, с точки зрения российского права – с 10 февраля 1808 г. (рескрипт Александра), а де-факто – с лета 1810 г., когда российские войска подавили имеретинское восстание под руководством Соломона II. Зато была допущена двусмысленная формулировка в виде 6-й статьи, согласно которой границы между РИ и ОИ на Кавказе «восстанавливаются совершенно так, как были прежде до войны, и потому Россия отдаст и возвращает Порте в таком состоянии, в каком теперь находятся, крепости и замки, внутри сей границы лежащие и оружием е.в. завоеванные» [19, с. 318]. С османской точки зрения, суть 6-го артикула Бухарестского договора состояла в возвращении предвоенного статус-кво. Поэтому Порты настаивала на возвращении всех русских завоеваний в азиатской части. Хотя Западная Грузия были потеряны, ОИ смогла получить обратно причерноморские крепости и непосредственно связанные с ними земли. В 1813 г. губернатор Трабзона Хазинедарзаде Сулейман-паша во взаимодействии с русскими представителями обеспечил возвращение Анапы и Поти [18, с. 177].

РИ удалось удержать за собой Сухум (безусловно, подлежавший 6-й статье трактата, поскольку находился под прямым военным контролем ОИ и был захвачен русским десантом) и Редут-Кале (Кемхал в османской номенклатуре). Российская сторона апеллировала к окончанию артикула: «и оружием е.в. завоеванные». Министр иностранных дел РИ Н.И. Румянцев настаивал, что «по смыслу оной статьи ясно разумеется, что она

относительно не относится до владений и областей, которые прежде и в продолжение последней войны нашей с Портою добровольно покорились скипетру Е.В. и присоединились к Российской империи» [13/V, с. 779].

Если в русско-турецком мирном договоре владения Западной Грузии не упоминались, то в Гюлистанском мирном договоре (12 (24) октября 1813 г.), который подвел итоги русско-персидской войны 1804–1813 гг., упоминается не только Имеретия, но и Абхазия, Мегрелия и Гурия, принадлежность которых к РИ признало шахское правительство [20, с. 210].

К.А. Жуков отмечает, что русско-турецкая граница в Западной Грузии была окончательно установлена Аккерманской конвенцией 25 сентября 1826 г. [21, с. 15]. Статья I-я конвенции подтверждала во всей силе условия Бухарестского мира и поясняла, что текст данной конвенции служит только его уточнением [20, с. 59]. Это главное уточнение было прописано в статье IV-й, постановившей «что впредь азиатские границы между договаривающимися державами будут те самые, кои существуют ныне» [20, с. 60–61].

Выводы. Процесс инкорпорации Имеретинского царства (Западной Грузии) в состав РИ происходил в рамках более общего процесса территориальной экспансии РИ на Южном Кавказе. Начальная фаза этого процесса относится к русско-турецкой войне 1768–1774 гг., в ходе которой имеретинский царь Соломон I, являвшийся османским вассалом, выступил союзником РИ. Тем не менее, в Кючук-Кайнарджийском договоре Имеретия не была упомянута ни в одном из артикулов, а завоеванные русскими войсками при поддержке местных ополчений три османских крепости на ее территории, были возвращены Порте. Точно также РИ уклонилась от запрашиваемого имеретинцами протектората и не нашла необходимым регулировать их статус в рамках Ясского мирного договора.

Возможность для присоединения Имеретии к РИ возникла не в ходе русско-турецких войн и сопровождавших их переговоров, но в тот период, когда две империи – Османская и Российская – стали союзниками. Два союзных, оборонительных договора, 1799 и 1805 гг., были направлены против наполеоновской Франции и создали внешнеполитическую основу для мирного присоединения к России в первой половине 1804 г. Имеретинского царства и номинально подчиненного ему Мегрельского владения.

В 1806–1812 гг. две империи вновь откатились в своих отношениях до состояния открытого военного конфликта, который они, впрочем, вели не слишком активно и с большими перерывами. Порты попыталась оспорить присоединение западнотурецких земель к РИ в ходе переговоров и по условиям Бухарестского мира. Неоднозначность положений этого договора позволяла претендовать не только на возвращение захваченных военным путем османских крепостей на кав-

казском побережье, но и всех бывших вассальных территорий. Окончательно, данная политико-дипломатическая коллизия разрешилась по условиям Аккерманской конвенции в 1826 г.

Литература

1. Нольде Б.Э. История формирования Российской империи / Пер. с фр. Л.Ф. Сахибгареевой; отв. ред. В.А. Тишков. Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2019. – 768 с.
2. Трактат вечного мира и дружбы, заключенный между империей Всероссийской и Оттоманской Портой в ставке главнокомандующего, генерал-фельдмаршала, графа Румянцева, при деревне Кучук-Кайнарджэ на правом берегу реки Дуная, в 13 день генваря 1775 года // Полное собрание законов Российской империи. Т. XIX. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – С. 957–967 (14164).
3. Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. (Его подготовка и заключение). – М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. – 368 с.
4. Рейффилд Д. Грузия. Перекресток империй. История длиной в три тысячи лет. – М.: Колibri, Азбука-Аттикус, 2017. – 605 с.
5. Пирцхалаишвили А.Г. Имеретия и Гурия в период 1804–1840 гг. // Материалы по истории Грузии и Кавказа. – Вып. I. – Тбилиси, 1942. – С. 1–120.
6. Из истории российско-грузинских отношений: К 230-летию заключения Георгиевского трактата. Сборник документов / Отв. ред. А.Н. Артизов. – М.: Древлехранилище, 2014. – 768 с.
7. Григорович Н.И. Канцлер князь Безбородко. Опыт обработки материалов для его биографии. XIII. Ясский мир. (Переписка князя Безбородки с Екатериной II-ю) // Русский архив. – 1876. – № 2. – С. 129–198.
8. Трактат вечного мира и дружбы заключенный между Империей Всероссийской и Оттоманской Портой в Яссах, 29 декабря 1791 г. // ПСЗРИ. – Т. XXIII: С 1789 по 6 ноября 1796 г. – СПб., 1830. – С. 287–292 (17008)
9. Союзный и оборонительный договор, заключенный между Империей Всероссийской и Оттоманской Портой в Константинополе, 23 декабря 1798 г. // ПСЗРИ. – СПб., 1830. – Т. XV. 1798–1799. – С. 500–502 (№ 18797).
10. Клейнман Г.А. Русские архивные материалы как источник для изучения русско-турецких отношений на рубеже XVIII–XIX вв. // Тюркологический сборник 1978. – М.: Наука, 1984. – С. 151–158.
11. Миллер А.Ф. Мустафа паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX века. – М., Л.: Издательство академии наук СССР, 1947. – 508 с.
12. Новичев А.Д. История Турции. Т. II. Новое время. Ч. I (1792–1839). – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1968. – 280 с.
13. Акты Кавказской археографической комиссии / Под ред. А.Д. Берже. Тифлис: В типографии Главного управления наместника кавказского. – Т. II. 1868. 1238 с.; Т. V. 1873. 1170 с.
14. Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX века. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. – 399 с.
15. Горяинов С.М. Босфор и Дарданеллы: Исследование вопроса о проливах по дипломатической переписке, хранящейся в Государственном и С.-Петербургском главных архивах. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1907. – V, [3], 355 с.
16. Манифест о заключении мира с Французскою Империею. – С приложением трактата между Россией и Франциею, заключенного в Тильзите 1807 июня 25/ июля 7 дня // ПСЗРИ. – Т. XXIX. – СПб., 1830. – С. 1232–1237 (№ 22584).
17. Томсинов В.А. Роковая война Наполеона Бонапарта // Партитура Первой Отечественной. Война 1812 года / Составитель Е.Н. Рудая. – М.: Вече, 2012. – С. 15–82.
18. Bilge S.M. Osmanlı Devleti ve Kafkasya. Osmanlı Varlığı Döneminde Kafkasya'nın Siyasî-Askerî Tarihi ve İdarî Taksimâtı (1454–1829). İstanbul: EREN, 2005. 295 s.
19. Трактат. О мире между Россией и Оттоманской Портой. 16 мая 1812 г. // ПСЗРИ. – Т. XXXII: 1812–1815 гг. – СПб., 1830. – С. 316–322 (№ 25.110).
20. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. Собрал и издал Т. Юзефович. – СПб.: Типография О.И. Бакста, 1869. – XXII, 296 с.
21. Жуков К.А. Некоторые узловые моменты русско-турецких отношений в конце XVII – начале XX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. – 2009. – Вып. 2. – С. 10–22.

INCORPORATION OF WESTERN GEORGIA INTO THE RUSSIAN EMPIRE, 1774–1826: INTERNATIONAL LEGAL ASPECT

Shaov I.K., Chirkov Ph.V., Gaidareva I.N.
Adygean State University

The article discusses the impact of international relations on the process of accession of Western Georgia to the Russian Empire. According to the peace treaties concluded by Russia and Turkey in 1774 and 1791, the Russian government recognized the Ottoman protectorate over Western Georgia. Catherine II pursued a rather restrained political course, both in relation to the kingdom of Imereti and its nominally dependent territories. With the beginning of the period of the Napoleonic Wars, which was opened by the French invasion of Ottoman Egypt in 1798, rapprochement of Russia and Turkey was outlined. It was framed in the form of two allied, defensive treaties of 1799 and 1805, which recorded a state of Turkey's strong dependence from Petersburg. Despite the clause on guarantees of territorial integrity, the government of Alexander I radically changed course with regard to Western Georgia and in the first half of 1806 established a protectorate regime over this territory. Obtaining the Porte's unambiguous consent to the annexation of Western Georgia to the Russian Empire did not succeed for a sufficiently long time.

And only under the terms of the Akkerman Convention of 1826 did the Turkey recognize the transfer of the kingdom of Imereti, Megrelia and Abkhazia under Russian rule.

Keywords: Kingdom of Imereti, the Treaty of Kuchuk-Kainarji 1774, the Treaty of Jassy 1791, Russian-Turkish alliance treaties of 1799 and 1805, the Treaty of Bucharest 1812, the Akkerman Convention 1826.

References

1. Nolde B.E. The history of the formation of the Russian Empire. – SPb.: “Publishing house of Oleg Abyshko”, 2019. – 768 p.
2. A treatise of eternal peace and friendship concluded between the Russian Empire and Ottoman Porte at the headquarters of the commander-in-chief, Field Marshal, Count Rumyantsev, at the village of Kuchuk-Kaynardzhe on the right bank of the Danube River, on the 13th day of January 1775 // Complete collection of laws of the Russian Empire. – T. XIX. – SPb.: Printed in the Printing House of the II Department of His Imperial Majesty’s Own Chancellery, 1830, pp. 957–967 (14164).
3. Druzhinina E.I. Kuchuk-Kainardzhiyskiy peace of 1774. (His preparation and conclusion). – M.: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1955. – 368 p.
4. Rayfield D. Georgia. Crossroads of Empires. A history of three thousand years. – M.: KoLibri, Azbuka-Atticus, 2017. – 605 p.
5. Pirtskhalaishvili A.G. Imereti and Guria in the period 1804–1840 // Materials on the history of Georgia and the Caucasus. – Issue. I. – Tbilisi, 1942, pp. 1–120.
6. From the history of Russian-Georgian relations: To the 230th anniversary of the conclusion of the Georgievsky treatise. Collection of documents. – M.: Drevlehranilishche, 2014. – 768 p.
7. Grigorovich N.I. Chancellor Prince Bezborodko. Experience in processing materials for his biography. XIII. The Treaty of Jassy. (Correspondence between Prince Bezborodko and Catherine II) // Russian archive. – 1876. – No. 2, pp. 129–198.
8. A treatise of eternal peace and friendship concluded between the Russian Empire and the Ottoman Porte in Jassy, December 29, 1791 // Complete collection of laws of the Russian Empire. – T. XXIII: From 1789 to November 6, 1796. – SPb., 1830, pp. 287–292 (17008)
9. A union and defensive treaty concluded between the Russian Empire and the Ottoman Porte in Constantinople, December 23, 1798 // Complete collection of laws of the Russian Empire. – SPb., 1830. – T. XV. 1798–1799, pp. 500–502 (No. 18797).
10. Kleinman G.A. Russian archival materials as a source for the study of Russian-Turkish relations at the turn of the XVIII–XIX centuries // Turkological collection 1978. – Moscow: Science, 1984, pp. 151–158.
11. Miller A.F. Mustafa Pasha Bayraktar. The Ottoman Empire in the early 19th century. – M., L.: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1947. – 508 p.
12. Novichev A.D. History of Turkey. T. II. New time. Part I (1792–1839). – L.: Publishing house of the Leningrad University, 1968. – 280 p.
13. Acts of the Caucasian Archaeographic Commission. – Tiflis: In the printing house of the Main Directorate of the Governor of the Caucasus. – T. II. 1868.1238 p.; T. V. 1873. 1170 p.
14. Fadeev A.V. Russia and the Caucasus in the first third of the 19th century. – Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1960. – 399 p.
15. Goryainov S.M. Bosphorus and Dardanelles: Study of the issue of the straits through diplomatic correspondence kept in the State and St. Petersburg main archives. – SPb.: Printing house I.N. Skorokhodova, 1907. – V, [3], 355 p.
16. Manifesto for the conclusion of peace with the French Empire. With the attachment of a treatise between Russia and France, concluded in Tilsit 1807 June 25 / July 7 // Complete collection of laws of the Russian Empire. – T. XXIX. – SPb., 1830, pp. 1232–1237 (No. 22584).
17. Tomsinov V.A. The fatal war of Napoleon Bonaparte // Score of the First Patriotic War. War of 1812. – M.: Veche, 2012, pp. 15–82.
18. Bilge S.M. Osmanlı Devleti ve Kafkasya. Osmanlı Varlığı Döneminde Kafkasya’nın Siyasî-Askerî Tarihi ve İdarî Taksimâtı (1454–1829). – İstanbul: EREN, 2005. – 295 s.
19. Treatise. About peace between Russia and the Ottoman Porte. May 16, 1812 // Complete collection of laws of the Russian Empire. – T. XXXII: 1812–1815. – SPb., 1830, pp. 316–322 (No. 25.110).
20. Treaties of Russia with the East. Political and commercial. Collected and published by T. Yuzefovich. – SPb.: Printing house of O.I. Bakst, 1869. – XXII, 296 p.
21. Zhukov K.A. Some key moments of Russian-Turkish relations in the late 17th – early 20th centuries // Bulletin of St. Petersburg University. Series 13. – 2009. – Issue 2, pp. 10–22.

Нарушение баланса конституционных прав и обязанностей родителей при воспитании ребёнка, в случае их раздельного проживания

Щелкин Петр Алексеевич,

аспирант, кафедры конституционного права,
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета,
E-mail: Urist-789@yandex.ru

В статье производится анализ соотношения прав и обязанностей родителей, осуществляемых ими при воспитании ребёнка в случае раздельного проживания. Сопоставляя фактические права и обязанности, раздельно проживающих родителей, на примере правоотношений касающихся материального обеспечения ребёнка, а также законодательных гарантий на право общения с ним и участия в его воспитании, автор приходит к выводу о том, что вся структура современного семейного права в РФ, равно как и правоприменительная практика определяют несоразмерность прав и обязанностей раздельно проживающих родителей, с явным увеличением прав и уменьшения ответственности в отношении родителя с которым проживает ребёнок. При этом автор делает вывод, что любая трактовка правовых норм, дающая приоритет правам одного из родителей, является грубым нарушением конституционных прав другого, в связи с чем предлагает введение ряда правовых инструментов позволяющих устранить указанный дисбаланс.

Ключевые слова: баланс прав и обязанностей, родительские права, правовая норма, алиментная масса, воспитание ребёнка, опекунов.

Введение

Согласно ч. 2 ст. 38 Конституции РФ воспитание детей является равным правом и обязанностью родителей, однако, по мнению автора существующий в России правовой режим фактически не даёт возможности обеспечить указанное право в случае раздельного проживания родителей.[1; ч. 2ст.38] Исследовав данную проблему и проанализировав правовое положение раздельно проживающих родителей в других странах, автор выявляет недостатки правовых инструментов, обеспечивающих равенство конституционных прав родителей в РФ, а также предлагает способы их устранения.

В странах с различными правовыми системами, права родителей, направленные на воспитание ребёнка в случае их раздельного проживания, могут определяются различными правовыми системами.

В частности, в США предусмотрены следующие виды опеки над детьми:

Совместное физическое опекуновство – вид опекуновства, при котором ребёнок проводит равное время с каждым из родителей, при этом родители имеют равные права по принятию любых решений, касающихся ребёнка (его образования, отдыха, лечения, религии которой он будет придерживаться и т.д.), а также несут равную ответственность за его благополучие.

Единоличное физическое опекуновство – вид опекуновства, предусматривающий проживание ребёнка с одним из родителей, при котором встречи ребёнка с другим родителем происходят в соответствии с графиком утверждённым судом. При единоличном физическом опекуновстве возможна как единоличное, так и совместное юридическое опекуновство. В случае совместного юридического опекуновства оба родители обладают равными правами и обязанностями, направленными на воспитание ребёнка, в то время как единоличное юридическое опекуновство подразумевает наличие таких прав только у одного родителя.[2]

Из указанного видно, что правовая система США позволяет суду определять соотношение прав и обязанностей раздельно проживающих родителей при осуществлении воспитания детей, при этом суды достаточно гибко подходят к определению объёма прав которым может пользоваться тот или иной родитель при воспитании ребёнка в частности суд может определить совместную юридическую опеку над ребёнком в целом, но, при этом, предоставить одному родителю единоличную юридическую опеку в том, что касается кон-

кретного вопроса, например, когда ребенок может ходить в школу.[3]

В России ситуация складывается с точностью «до наоборот». Конституция РФ прямо определяет невозможность нарушения равенства прав родителей при воспитании ребёнка, из чего следует, что указанное равенство прав родителей не может быть нарушено каким бы то ни было решением суда (либо правовой нормой) за исключением случаев, когда общение ребенка с отдельно проживающим родителем может нанести вред ребенку.[4] Однако при этом совместная физическая опека в России запрещена на уровне закона так как согласно ч. 2 ст. 25 СК РФ при расторжении брака в случае отсутствия договоренности между родителями суд обязан определить, с кем из родителей будут проживать несовершеннолетние дети после развода. При этом, ВС РФ прямо установил, что график общения с ребёнком при котором родители проводят с ним равное (или приблизительно равное) время является недопустимым форматом опеки, поскольку ведет к формированию амбивалентного (двойственного) восприятия ребенком реальности, к двойным стандартам, к формированию навыков манипулирования у детей, лишает ребенка чувства «настоящего дома», так как ребенок вынужден жить на два дома и приспосабливаться к двум разным бытовым укладам, разным требованиям, что создает невротогенную ситуацию для ребенка [5]

С данным выводом трудно согласиться так как последние социологические и психологические исследования отмечают пагубность такого подхода и, основываясь на зарубежном опыте, предлагают установить «совместную физическую опеку» родителей при их разводе в России [6].

Действительно уже в середине восьмидесятых в США произошло значительное изменение в судебной практики при определении порядка опеки над ребёнком в случае раздельного проживания родителей, так как суды стали основываться на том, что ребёнок должен иметь постоянные и прочные отношения с обоими родителями, в связи с чем порядок совместной опеки во многих штатах «все чаще используется с презумпцией равноправного совместного воспитания детей» [7].

Аналогичного мнения придерживается и мировое научное сообщество, в 2014 году группой из 110 ученых получил одобрение отчет, из которого следовало, что совместная опека является оптимальным порядком воспитания для детей всех возрастов, а в 2018 году на конференции Международного совета по совместному родительскому воспитанию ученые вынесли обращение о признании правительствами и профессиональными ассоциациями права на совместное опеку.[8]

Автор считает, что невозможность осуществления совместной опеки в РФ приводит к нарушению баланса прав родителей, так как изначально определяет невозможность равного общения ребёнка с обоими родителями, а следовательно на законодательном уровне признаётся невозможность осуществления их прав в равном объёме.

Помимо этого, необходимо отметить, что российская судебная система, по сути, признаёт превалирование материнских прав над правами отца.

Как следует из определения ВС РФ даже длительное проживание ребёнка с отцом не должно рассматриваться как фактор, способствующий сохранению его совместного проживания с ребёнком, так как по мнению суда «из принципа 6 Декларации прав ребенка, принятой Резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 года, следует, что ребенок не должен, кроме случаев, когда имеются исключительные обстоятельства, быть разлучаем со своей матерью».[9]

Автор считает, что подобная трактовка Декларации судами является неприемлемой, так как тот факт, что ребёнок проживает с отцом (в случае, когда мать имеет право общения с ним) не может говорить о разлучении ребёнка с матерью. Указанные выводы тем более неуместны при прямо декларируемом конституцией РФ равенстве родительских прав отца и матери.

По мнению автора, любая трактовка правовых норм дающая приоритет правам одного из родителей является грубым нарушением конституционных прав другого, в связи с чем полагается, что режим совместной опеки должен быть не просто прописан в правовых нормах семейного кодекса, но и предоставляться в качестве приоритетного режим опеки ребёнка как наиболее соответствующий конституционным правовым нормам.

Тем не менее в настоящее время, российскими судами в обязательном порядке устанавливается режим единоличного физического и совместного юридического опекуна.

Однако необходимо отметить, что в настоящее время в России как физическая, так и юридическая опека фактически осуществляется тем родителем, с которым проживает ребенок, и по сути, второй родитель имеет право лишь на общение и на получение информации о ребёнке.[10]

Данный вывод, по мнению автора, основывается на том, что вся структура современного семейного права в РФ, равно как и правоприменительная практика определяют несоразмерность прав раздельно проживающих родителей, с явным увеличением прав и уменьшения ответственности в отношении родителя с которым проживает ребёнок, особенно ярко это отражается при анализе правовых норм определяющих порядок материального содержания несовершеннолетнего ребёнка, а также законодательных гарантий на право общения с ним и участия в его воспитании.

В частности, порядок материального обеспечения ребёнка определяется СК РФ согласно которому родители обязаны содержать своих несовершеннолетних детей, при этом в случае если родители не смогли самостоятельно определить порядок и форму такого содержания, то его размеры и условия предоставления определяются судом. При этом необходимо отметить, что получателем алиментов является именно ребенок, имеющий

право на получение содержания от родителей, а никак не проживающий с ним родитель, представляющий в этом случае законные интересы своего ребенка [11;4]. В связи с этим полагается вполне естественным право плательщика алиментов понимать каким образом расходуются выплачиваемые им денежные средства, тем более, что указанная информация позволяет также реализовать право родителя на получение информации о том, как ребёнок питается, лечится одевается и т.д. однако какая-либо правовая норма, обязывающая получателя алиментов отчитываться о порядке их траты в российском законодательстве отсутствует.

Об актуальности данной темы говорит тот факт, что статья «Можно ли проконтролировать расходование алиментов на нужды ребенка?» на интернет-сайте юридического форума 9111.ru набрала 40 тыс. просмотров и почти тысячу комментариев[12]. Можно также отметить, что и в государствах с более стабильной системой исполнения судебных решений проблема также имеет место, например, в США около 14% лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов, мотивируют свое поведение невозможностью контролировать траты бывшей жены[13;234]. При этом законопроект, в рамках которого предусматривалось введение получателя алиментов в произвольной форме отчитываться в их использовании представленный в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации депутатами Н.П. Залепухиным и А.В. Митрофанов [14] был отклонён после первого же чтения Постановлением от 12 января 2007 г. № 4054–4 ГД.

По мнению автора сложившаяся правовая ситуация в значительной степени нарушает конституционный баланс прав родителей, так как отдельно проживающий родитель, уплачивая алименты на несовершеннолетнего ребёнка, по сути, лишён возможности непосредственно участвовать в распределении алиментной массы, иными словами он лишён возможности определять как будет одеваться его ребёнок, какое платное обучение либо лечение он будет получать, сколько денег необходимо тратить на развлечения и какими они должны быть, то есть, по сути лишён возможности непосредственно участвовать жизненно важных для ребёнка процессах.

Помимо этого, необходимо отметить, что родитель проживающий совместно с ребёнком несёт такую же обязанность по его содержанию как и отдельно проживающий родитель, однако, правовые нормы, определяющие контроль за тем, какие суммы выделяет на содержание ребёнка совместно проживающий с ним родитель в российском законодательстве отсутствуют. Иными словами, родитель, проживающий отдельно от ребёнка (в отличии от совместно проживающего родителя) лишён возможности контролировать какую часть своего заработка тратит (и тратит ли вообще) проживающий с ребёнком родитель на его содержание, а следовательно лишён возможности

бороться за удовлетворение прав своего ребёнка путём взыскания этих денежных сумм в алиментную массу (то есть денежных средств предоставляемых обоими родителями для обеспечения своего ребёнка).

Указанный правовой порядок скорее соответствует единоличному юридическому опекунству, при котором отдельно проживающий родитель имеет право встречаться с ребёнком однако, по сути лишён возможности принимать какие либо решения в отношении его воспитания, а также совершать поступки влияющие на здоровье, образование и благополучие ребёнка.

Из Вышеизложенного, видно, что существующая правовая система, в части определения порядка обеспечения ребёнка при раздельном проживании родителей, в значительной степени не соответствует конституционному принципу равенства их родительских прав и обязанностей.

Автор полагает, что для устранения указанных недостатков необходимо введение правовой нормы обеспечивающей возможность контроля обоим родителям за тратами алиментной массы и обязывающей родителя с которым проживает ребёнок отчитываться в своих личных тратах на содержание ребёнка, а также позволяющих отдельно проживающему родителю взыскивать с родителя, проживающего с ребёнком денежные средства в алиментную массу, при их недостаточности. Автор полагает необходимым определить порядок расходования алиментной массы следующим образом: соглашением родителей, либо судом определяется сумма (либо процент алиментной массы) который расходуется родителем, проживающим совместно с ребёнком на его (ребёнка) повседневные нужды (питание, проезд и т.д.), а остаток алиментной массы делиться пополам и тратиться каждым родителем по своему усмотрению, с обязательным отчётом, который направляется другому родителю.

Автор также полагает необходимым введение правовых норм о привлечении к административной ответственности за непредоставление (не своевременное предоставление) указанных отчетов и уголовной ответственности за нецелевую растрату алиментной массы любым из родителей.

В рамках рассматриваемой темы хочется также обратить внимание на отсутствие какой-либо правовой базы определяющей порядок изменения места жительства ребёнка (в пределах РФ) постоянно проживающим с ним родителем.

Действительно, порядок вывоза ребёнка на постоянное место жительства в другую страну, регулируется Гаагской конвенцией о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25.10.1980 (далее Конвенция 1980 г.), подписанной Россией 28 июля 2011 г., и вступившей в действие на территории РФ через два месяца, 1 октября того же года[15], а также «Конвенцией о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении, и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей»

(Гаага, 19 октября 1996 года) ратифицированной Россией 20.08.2012 и вступившей в действие на территории РФ 01.06.2013 (далее Конвенция 1996 г.)

Согласно п. а ст. 1 Конвенции 1980 г. ребёнок незаконно перемещенный в любое из Договаривающихся государств, должен быть незамедлительно возвращен по месту своего проживания. При этом, согласно ст. 3 Конвенции 1980 г. и ч. 2 ст. 7 Конвенции 1996 г. перемещение или удержание ребенка рассматриваются как незаконные, если:

а) они осуществляются с нарушением прав опеки, которыми были наделены какое-либо лицо, учреждение или иная организация, совместно или индивидуально, в соответствии с законодательством государства, в котором ребенок постоянно проживал до его перемещения или удержания;

б) во время перемещения или удержания эти права эффективно осуществлялись, совместно или индивидуально, или осуществлялись бы, если бы не произошло перемещение или удержание.

В своём Пояснительном докладе по Конвенции 1980 г. Э. Перес-Вера прямо заявляет, что указанная Конвенция в равной степени защищает как единоличную, так и совместную опеку,[16;84] а также определяет любое перемещение ребёнка любым родителем, наделённым правом совместной опеки без согласия другого родителя как незаконное, так как указанное деяние грубо нарушает его (другого родителя) права.[16;71]

Исходя из вышеизложенного, а также учитывая, что институт родительских правоотношений в России, по сути, определяется Конституцией РФ как совместная опека любой родитель который считает, что перемещение его ребёнка за границу РФ, нарушает его родительские права вправе требовать возвращения ребёнка в Россию.[17]

При этом, как уже говорилось выше порядок изменения места жительства ребёнка в пределах РФ постоянно проживающим с ним родителем, законом не регламентируется, хотя указанное перемещение с учётом размеров нашей страны может создавать не меньшие, а зачастую и большие препятствия для осуществления отдельно проживающим родителем его родительских прав.

Мировая практика семейных правоотношений, обязывает вводить правовое регулирование возможности перемещения ребёнка внутри страны при раздельном проживании родителей в том случае если такое перемещение, влияет на осуществление родительских прав отдельно проживающим родителем. В качестве основного правового инструмента для сохранения баланса родительских прав, применяется, в частности, порядок обязательного уведомления другого родителя о предстоящем переезде ребёнка и обязательное истребование согласия отдельно проживающего родителя на переезд в том случае если переселение ребёнка может повлиять на осуществление им его родительских прав.

В качестве примера можно привести гражданский кодекс Франции, который обязывает родите-

ля, с которым проживает ребёнок незамедлительно сообщать другому родителю о любом изменении места проживания ребёнка в том случае если это ограничивает осуществление его родительских прав. Спорные ситуации подлежат разрешению судом, при этом судья распределяет расходы, связанные с переездом, и соответственно корректирует сумму участия в расходах по содержанию и воспитанию ребенка [18;373–2].

Говоря о мировой практике связанной с указанной проблемой нельзя так же не упомянуть принципы европейского семейного права в отношении родительской ответственности разработанные и опубликованные в 2007 году Комиссией по европейскому семейному праву, прямо обязывающие родителя с которым ребёнок проживает постоянно, в случае переезда заблаговременно поставить в известность второго родителя, который, в свою очередь, в случае своего не согласия может обратиться в суд за разрешением указанного спора.[19]

Необходимо также обратить внимание, что согласно позиции, изложенной в Вашингтонской декларации о международном переселении семьи, к основным обстоятельствам, которые надлежит учитывать суду при разрешении вопроса о переселении ребёнка относятся:

– возможность ребёнка после переезда поддерживать личные, прямые и регулярные отношения с обоими родителями, при этом специально указывается, что предлагаемый порядок общения должен быть реалистичен с учётом издержек для семьи второго родителя и бремени для ребёнка;

– отсутствие изменения количественного и качественного общения с родителями по отношению к уже сложившемуся порядку общения;

Помимо этого, новый порядок общения должен учитывать мобильность членов семьи, а также любые иные признанные судом значимыми обстоятельства.[20]

При этом, как уже говорилось ранее в российской правовой системе отсутствуют нормы позволяющие регулировать порядок произвольного перемещения ребёнка, родителем с которым он проживает в любое иное место страны, что, учитывая её громадные размеры может в существенной мере нарушать конституционные права второго родителя на полноценное участие в воспитании своего ребёнка.

Конечно, переезд ребёнка на другую улицу или в иной район города не приведёт к нарушению указанных прав, однако нередки случаи, когда изменение региона проживания ребёнка (скажем из Москвы в Чукотский автономный округ) приводит к фактически полному прекращению личного общения между ним и вторым родителем.

В различных зарубежных правовых системах условия переселения, требующие согласования обоими родителями могут определяться по-разному. Например, в США в законах штата, как правило прописывается максимальное расстояние, на которое возможен переезд ребёнка без согласова-

ния со вторым родителем. В частности, во Флориде действует правило о 50 милях[21; 61.13001], а в штате Луизиана (США) изменение места жительства ребёнка требует обязательного согласование в случае если он выезжает за пределы штата либо если это место находится далее чем 75 миль по прямой от его прежнего места жительства.[22;9:355.2]

Несмотря на то, что использование конкретного расстояния, как единственного критерия удалённости не позволяет учесть некоторые иные обстоятельства влияющие на осуществление прав отдельно проживающего родителя связанные с воспитанием ребёнка (такие как наличие у родителя транспортного средства, доступность общественного транспорта, цена на него и т.д.), автор считает, что установление минимального дистанционного критерия для необходимости согласования переезда ребёнка всё же является разумным решением указанной проблемы.

Исходя их вышеизложенного, автор полагает, необходимым введение правовых норм обязывающих родителя с которым проживает ребёнок согласовывать его переезд с отдельно проживающим родителем в случае если новое место жительства ребёнка будет находиться далее 100 километров от места его прежнего проживания, либо если ребёнок перевозится в иной субъект РФ. В случае отсутствия согласия на перемещение родитель, проживающий совместно с ребёнком, должен иметь возможность решить данный спор в судебном порядке, при этом полагается, что до вступления в законную силу решения суда ребёнок должен проживать по прежнему месту жительства.

Помимо этого, в случае принятия решения о возможности перемещения ребёнка, полагается также необходимым возложение на родителя, с которым ребёнок проживает совместно, дополнительных обязанностей, в части компенсации дополнительных расходов другого родителя, связанных с осуществлением им родительских прав (оплата проезда до места проживания ребёнка, гостиниц и т.д.).

При этом автор считает, что сама возможность перемещения ребёнка, для постоянного места жительства по иному месту проживания, может осуществляться только в том случае если будет доказано, что это не повлечёт за собой риска утраты ребёнком контактов с родителем или существенного нарушения таких контактов. Определённые ограничения, которые создаются для родителя проживающего совместно с ребёнком кажутся автору вполне обоснованными так как возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина, предусмотрена в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ согласно которой: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Из существа дан-

ного положения с учетом общего конституционно-го контекста вытекает, что конституционные права личности могут и должны ограничиваться «мерой должного поведения человека в силу необходимости соотносить свои интересы с интересами других лиц, общества, государства» [23].

Иными словами, родитель, проживающий совместно с ребёнком, должен брать на себя ответственность по соотношению своих интересов как с интересами иного родителя, так и интересами ребёнка.

Заключение

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что существующий в настоящее время в РФ правовой режим, не позволяет отдельно проживающему родителю должным образом осуществлять свои родительские права.

Автор полагает, что введение указанных выше изменений в существующее законодательство позволит установить справедливый баланс между конституционными правами и обязанностями отдельно проживающих родителей.

Литература

1. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ», 14.04.2014, № 15, ст. 1691,
2. <https://nystateattorneyatlaw.com/opeka-nad-detmi-pri-razvode/>(дата обращения: 10.01.2021).
3. <https://law.vesti.la/sovmechnaya-i-edinolichnaya-opeka/>(дата обращения: 05.01.2021).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // СПС Консультант-Плюс(дата обращения 10.01.2021г)
5. Верховный Суд Российской Федерации Определение от 29 января 2019 г. № 18-КГ18–223// СПС КонсультантПлюс (дата обращения 03.01.2021г)
6. Совместная физическая опека или определенная места жительства ребенка на паритетной основе? Зыков С.В. «Право. Журнал Высшей школы экономики», 2018, № 1// СПС КонсультантПлюс (дата обращения 05.01.2021г)
7. [https://ru.qaz.wiki/wiki/Joint_custody_\(United_States\)](https://ru.qaz.wiki/wiki/Joint_custody_(United_States))/ (дата обращения 07.01.2021г)
8. [https://ru.qaz.wiki/wiki/Joint_custody_\(United_States\)](https://ru.qaz.wiki/wiki/Joint_custody_(United_States)) (дата обращения 07.01.2021г)
9. ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОПРЕДЕЛЕНИЕ от 5 июня 2018 г.

№ 5-КГ18–68// СПС КонсультантПлюс (дата обращения 05.01.2021г)

10. Совместная опека (попечительство) по ФЗ «Об опеке и попечительстве» Темникова Н.А. «Семейное и жилищное право», 2011, № 1// СПС КонсультантПлюс (дата обращения 05.01.2021г)
11. Тихомирова Л.В. Алиментные обязательства в семейных отношениях. М., 2011. С. 4
12. // <https://www.9111.ru/questions/77777777224716/> (дата обращения: 05.01.2021).
13. Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М., 2008. С. 234
14. Проект федерального закона № 307014–4 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации» по вопросу об использовании алиментов»
15. Федеральный закон от 31.05.2011 № 102-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей»// <https://sozd.duma.gov.ru/bill/307014-4>(дата обращения: 07.01.2021).
16. Perez-Vera E. Explanatory Report on the 1980 Hague Child Abduction Convention. HCCH Publications, 1982. § 84. URL: <http://www.hcch.net/upload/expl28.pdf> (дата обращения: 22.01.2021).
17. Родительская опека и ответственность: конвенционное толкование Гаагской конференции по международному частному праву и российское законодательство Тригубович Н.В. «Закон», 2018, № 6// СПС КонсультантПлюс (дата обращения 15.01.2021г)
18. Французский гражданский кодекс. <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT00000776352/> (дата обращения: 22.01.2021).
19. «Переселение ребенка или проживающего отдельно от него родителя: в чем пробельно российское законодательство» Шелютто М.Л. «Семейное и жилищное право», 2020, № 3// СПС КонсультантПлюс (дата обращения 15.01.2021г)
20. Washington Declaration on International Family Relocation. URL: <https://www.icmec.org/press/washington-declaration-on-international-family-relocation>. (дата обращения 15.01.2021 г.)
21. Florida Statutes § 61.13001, URL: http://www.leg.state.fl.us/statutes/index.cfm?App_mode=Display_Statute&URL=0000-0099/0061/Sections/0061.13001.html(дата обращения 15.01.2021г)
22. Louisiana Relocation Statute, § 9:355.2 <http://www.lrcvaw.org/laws/larelocation.pdf> (дата обращения: 11.01.2021)
23. Барбин В.В. Конституционно-правовые основания ограничений основных прав и свобод человека и гражданина и их реализация в деятельности органов внутренних дел: Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2003.

VIOLATION OF THE BALANCE OF THE CONSTITUTIONAL RIGHTS AND OBLIGATIONS OF PARENTS WHEN RAISING A CHILD, IN THE CASE OF THEIR SEPARATION

Delkin P.A.

Saint-Petersburg State Economic University

The article analyzes the relationship between the rights and obligations of parents, which they exercise when raising a child in the case of separation. Comparing the actual rights and obligations of separated parents, on the example of relations concerning the material support of the child and legal guarantees for the right to communicate with him and participate in his upbringing, the author comes to the conclusion that the whole structure of the modern family law in the Russian Federation, as well as law enforcement practices and determine the disparity of rights and obligations of separated parents, with a clear increase in the rights and reduce liability in respect of the parent with whom the child lives. At the same time, the author concludes that any interpretation of legal norms that gives priority to the rights of one of the parents is a gross violation of the constitutional rights of the other, and therefore suggests the introduction of a number of legal instruments to eliminate this imbalance.

Keywords: balance of rights and obligations, parental rights, legal norm, alimony, child rearing, guardianship.

References

1. The Constitution of the Russian Federation» (adopted by popular vote 12.12.1993) (including the amendments made by Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 № 6ФКЗ, from 30.12.2008 № 7-ФКЗ, from 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // «Collection of legislation of the Russian Federation», 14.04.2014, No. 15, article 1691,
2. <https://nystateattorneyatlaw.com/opeka-nad-detmi-pri-razvode/> (accessed 10.01.2021).
3. <https://law.vesti.la/sovmeznaya-i-edinolichnaya-opeka/>(accessed: 05.01.2021).
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of may 27, 1998 No. 10 «On the application by courts of law in resolving disputes related to the upbringing of children» Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of may 27, 1998 No. 10 «On the application by courts of law in resolving disputes related to the upbringing of children» // SPS Konsultantplyus(accessed 10.01.2021 g)
5. The SUPREME COURT of the RUSSIAN FEDERATION DEFINITION from 29 Jan 2019 18 N-KГ18–223// SPS Konsultantplyus (accessed 03.01.2021 g)
6. Joint physical custody or determination of the child's place of residence on a parity basis? Zykov S.V. « Law. Journal of Higher school of Economics», 2018, № 1// SPS Konsultantplyus (accessed 05.01.2021 g)
7. [https://ru.qaz.wiki/wiki/Joint_custody_\(United_States\)/](https://ru.qaz.wiki/wiki/Joint_custody_(United_States)) (date accessed 07.01.2021 g)
8. [https://ru.qaz.wiki/wiki/Joint_custody_\(United_States\)](https://ru.qaz.wiki/wiki/Joint_custody_(United_States)) (accessed 07.01.2021 g)
9. SUPREME court of the RUSSIAN FEDERATION, the DEFINITION of June 5, 2018 № 5-КГ18–68// SPS Konsultantplyus (accessed 05.01.2021 g)
10. Joint guardianship (guardianship) under the Federal Law» On guardianship and guardianship «Temnikova N.A.» Family and housing law», 2011, № 1 / / SPS ConsultantPlus (accessed 05.01.2021)
11. Tikhomirov, L. V., Alimony obligations in family relations. М., 2011. С. 4
12. // <https://www.9111.ru/questions/77777777224716/> (date of access: 05.01.2021).
13. Gurko T.A. Marriage and parenthood in Russia. М., 2008. P. 234
14. The draft Federal law No. 307014–4 «On amendments to the Family code of the Russian Federation» on the question of the use of the alimony»
15. Federal Law No. 102-FZ of 31.05.2011 «On the Accession of the Russian Federation to the Convention on Civil Aspects of International Child Abduction» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/307014-4> (accessed: 07.01.2021).

16. Perez-Vera E. Explanatory Report on the 1980 Hague Child Abduction Convention. HCCH Publications, 1982. § 84. URL: <http://www.hcch.net/upload/expl28.pdf> (accessed: 22.01.2021).
17. Parental care and responsibility: conventional interpretation of the Hague Conference on Private International Law and Russian Legislation Trigubovich N.V. «Law», 2018, № 6/ / SPS ConsultantPlus (accessed 15.01.2021)
18. French Civil Code/<https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000776352/>(accessed: 22.01.2021).
19. «Relocation of a child or a parent living separately from him: what is the gap in Russian legislation» Shelyutto M.L. «Family and housing law», 2020, № 3/ / SPS ConsultantPlus (accessed 15.01.2021).
20. Washington Declaration on International Family Relocation. URL: <https://www.icmec.org/press/washington-declaration-on-international-family-relocation>. (accessed 15.01.2021)
21. Florida Statutes § 61.13001, URL: http://www.leg.state.fl.us/statutes/index.cfm?App_mode=Display_Statute&URL=0000-0099/0061/Sections/0061.13001.html/(accessed 15.01.2021)
22. Louisiana Relocation Statute, § 9:355.2 <http://www.lrcvaw.org/laws/larelocation.pdf> (accessed: 11.01.2021)
23. Barbin V.V. Constitutional and legal grounds for restrictions on basic human and civil rights and freedoms and their implementation in the activities of internal affairs bodies: Abstract of the Cand. jurid. M., 2003.

Становление и развитие современного института бюджетного процесса в Российской Федерации

Балалаев Игорь Васильевич,

магистрант, кафедра административного, финансового и международного права, Образовательное учреждение профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»

E-mail: balalaeff.gosha4@gmail.com

Статья посвящена общему анализу истории становления и развития бюджетного законодательства, преимущественно акцентированного на институт бюджетного процесса, за временной отрезок, начинающийся с правления Петра Великого и завершающийся настоящим временем. В ней излагается краткий обзор процесса составления основного финансового документа страны с принципиально отличающихся позиций государственных управленцев и реформаторов в соответствующие периоды существования различных общественно-экономических формаций. В работе последовательно структурированы и охарактеризованы основополагающие этапы реформирования бюджетного законодательства, подчеркнуты значимые исторические реформы и факты осуществления менее масштабных изменений, оказавших существенное влияние на процесс совершенствования бюджетной системы через призму текущего представления о значительности исторических событий. При написании статьи были применены системно-структурные, историко-правовые и сравнительно-правовые методы исследования, результатом является общее представление исторического периода становления и развития института бюджетного процесса в интерпретации автора.

Ключевые слова: бюджет, бюджетная система, бюджетное законодательство, становление бюджетного процесса, государственные финансы.

Освещая тематику становления института бюджетного процесса, однозначное значение и понятийный аппарат которого были определены сравнительно недавно, с учетом объективной логики следует рассматривать в неразрывной связи с понятиями столпами, на которых зиждется современное понимание методологии бюджетного процесса, коими в свою очередь являются бюджет и бюджетная система. К генезису данных определений и их практической реализации в системе государственного управления соответствующих времен автор обращаться не станет, непосредственно приблизившись к историческому периоду, акторы которого, относились к указанным терминам с более ответственным и системным представлением, нежели их предшественники.

По исторически устоявшемуся принципу российское государство формировало такую структуру управления, в которой основную роль играли органы сыска, военное ведомство и институты, обеспечивающие управление государственными финансами. Такой принцип формирования видится вполне логичным и оправданным ввиду того, что перечисленные субъекты в известной мере помогают обеспечивать гармоничное развитие и устойчивость государственной системы. Наиболее широкое прикладное применение и распространение такой подход получил в период правления Петра I, когда в российской истории начала свое формирование бюджетная система в ее современном представлении.

В эпоху Петра Великого коллегиальное начало в управлении взяло верх и стремительно пришло на смену приказному. В 1711 году была распущена Боярская дума и учрежден подчиненный Императору высший орган государственной власти – Правительствующий Сенат, которому в том числе была поручена одна из важнейших функций управления – определение доходов и расходов государства. Позже были постепенно образованы 12 коллегий, 3 из которых имели ярко выраженную финансовую направленность, это: Камер-коллегия, Штатс-контор-коллегия и Ревизион-коллегия [1, С. 121–130]. Первая ведала сбором прямых и косвенных налогов, вторая осуществляла функции управления расходами, а третья, что оправдано названием, осуществляла контроль поступления и расходования средств государственной казны.

Затем в 1720 году был опубликован Генеральный регламент, подробно раскрывающий функции, полномочия и обязанности финансовых коллегий. В это время, учитывая вышеизложенные факты, впервые начала формироваться частичная самостоятельность финансовых институтов.

Следующим этапом стоит отметить сосредоточение доходов и расходов государства в единственном органе – при Екатерине II введена должность генерал-прокурора, которому было поручено выполнение казначейских функций, а именно, вменено обязательство представлять Императрице на утверждение ведомости по доходам и расходам, а также информацию об имеющихся остатках с обязательным обоснованием содержащихся сумм, то есть, своего рода, исполнение государственного бюджета.

Начиная с 1774 года, обновления в финансовом реформировании стали постепенно имплементироваться в провинцию – учреждены губернские и уездные казенные палаты, которые стали единственными исполнителями функций финансового управления на местах. Уже с 1781 г. Императрица утверждает ежегодные росписи доходов, расходов и остатков, достаточно детально и правдоподобно для своего времени отражающие финансовое положение государства. Если при старой системе управления финансами с трудом собирались примерные сведения о приходе и расходе средств за истекший год, то теперь появилась возможность составления бюджета на наступающий год, а через два года можно было достаточно точно знать о его исполнении [2]. Но следует обратить внимание на тот факт, что более качественному разграничению финансовых функций, пока что, не удалось привести к значительному улучшению финансового хозяйства страны, а в некоторых обстоятельствах реформирование даже способствовало росту финансовых трудностей, так как стоило казне довольно внушительный денежных вливаний.

Снижение эффективности механизмов финансовой системы в конце XVIII в. с точки зрения «затраты-полезность», привело к необходимости решения правительством вопроса, связанного с наведением порядка и внедрения еще более грамотного подхода к структурированию деятельности финансовых органов и избрания обновленного курса совершенствования финансового регулирования государства. Руководство над выполнением такой функции принял на себя Александр I – в результате проведения его административной реформы были созданы новые формы концентрации государственной власти – министерства, которые оказали существенное влияние на становление казначейского исполнения бюджетов. При Александре I финансовое администрирование было вверено государственному казначею и министру финансов, при этом функциональные обязанности Государственного казначея оставлены без изменения. С 1811 года институт управления финансами был разделен на 3 части: Минфин курировал

источники доходов бюджета, непосредственно перемещение денежных средств возложено на Госказну, а проверочные мероприятия в этой сфере были возложены на Госконтроль [3].

Очередным этапом в развитии бюджетной системы следует отметить вторую половину XIX века, катализаторами новшеств которого стали Александр II и его приближенные. В этот период были проведены так называемые Великие реформы, которые повлекли за собой в том числе масштабные экономические преобразования. Финансовая система, созданная в 60-е годы 19 века под руководством государственного контролера В.А. Татаринова практически не подвергалась значительным деформациям вплоть до Октябрьской революции.

22 мая 1862 года после более чем трехлетнего периода работы над формированием бюджетного законодательства были введены в действие «Правила о составлении, рассмотрении и исполнении государственной росписи и финансовых смет министерств и главных управлений» (Правила), базовыми принципами которых являлись [4]:

1. Государственная роспись – полный свод доходов и расходов за исключением специальных сумм, не принадлежащих государственному казначейству;
2. Все государственные доходы должны быть сосредоточены в кассах Министерства финансов, которые директивно осуществляют расходы;
3. Надзор за исполнением государственной росписи должен осуществляться по подлинным документам независимыми органами государственного контроля.

Уже с 1863 г. бюджет формировался на ежегодной основе, процесс предусматривал предварительный сбор составляемых ответственными органами росписей, которые ревизовались Госконтролем и Минфином. На базе итоговых документов формировалась общая смета государственных доходов и расходов, представляемая в Государственный совет не позднее 1 ноября. По итогам рассмотрения документ утверждался Императором и публиковался в качестве Закона. [5, С. 8–15]

После введения Правил была реализована еще одна амбициозная задача под названием «единство кассы», являющееся прототипом современного принципа бюджетной системы Российской Федерации. В 1864 был запущен «пилотный проект» реализации на территории десятка губерний – уже через два года единство кассы введено на всей территории империи. Вместо разрозненности и непрозрачного поступления денежных средств в кассы различных ведомств, все доходы начали поступать в кассы Минфина, откуда уже происходило прозрачное перераспределение финансов утвержденным получателям. Таким образом, за относительно короткий период активного реформирования финансовая система страны смогла произвести переход к качественному контролю за поступлением и расходованием государ-

ственных средств, а также к существенному повышению эффективности бюджетно-финансового управления.

Начало XX века с точки зрения бюджетных изменений ознаменовано образованием Государственной Думы с созывом не позднее января 1906 года, получившей право утверждения годового бюджета в процессе последовательного обсуждения и формирования заключения, которое, в свою очередь, должно было быть утверждено Госсоветом, а затем Императором. В 1907 году основной задачей Министерства финансов было решение вопроса дефицита бюджета, который то время переживал не лучшие времена, чему в большей степени поспособствовала русско-японская война. Минфин избрал один из простейших и, как оказалось, наиболее действенных путей оптимизации государственной сметы – экономия на расходных статьях, с помощью которой, не без доли везения, уже к 1909 году удалось достигнуть существенных результатов – принятые меры в совокупности с ростом налоговых поступлений позволили доходной части государственного бюджета превысить расходную и продолжить курс на повышение эффективности госбюджета [6, С. 56–61.].

В период существования СССР отличительной особенностью регулирования бюджетного процесса, наверное, стоит отметить перенос кассовых операций по исполнению бюджета на Народный банк РСФСР, к которому был прикреплен непосредственно департамент государственного казначейства. Процесс начался еще в 1918 г. и со времен его окончания (приблизительно через 10 лет) в России установилась банковская система исполнения бюджета [7]. В целом, за время преобладания советской системы правления в системе бюджетного устройства произошло множество как коренных изменений, оказавших значительное влияние на дальнейшее формирование экономического курса и становления бюджетного устройства, так и формально реализованных законодательных инициатив, ставших производными от непрекращающейся работы бюрократической машины, разбор которых является отдельной темой повествования, поэтому данный период не будет являться предметом рассмотрения настоящей статьи.

В конце XX – начале XXI вв. во времена коренных изменений в структуре государства и общества, приобретения суверенитета России и верховенства принципа федерализма началось формирование современной бюджетной системы и соответствующего института бюджетного процесса, основанного на федеративных, демократических началах. Такого рода принципиальные изменения закономерно потребовали качественного законодательного обеспечения нового политико-экономического курса, который включал бы в себя, в том числе, принципы функционирования бюджетной системы государства, неотъемлемой компонентой которой является бюджетный про-

цесс. Среди основных законодательных изменений, положивших начало становлению бюджетного процесса и его регулированию в этот период можно отметить следующие:

- закон «О государственной бюджетной системе РСФСР в 1991 г.» [8];
- закон «О формировании бюджетов РСФСР в 1991 г.» № 295–1 от 31 октября 1990 года [9]; и
- закон «Об основах бюджетного устройства и бюджетного процесса в РСФСР» от 10 октября 1991 г. № 1734–1 [10], который и послужил родоначальником термина «бюджетный процесс» для понимания в современных реалиях социально-экономических отношений – термин определялся как регламентированная законом деятельность органов власти по составлению, рассмотрению, утверждению и исполнению бюджетов. По сей день определение несет идентичный сущностный характер, будучи дополненным лишь формулировками о контроле за осуществлением бюджетного учета и об утверждении бюджетной отчетности. Основными принципами и закономерностями вышеуказанных законодательных обновлений являлись:
- самостоятельность бюджетов всех уровней государственного управления;
- формирование бюджетов на основе разграничения компетенций участников такого процесса; но
- разграничение компетенций и самостоятельность бюджетов при обязательной ориентации на федеральные структуры, ответственные за формирование государственного бюджета.

В противовес перечисленному следует отметить особенность, не позволяющую говорить о систематическом и четко регламентированном бюджетном законодательстве, заключающуюся в том, что даже с учетом перечисленных законодательных изменений, все еще нельзя было выделить четкой структуры бюджетного законодательства и однозначного понимания понятийного аппарата бюджетного права. Данный вопрос впоследствии был решен – 31 июля 1998 год Президентом РФ подписан Федеральный закон № 145, который содержал в себе полноценный, структурированный кодифицированный акт, устанавливающий общие принципы бюджетного законодательства, организации и функционирования бюджетной системы, правовое положение субъектов бюджетных правоотношений, а также определяющий основы функционирования бюджетного процесса и реализации межбюджетных отношений в РФ с 1 января 2000 года и, не без множества принципиальных изменений, по сей день.

Следующими определяющими вехами регулирования бюджетного законодательства, непосредственно относящегося к тематике бюджетного процесса следует отметить:

- принятие Постановления Правительства РФ № 249 от 22 мая 2004 года, предлагающего осуществить некоторые реформы, среди кото-

рых совершенствование финансового планирования, преимущественно, среднесрочного, упорядочение бюджетных процедур составления и рассмотрения, а также совершенствование бюджетного учета и бюджетной классификации [11];

- принятие Федерального закона № 63-ФЗ от 26 апреля 2007 года, предусматривающего внесение корректировок в части регулирования бюджетного процесса [12]. Документом в том числе были внесены изменения в ст. 207 Бюджетного кодекса Российской Федерации (БК РФ), согласно которым вступил в силу порядок утверждения Федерального закона о федеральном бюджете в трех чтениях, а также системно описан состав и полномочия участников бюджетного процесса, прежде всего, главных распорядителей и получателей бюджетных средств;
- принятие Федерального закона № 104-ФЗ от 7 мая 2013 года, посредством которого внесены поправки в статью 205 БК РФ, обеспечивающие закрепление права формирования законов о бюджетах субъектов и муниципальных образований Российской Федерации в «программном формате» с целью повышения социальной и экономической эффективности бюджетных расходов, а также изменения в статью 217, предусматривающие возможность перераспределения между текущим финансовым годом и плановым периодом бюджетных ассигнований в случае формирования закона о бюджете в «программном формате»;
- принятие Федерального закона № 494 от 25 декабря 2018 года, разработанного в целях регламентации и систематизации процедур контроля, учета и оценки налоговых льгот и освобождений в рамках бюджетного процесса, а именно, документом была имплементирована обязательность проведения ежегодного процесса оценки налоговых расходов бюджетов всех уровней, результаты которой обязательны к учету при формировании основных направлений бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики РФ, при проведении оценки эффективности реализации государственных программ.

В качестве одной из последних законодательных тенденций, стоит отметить, что в целях совершенствования бюджетного процесса Депутаты Государственной Думы С.М. Миронов и М.В. Емельянов дважды представляли на рассмотрение нижней палаты Федерального собрания законопроект, направленный на возвращение практики рассмотрения проекта федерального бюджета в четырех чтениях, при этом, оставляя на три чтения рассмотрение проекта федерального закона и внесение изменений в федеральный закон о федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период, в соответствии с действующими нормами, предлагая в четвертом чтении осуществлять принятие закона в целом [13].

Также депутаты считают, что некоторые вопросы, рассматриваемые во втором чтении, например, бюджетные ассигнования на перечень приоритетных направлений, по которым осуществляется софинансирование расходных обязательств субъектов Российской Федерации и муниципальных образований за счет средств федерального бюджета, являются предметом рассмотрения третьего чтения. Непонятно, зачем авторы законопроекта желают вернуться к практике четырех чтений, в обратном порядке усложнив процедуру бюджетного процесса, если одним из основных предназначений 63-ФЗ от 2007 года было как раз упрощение процедуры рассмотрения Государственной Думой проекта федерального закона о федеральном бюджете. Впервые упомянутый законопроект был зарегистрирован и направлен Председателю Государственной Думы 31 мая 2017 – отклонен после первого чтения и соответствующих дальнейших процедур 13 октября 2017, второй раз законопроект заново был внесен на рассмотрение Государственной Думы уже 29 сентября 2020 года и аналогичным образом отклонен 15 декабря 2020 года по объективным причинам – даже в пояснительной записке к законопроекту отсутствует мотивированное обоснование авторов в необходимости принятия предлагаемых изменений и возврата к ранее существовавшей процедуре.

По состоянию на февраль 2021 года на рассмотрении у нижней палаты Федерального собрания Российской Федерации находится 7 законопроектов о внесении изменений в Бюджетный кодекс РФ, а 62 законопроекта идентичного предназначения находятся в архиве текущего созыва, большинство из них так или иначе затрагивают регулирование, в том числе, бюджетного процесса. За более чем 20-летний период кодифицированный акт претерпел, по версии справочной правовой системы КонсультантПлюс, 123 редакции и множество сущностных изменений различного характера, большинство из которых было направлено на положения, регламентирующие процесс формирования доходов бюджетов, процесс исполнения бюджета, регулирование реализации процедур бюджетного процесса, а также на внедрение антикризисных мер, соответствующих определенным стадиям развития социально-экономической составляющей российского государства.

В настоящий момент, бюджетное законодательство с неизменным постоянством продолжает процесс совершенствования. Своевременная адаптация бюджетных правоотношений к текущим условиям социально-экономического развития страны должна являться одной из основных составляющих структурного реформирования законодательства Российской Федерации и главным принципом функционирования компетентных в этой сфере органов государственной власти с целью повышения эффективности распределения и использования бюджетных средств, а также улучшения качества напрямую коррелированного с этим процессом уровня жизни населения.

Литература

1. Ключевский В.О., Платонов С.Ф. Великий реформатор: сборник о деяниях и жизни Петра I. – М.: АСТ, 2018. С. 121–130.
2. Лунден, И.Л. Государственные финансы при Екатерине II / И.Л. Лунден // Финансы. – 2008. – № 5. – С. 69–72.
3. Разманова, Н.А. Финансовая политика Российской империи (XVIII – первая половина XIX века): Курс лекций. – М.: Финакадемия, 2008. – 256 с.
4. Розинская, Н.А. Становление российского бюджетного законодательства / Н.А. Розинская // Финансы. – 2009. – № 2. – С. 70–74.
5. Бюджетное право России. Курс лекций / Кучеров И.И. – М.: ЮрИнфоР, 2002. С. 8–15.
6. Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1912 г. СПб., 1912, С. 56–61.
7. Иванова, Н.Г., Маковник Т.Д. Казначейская система исполнения бюджетов / Н.Г. Иванова. – СПб: Питер, 2001. – 208 с.
8. Закон «О государственной бюджетной системе РСФСР в 1991 году» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901700120> (Дата обращения: 07.02.2021)
9. Закон «О формировании бюджетов РСФСР в 1991 году» № 295–1 от 31 октября 1990 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3743#09747764381709498> (Дата обращения: 08.02.2021)
10. Закон «Об основах бюджетного устройства и бюджетного процесса в РСФСР» от 10 октября 1991 года № 1734–1 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8113/fe58e4c484d58073a751af7920ec463f64e9309b/ (Дата обращения: 08.02.2021)
11. Собрание законодательства РФ. 2004. № 22. Ст. 2180.
12. Собрание законодательства РФ. 2007. № 18. Ст. 2117.
13. Законопроект «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием бюджетного процесса» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8113/fe58e4c484d58073a751af7920ec463f64e9309b/ (Дата обращения: 08.02.2021)

ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT OF THE MODERN BUDGETARY PROCESS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Balalaev I.V.

Academy of labour and social relations

The article is devoted to general analysis of the history of establishment and development of budget legislation, primarily focused on the institution of budget process, for the time period starting with the rule of Peter the Great and ending with the present time. It gives a brief overview of the process of drafting the main financial document of the country from fundamentally different positions of public administrators and reformers in the respective periods of existence of various socio-economic formations. The article has consistently structured and described the basic stages of reforming the budget legislation, highlighted the specific historical reforms and the facts of smaller-scale undertaken efforts, which had the most significant impact on the process of improving the budget system through the prism of the current view of the significance of historical events. When writing the article system-structural, historical-legal and comparative-legal methods of research were applied, the result is a general presentation of the historical period of establishment and development of the institute of budgetary process in the author's interpretation.

Keywords: budget, budgetary system, budget legislation, establishment of the budgetary process, public finance.

References

1. Klyuchevsky V.O., Platonov S.F. The great reformer: a collection about the deeds and life of Peter the Great. – M.: AST, 2018. С. 121–130.
2. Lunden, I.L. State finances under Catherine II / I.L. Lunden // Finance. – 2008. – № 5. – С. 69–72.
3. Razmanova N.A. Financial policy of the Russian Empire (XVIII – first half of XIX century): Course of lectures. – Moscow: Finacademy, 2008. – 256 с.
4. Rozinskaya, N.A. Formation of the Russian budget law / N.A. Rozinskaya // Finance. – 2009. – № 2. – С. 70–74.
5. The budget law of Russia. Course of lectures / I.I. Kucherov – Moscow: YurInfor, 2002. С. 8–15.
6. Yearbook of the Ministry of Finance. Vol. 1912 г. St. Petersburg, 1912, pp. 56–61.
7. Ivanova N.G., Makovnik T.D. Treasury system of execution of budgets / N.G. Ivanova. – SPb: Peter, 2001. – 208 с.
8. Law “On the State Budget System of the RSFSR in 1991” [Electronic resource]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901700120> (accessed: 07.02.2021).
9. Law “On the formation of the budgets of the RSFSR in 1991” dated October 31, 1990, № 295–1 [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3743#09747764381709498> (accessed: 08.02.2021)
10. Law “On the Fundamentals of the Budgetary System and Budgetary Process in the RSFSR” dated October 10, 1991 № 1734–1 [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8113/fe58e4c484d58073a751af7920ec463f64e9309b/ (accessed: 08.02.2021)
11. Collection of Laws of the Russian Federation. 2004. № 22. Art. 2180.
12. Collection of Laws of the Russian Federation. 2007. № 18. Art. 2117.
13. Draft Law “On Amendments to the Budget Code of the Russian Federation in connection with the improvement of the budget process” [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8113/fe58e4c484d58073a751af7920ec463f64e9309b/ (accessed: 09.02.2021)

Проблемы трактовки и регламентации дефиниций «гармонизация» и «унификация», опыт Латинской Америки и стран ЕАЭС

Канатов Танат Канатович,

докторант, кафедра гражданского права, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: natan82008@mail.ru

В данной статье рассматриваются проблемы трактовки и регламентации дефиниций «гармонизация» и «унификация» в доктрине и законодательстве об интеллектуальной собственности стран Латинской Америки. Следует отметить, о том, что перед наукой гражданского права на каждом этапе ее развития всегда стояли конкретные проблемы, определяемые политическими, экономическими, социально-культурными и научно-техническими потребностями общества. Среди их большого разнообразия существуют такие, которые являются ключевыми для юридической науки на любом этапе ее развития. К их числу можно с полным основанием отнести исследование проблемы трактовки «гармонизация» и «унификация». В юридической теории данные вопросы обсуждаются на протяжении нескольких столетий, в статье отражены наиболее весомые теоретические выкладки выдающихся ученых по данным правовым спорным вопросам различных эпох. *Цель:* исследовать актуальные проблемные вопросы, трактовки и регламентации дефиниций «гармонизация» и «унификация» в доктрине и законодательстве об интеллектуальной собственности стран Латинской Америки. *Методология:* при написании статьи были применены системно-структурные, конкретно-социологические, историко-правовые, социально-правовые, сравнительно-правовые, статистические методы работы. *Результаты:* предложения и выводы, основанные на проведенном анализе международного законодательства, а также нормативно-правовых актах стран Латинской Америки, действовавшие на данный момент.

Ключевые слова: унификация, гармонизация, исключительные права, авторские и смежные права, Латинская Америка, базы данных, Интернет.

Интересен опыт формирования региональных правовых систем стран Латинской Америки, выступавших за гармонизацию и унификацию права еще со времен Лимского конгресса 1875 г. Семь стран смогли договориться о коллизионных нормах в таких областях, как личный статус и дееспособность, брак, правопреемство, международная юрисдикция и исполнение иностранных судебных решений. Из-за некоторой критики по существу и войны, разразившейся в 1879 г. между латиноамериканскими народами Тихого океана, Лимский договор был ратифицирован только Перу, но так и не вступил в силу [1].

В дальнейшем страны Латинской Америки предприняли несколько попыток гармонизации правовых систем. Наиболее успешной попыткой стал Панамериканский кодекс международного частного права 1928 г., известный как «Кодекс Бустаманте» («Bustamante Code») [2], который собой объемный документ, состоящий из 437 статей, разделенных на предварительную часть и четыре книги: международное гражданское право, международное коммерческое право, международное уголовное право и международное процессуальное право). На первый взгляд, кодекс Бустаманте представлял собой большое достижение в целях гармонизации и унификации. Однако более внимательное изучение его положений показывает, что документ создавался лишь как основа объединения. В вопросах процессуального права Кодекс чрезмерно отсылает к местному законодательству государств-членов.

Частично отдельные проблемы гармонизации права латиноамериканским странам удалось разрешить в рамках МЕРКОСУР (от исп. Mercado Común del Sur), объединившим несколько стран (Аргентину, Бразилию, Уругвай, Парагвай (членство приостановлено 29.06.2012) и Венесуэлу (членство приостановлено 05.08.2017)) на основании Асунсьонского договора, заключенного в 1991 г. МЕРКОСУР представляет собой по экономическому потенциалу второй после ЕС таможенный союз и третью после ЕС и НАФТА зону свободной торговли. Страны-члены МЕРКОСУР определяют свое участие в интеграционном объединении в качестве приоритета внешней политики. Вместе с тем, несмотря на происходящее расширение блока и стремление его государств к единству, Союз сталкивается с множеством проблем, препятствующих полноценной региональной интеграции [3].

Опыт латиноамериканских стран доказал, что строительство интеграционных процессов, даже

на базовом таможенном уровне, занимает десятилетия и сопряжено с кризисами интеграции [4].

На постсоветском пространстве создание унифицированного правового регулирования регионального трансграничного коммерческого оборота результатов интеллектуальной деятельности берет свое начало в 90-х гг. XX в. рамках СНГ, Союзного государства России и Беларуси, затем ЕврАзЭС, членами которых являлись все государства ЕАЭС, участия в Таможенном Союзе, ВТО (кроме Республики Беларусь), а также в рамках ЕАЭС. При переходе к рыночной модели экономики страны постсоветского пространства использовали преимущественно классический способ гармонизации права – рецепцию, изучая, обобщая и имплементируя отдельные нормы законодательства наиболее развитых стран в свои национальные правовые доктрины, что было не лишено недостатков.

С самого начала действия Соглашения о создании СНГ с 1991 г. политическое руководство постсоветских стран осознало значимость защиты прав ИС и воспринимает их регламентацию как одну из своих важнейших задач. Первые соглашения в этой сфере были направлены на урегулирование отношений, касающихся действия на территории новых суверенных государств охраняемых документов на результаты интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, выданных в СССР. Именно тогда в рамках СНГ были заключены первые соглашения о сотрудничестве в сфере охраны авторских и смежных прав [5], промышленной собственности [6], товарных знаков и наименований мест происхождения товаров [7] и ряд других.

Знаковым событием для стран СНГ была разработка и принятие Модельного гражданского кодекса [8] (далее – «МГК СНГ»), имеющего рекомендательный характер. Важной вехой в процессе гармонизации права ИС стран Содружества стало также подписание 9 сентября 1994 г. Евразийской Патентной Конвенции (далее – «ЕАПК») [9], учредившей Евразийскую патентную систему (далее – «ЕАПС») и Евразийскую патентную организацию (далее – «ЕАПО»), которую ратифицировали: Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан и Туркменистан.

По мнению белорусских исследователей, несмотря на противоречивый, а иногда конфликтный характер взаимоотношений, их сотрудничество по вопросам защиты и охраны ИС в целом можно оценить удовлетворительно [10].

Тем не менее, процессы гармонизации и унификации правовых норм в рамках Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь развиваются по сложной траектории. Основой этих процессов первоначально являлись Договор «О Союзе Беларуси и России» от 02.04.1997 г. [11], Устав Союза от 23.05.1997 г. [12] и другие договоры и соглашения.

В Преамбуле к Договору 1997 г. было сказано, что Союз двух стран продиктован стремлением

«эффективно использовать материальный и интеллектуальный потенциалы России и Беларуси в интересах их социального и экономического прогресса...». В ст. 2 Договора говорилось, что целью Союза является «сближение национальных правовых систем, формирование правовой системы Союза».

С вступлением в силу Договора о создании Союзного государства России и Беларуси от 08.12.1999 г. [13] Договор 1997 г. утратил силу, но в ч. 1 ст. 2 Договора 1999 г. Стороны указали одной из своих целей – «формирование единой правовой системы демократического государства». Однако, только в декабре 2018 г. парламентарии двух стран одобрили проект Концепции сближения законодательства [14]. Работа над Концепцией продолжается, на ее основе запланирована разработка «дорожной карты» по гармонизации союзного законодательства.

Экономическую и правовую интеграцию двух стран обещано запустить с 2022 года, но о единых правилах регулирования интеллектуальной собственности пока ничего неизвестно. Экономические факторы по степени значимости занимают доминирующее положение в процессе российско-белорусской интеграции, следовательно, можно ожидать единую доктрину России и Беларуси и в сфере интеллектуальной собственности.

Гармонизация законодательства в рамках Таможенного союза и Евразийского экономического пространства нашла отражение в Декларации о Евразийской экономической интеграции от 18 ноября 2011 г. [15], предписавшая, что страны-участницы (Россия, Беларусь, Казахстан) должны провести кодификацию международных договоров, составляющих нормативно-правовую базу ТС и ЕЭП и создать новую договорно-правовую базу ЕАЭС.

В юридической науке уже сформировалась позиция, что на данный момент оправдано оперировать понятием «право ЕАЭС в сфере интеллектуальной собственности», которое имеет как узкое (специальное), так и широкое значение. В последнем случае правовая база представлена не только актами и договорами ЕАЭС как регионально-интеграционного объединения, то есть «правом Союза», но и различного рода двухсторонними соглашениями, которые заключены между странами Союза, не говоря уже о тех международных обязательствах, которые вытекают из многосторонних универсальных международных соглашений, а также соглашений с третьими государствами [16].

Страны Евразийского экономического союза демонстрируют выраженное стремление к гармонизации и унификации национальных правовых систем в целях устранить имеющиеся пробелы, недостатки, противоречия, конкуренцию правовых конструкций и принципов правового регулирования, сформировать единую правовую доктрину права интеллектуальной собственности. В пользу этого свидетельствует наличие единых элемен-

тов в правовой базе стран Союза, среди которых особое место занимают Договор об ЕАЭС, присоединение этих стран к Бернской Конвенции об охране литературных и художественных произведений 1886 г. (Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works, 1886) [17], Мадридскому соглашению о международной регистрации товарных знаков 1891 г. [18], Договору о патентной кооперации 1970 г. [19], Всемирной Конвенции об авторском праве в редакции 1971 г., Договору ВОИС по авторскому праву 1996 г., Соглашению ТРИПС, иным международным договорам, соглашениям и конвенциям, что является свидетельством унификации и гармонизации законодательства охраны и защиты прав ИС в группе стран ЕАЭС.

В настоящее время специальный уполномоченный орган стран ЕАЭС – Евразийская экономическая комиссия (далее – «ЕЭК») видит две ключевые задачи в сфере сотрудничества стран Союза в области права интеллектуальной собственности:

- гармонизация законодательства в сфере охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности;
- защита интересов обладателей прав на объекты интеллектуальной собственности.

ЕЭК не ставит задачу полной унификации правовых норм, речь идет только о гармонизации, и это оправданно, так как задачу унификации в сфере ИС ставить преждевременно, еще сохраняется немало противоречий между национальными правовыми нормами, рассогласованность в понимании и регламентации базовых категорий в праве стран Союза и международном праве. Выборочный анализ трактовок и регламентации дефиниций «гармонизация» и «унификация» в доктрине и законодательстве стран ЕАЭС показывает, что единых подходов не сложилось. Многие авторы часто используют довольно широкий ряд терминов, смежных с дефинициями «гармонизация» и «унификация», вовлекая в научный дискурс, например, такие категории, как «сближение», «адаптация» [20], «упорядочение», «стандартизация» [21] и другие.

Надо полагать, что суть «сближения» и «упорядочения» в большей степени соответствуют процессу гармонизации, тогда как содержание «адаптации» и «стандартизации» – процессу унификации правовых норм.

Таким образом, при гармонизации права устанавливаются единообразные (сходные) нормы, тогда как для правовой унификации характерно создание единых (идентичных) норм. Соответственно правовой унификации присущ более жесткий характер по сравнению с гармонизацией.

Следует подчеркнуть, что такое понимание рассматриваемых дефиниций является общим. Гармонизацию и унификацию можно понимать в различных аспектах, в широком смысле это деятельность уполномоченных органов, обладающих нормотворческой компетенцией, а в узком смысле, – совокупность специальных приемов и средств юридической техники в правотворческом процес-

се, используемых для разработки и рационального применения соответствующей юридической терминологии. Работа по гармонизации и унификации законодательства стран ЕАЭС должна проводиться не только на содержательном, но и логическом уровнях. А с учетом активного проникновения в гражданско-правовую доктрину англоязычной терминологии в отдельных случаях требуется лингвистический анализ терминов и учет норм и закономерностей языка, а не просто механический перенос дефиниций из международного в национальные правовые системы, а из национальных в региональную систему.

Предварительный анализ сложившейся теории и практики гармонизации и унификации правовых норм стран ЕАЭС показывает, что эти процессы протекают в настоящее время недостаточно интенсивно, им сопутствует ряд проблем, требующих осмысления и решения:

- во-первых, различия в подходах к формулированию дефиниций «гармонизация» и «унификация» в научной литературе и законодательстве;
- во-вторых, обозначение одного и того же правового явления разными терминами;
- в-третьих, неточность формулировок, несоответствие представлений в странах ЕАЭС о гармонизации и унификации по направлениям и глубине;
- в-четвертых, сложность взаимодействия модельного и национального законодательства в части гармонизации и унификации.

Некоторые правоведы настаивают именно на унификации понятийно-категориального аппарата в законодательстве стран ЕАЭС с международным законодательством: «отношения в сфере интеллектуальной собственности должны регулироваться схожими, прежде всего, текстуально одинаково закрепленными в законе механизмами; термины и определения в различных нормативных правовых актах должны пониматься максимально идентично» [22].

Есть также мнение о необходимости внедрения опыта ЕС по унификации законодательств. Причем, в сфере рынка интеллектуальной собственности унификация должна осуществляться с помощью «мощного административного ресурса» [23].

Комментируя эту позицию, отметим, что по ряду параметров уровень и интенсивность формирования евразийской интеграционной парадигмы интеллектуальной собственности не может сравниваться с процессом, протекающим в рамках ЕС, во-первых, в силу того, что эти процессы начались в Европе более 30 лет назад, тогда как на пространстве Евразийского экономического союза они находятся лишь в начальной фазе; во-вторых, ЕС является не только экономическим, но и политическим союзом, а ЕАЭС – только экономическим; в-третьих, в странах ЕАЭС, по сравнению с ЕС, еще в недостаточной степени осуществляется процесс коммерциализации и использова-

ния результатов интеллектуальной деятельности, в правоприменительной практике есть проблемы защиты исключительных прав, в том числе в цифровой среде. Эти и другие факторы объективно препятствуют более активной интеграции правовых систем стран ЕАЭС в единую правовую систему.

Курс исключительно на унификацию правовых норм на данном этапе представляется ошибочным и бесперспективным, тогда как гармонизация является важнейшим условием формирования единого регионального правового пространства. Наиболее приемлемым вариантом в сложившейся ситуации могла бы стать разработка и принятие Евразийской правовой доктрины (концепции) интеллектуальной собственности, что предполагает определение целей, задач и направлений гармонизации и унификации понятийно-терминологического аппарата, как на уровне базовых правовых конструкций, так и на перспективу, с учетом появления новых правовых явлений.

Литература

1. Garro A.M. Unification and Harmonization of Private Law in Latin America / A.M. Garro // *American Journal of Comparative Law*. – 1992. – Vol. 42. – Pp. 587–616.
2. Scott J.B. *The International Conferences of American States 1889–1928*, Oxford University Press, 1931, P. 367.
3. Бондарев И.И. Современные тенденции развития интеграционных объединений (на примере МЕРКОСУР) / И.И. Бондарев // *Молодой ученый*. – 2014. – № 17. – С. 243–245.
4. Российско-белорусские отношения в горизонте до 2020 года: итоги форсайт-сессии / под ред. А.Д. Саулина. – М.: ООО «Интеграция: Образование и Наука», 2017. С. 10.
5. Соглашение стран СНГ от 24.09.1993 г. «О сотрудничестве в области охраны авторского права и смежных прав» // СПС «Консультант Плюс».
6. Соглашение о мерах по охране промышленной собственности и создании Межгосударственного совета по вопросам охраны промышленной собственности (Москва, 12 марта 1993) (не действует) // Система «Гарант.ру».
7. Соглашение от 04.06.1999 «О мерах по предупреждению и пресечению использования ложных товарных знаков и географических указаний» // СПС «Консультант Плюс».
8. Гражданский кодекс. Модель. Рекомендательный законодательный акт СНГ. Часть первая (принята в г. Санкт-Петербурге 29.10.1994; Часть вторая (принята в г. Санкт-Петербурге 13.05.1995); Часть третья (принята в г. Санкт-Петербурге 17.02.1996) // СПС «Консультант Плюс».
9. Евразийская патентная конвенция (Заключена в г. Москве 09.09.1994) // *Собрание законодательства РФ*. 1996. № 20. Ст. 2323.
10. Леанович Е.Б. Регламентация вопросов интеллектуальной собственности в рамках евразийской экономической интеграции / Е.Б. Леанович // *Международное публичное, международное частное и европейское право: труды факультета международных отношений*. – Минск. 2012. Вып. 3. С. 103–112.
11. Договор между РФ и Республикой Беларусь от 02.04.1997 «О Союзе Беларуси и России» (утратил силу) // *Собрание законодательства РФ*. 1997. № 30. Ст. 3596.
12. Устав Союза Беларуси и России (совершено в Москве 23.05.1997) // *Собрание законодательства РФ*. 1997. № 30. Ст. 3596.
13. Договор между РФ и Республикой Беларусь от 08.12.1999 «О создании Союзного государства» // *Собрание законодательства РФ*. 2000. № 7. Ст. 786.
14. Постановление N LV-6 Парламентского Собрания Союза Беларуси и России «О проекте Концепции сближения законодательства государств – участников Договора о создании Союзного государства» (Принято в г. Москве 21.12.2018) // СПС «Консультант Плюс».
15. Декларация от 18.11.2011 г. «О Евразийской экономической интеграции» // СПС «Консультант Плюс».
16. Шугуров М.В. Охрана и защита прав ИС по двухсторонним соглашениям государств – членов ЕАЭС в научно-технической сфере / М.В. Шугуров // *Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность*. – 2016. – № 8. – С. 61–72.
17. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of September 9, 1886. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/treaties/en/text.jsp?file_id=283700 (дата обращения 20.04.2019).
18. Соглашение о международной регистрации знаков (Заключено в Мадриде 14.04.1891) (ред. от 02.10.1979) (вместе с «Инструкцией к мадридскому Соглашению...» от 01.04.1992) // СПС «Консультант Плюс».
19. Договор о патентной кооперации (Подписан в г. Вашингтоне 19.06.1970) // *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами*. Вып. XXXIV. – М., 1980. С. 55–89.
20. Кулагин Р. А. К вопросу соотношения понятий «гармонизация», «сближение», «унификация» и «адаптация законодательства» в процессе правовой интеграции / Р.А. Кулагин // *Правовед. Межвузовский научно-методический сборник*. – Великий Новгород, 2008. Вып. № 7. С. 23–28.
21. Прикладное языкознание: учебник / Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая, Г.Я. Мартыненко и др.; Отв. ред. А.С. Герд. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1996. С. 278–279.
22. Михайлов С. В. О некоторых вопросах унификации понятийно-категориального аппарата

и процедур регистрации объектов интеллектуальной собственности в национальном законодательстве государств-членов Евразийского экономического союза / С.В. Михайлов, Н.В. Пономарева // Юристъ – Правоведъ. – 2017. – № 3 (82). – С. 191.

23. Жерягин С.А. Особенности правового регулирования рынка интеллектуальной собственности Европейского союза и Евразийского экономического союза на региональном и национальном уровне/С.А. Жерягин//Социально-политические науки. – 2016. – № 4. – С. 161–166.

PROBLEMS OF INTERPRETATION AND REGULATION OF THE DEFINITIONS OF “HARMONIZATION” AND “UNIFICATION”, THE EXPERIENCE OF LATIN AMERICA AND THE EEU COUNTRIES

Kanatov T.K.

Lomonosov Moscow state University

This article discusses the problems of interpretation and regulation of the definitions of “harmonization” and “unification” in the doctrine and legislation on intellectual property in Latin America. It should be noted that the science of civil law at each stage of its development has always faced specific problems determined by the political, economic, socio-cultural, scientific and technical needs of society. Among their wide variety, there are those that are key to the legal science at any stage of its development. One of them is the study of the problem of the interpretation of “harmonization” and “unification”. In legal theory, these issues have been discussed for several centuries, and the article reflects the most significant theoretical calculations of outstanding scientists on these legal controversial issues of various eras. *Purpose:* To study current problematic issues, interpretations and regulations of the definitions of “harmonization” and “unification” in the doctrine and legislation on intellectual property in Latin America. *Methodology:* System-structural, concrete-sociological, historical-legal, socio-legal, comparative-legal, statistical methods of work were used in writing the article. *Results:* Proposals and conclusions based on the analysis of international legislation, as well as the regulations of Latin American countries in force at the moment.

Keywords: unification, harmonization, exclusive rights, copyright and related rights, Latin America, databases, Internet.

References

1. Garro A.M. Unification and Harmonization of Private Law in Latin America / A.M. Garro // American Journal of Comparative Law. – 1992. – Vol. 42. – Rr. 587–616.
2. Scott J.B. The International Conferences of America States 1889–1928, Oxford University Press, 1931, P. 367.
3. Bondarev II Modern trends in the development of integration associations (on the example of MERCOSUR) / II. Bondarev // Young Scientist. – 2014. – No. 17. – S. 243–245.
4. Russian-Belarusian relations in the horizon until 2020: results of the foresight session / ed. HELL. Saulina. – M.: OOO “Integration: Education and Science”, 2017. P. 10.
5. Agreement of the CIS countries of 24.09.1993 “On cooperation in the field of copyright and related rights protection” // ATP “Consultant Plus”.
6. Agreement on Measures for the Protection of Industrial Property and the Creation of the Interstate Council for the Protection of Industrial Property (Moscow, March 12, 1993) (not valid) // System “Garant.ru”.
7. Agreement of 04.06.1999 “On measures to prevent and suppress the use of false trademarks and geographical indications” // ATP “Consultant Plus”.
8. Civil Code. Model. CIS advisory legislative act. Part one (adopted in St. Petersburg on October 29, 1994; Part two (adopted in St. Petersburg on May 13, 1995); Part three (adopted in St. Petersburg on February 17, 1996) // SPS “Consultant Plus”...
9. Eurasian Patent Convention (Concluded in Moscow 09.09.1994) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 20. Art. 2323.
10. Leanovich E.B. Regulation of Intellectual Property Issues in the Framework of Eurasian Economic Integration / E.B. Leanovich // International public, international private and European law: proceedings of the Faculty of International Relations. – Minsk. 2012. Issue. 3. S. 103–112.
11. Agreement between the Russian Federation and the Republic of Belarus dated 02.04.1997 “On the Union of Belarus and Russia” (invalidated) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 30. Art. 3596.
12. Charter of the Union of Belarus and Russia (done in Moscow on 23.05.1997) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 30. Art. 3596.
13. Agreement between the Russian Federation and the Republic of Belarus dated 08.12.1999 “On the creation of the Union State” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2000. No. 7. Art. 786.
14. Resolution No. LV-6 of the Parliamentary Assembly of the Union of Belarus and Russia “On the Draft Concept for the Rapprochement of the Legislation of the States Parties to the Treaty on the Establishment of the Union State” (Adopted in Moscow on 21.12.2018) // ATP “Consultant Plus”.
15. Declaration of 18.11.2011 “On the Eurasian economic integration” // ATP “Consultant Plus”.
16. Shugurov M.V. Protection and protection of IP rights under bilateral agreements of the EAEU member states in the scientific and technical sphere / M.V. Shugurov // Intellectual property. Industrial property. – 2016. – No. 8. – S. 61–72.
17. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of September 9, 1886. [Electronic resource]. URL: https://www.wipo.int/treaties/en/text.jsp?file_id=283700 (date of access 20.04.2019).
18. Agreement on the International Registration of Marks (Concluded in Madrid on 04/14/1891) (as revised on 02.10.1979) (together with the “Instruction to the Madrid Agreement...” dated 01.04.1992) // ATP “Consultant Plus”.
19. Treaty on Patent Cooperation (Signed in Washington on June 19, 1970) // Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states. Issue XXXIV. – M., 1980.S. 55–89.
20. Kulagin R.A. On the issue of the relationship between the concepts of “harmonization”, “convergence”, “unification” and “adaptation of legislation” in the process of legal integration. Kulagin // Lawyer. Interuniversity scientific and methodological collection. – Veliky Novgorod, 2008. Issue. No. 7. S. 23–28.
21. Applied linguistics: textbook / L.V. Bondarko, L.A. Verbitskaya, G. Ya. Martynenko and others; Resp. ed. A.S. Gerd. – SPB.: Publishing house of St. Petersburg University, 1996.S. 278–279.
22. Mikhailov S.V. On some issues of unification of the conceptual and categorical apparatus and procedures for registration of intellectual property objects in the national legislation of the member states of the Eurasian Economic Union. Mikhailov, N.V. Ponomarev // Lawyer – Lawyer. – 2017. – No. 3 (82). – S. 191.
23. Zheriyagin S.A. Features of legal regulation of the intellectual property market of the European Union and the Eurasian Economic Union at the regional and national level / S.A. Zheriyagin // Socio-political sciences. – 2016. – No. 4. – P. 161–166.

Совершенствование системы противодействия легализации преступных доходов в банковской сфере России

Константинов Илья Алексеевич,

студент, кафедра коммерческого права, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: ilyakonstant1nov@yandex.ru

Банковская система является значимым элементом борьбы с отмыванием преступных доходов. В актуальной правовой системе Российской Федерации банки, в рамках возложенных на них полномочий по применению механизмов противодействия легализации доходов, полученных от преступной деятельности, во многом самостоятельны при принятии властных решений в отношении своих клиентов. Однако ввиду того, что банки не являются публичными органами, информационная база представляется крайне недостаточной для принятия взвешенных и обоснованных решений, поскольку она ограничивается общедоступными ресурсами и информацией, которую предоставляют сами клиенты. Сложившаяся система приводит к большому количеству ошибок на уровне правоприменительной практики, что оказывает крайне негативное влияние на функционирование делового оборота в рамках обычной хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: легализация преступных доходов, «черный список ЦБ», Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ, Федеральная служба по финансовому мониторингу, финансовый мониторинг, сомнительные операции.

Общемировые тенденции бурного развития и внедрения в повседневную жизнь современных технологий оказывают существенное влияние на разнообразные области жизнедеятельности многочисленных общественных и государственных институтов. Не обошло стороной это влияние и кредитно-финансовую сферу. Системы дистанционного банковского обслуживания, огромные базы данных, мгновенные транзакции и многое другое уже стали неотъемлемой частью нашей жизни. На первый взгляд, вышеописанные нововведения можно описать исключительно с положительной стороны: обслуживание стало удобнее, взаимодействие разнообразных экономических и правовых институтов теснее, рост клиентской базы активнее, решение текущих вопросов быстрее и т.д. Однако любые социальные изменения, как правило, имеют две стороны. Банковская сфера не является исключением из этого правила. Глобализация, достижения в сфере цифровизации экономических процессов, развитие системы внутригосударственных и международных банковских переводов и иные сопутствующие процессы создают для правонарушителей в сфере легализации преступных доходов благоприятные возможности для их деятельности, что требует от публичных и частных субъектов постоянной адаптации в зависимости от разнообразных и изменчивых факторов, а также пересмотра механизмов противодействия «отмыванию» преступных доходов в рамках сложившейся банковской системы для целей эффективной борьбы с вышеназванным явлением. Как было указано К.Н. Алешиным, «происходит неконтролируемое перераспределение финансовых потоков, приводящих к понижению рентабельности, а значит, и привлекательности легального бизнеса, то есть происходит не только процесс криминализации экономики за счет вливания преступных денег, но и процесс «криминализации» сознания субъектов экономической деятельности, толкая последних на получение преступных сверхприбылей» [1, с. 15–16]. При этом, на данный момент большинство экспертов сходятся во мнении, что основным каналом легализации денежных средств, добытых преступным путем, является именно банковская сфера [2, с. 1–2] ввиду крайне разнообразного инструментария в кредитно-финансовой сфере.

Масштабы участия банков в отмывании денежных средств, добытых преступным путем, хотя бы отчасти могут проиллюстрировать примеры отзыва лицензий у банков по причине их вовлеченности в сомнительные финансовые операции (примерами могут служить: «Владимирский промыш-

ленный банк», московский «Межтопэнергобанк», омский «Сибэс» и т.д.) [2, с.3].

В течение последних десятилетий в рамках существующей мировой экономической системы все более усиливаются интеграционные процессы среди различных государств. Вышеназванные обстоятельства привели к осознанию того, что для целей эффективного противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, международному сообществу следует действовать сообща. В связи с этим, в 1989 году по решению стран «Большой семерки» в Париже была создана международная организация ФАТФ [3, с.1] (в переводе с английского: группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег). В феврале 2000-года ФАТФ разработала список из 25 критериев, по которым то или иное государство можно было причислить к списку стран, не желающих бороться с отмыванием преступных доходов. Ввиду того, что по мнению специалистов вышеназванной организации Россия не соответствовала 10 критериям из 25, она была внесена в «черный список» ФАТФ 22.06.2000. После данного события в нашей стране была проделана большая работа по совершенствованию правовых механизмов противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма. Однако, лишь 11.10.2002 Россия была исключена из «черного списка» ФАТФ и с июня 2003 года стала постоянным членом вышеназванной международной организации [3, с.1].

Для всестороннего и структурного анализа актуальной системы противодействия легализации преступных доходов России следует рассмотреть историю ее становления.

На начальном этапе своего развития, после исключения России из «черного списка» ФАТФ [4, с.1], Правительством РФ было принято Постановление от 8 января 2003 г. № 6 «О порядке утверждения правил внутреннего контроля в организациях, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом». Вышеназванный подзаконный акт устанавливал следующее важное правило: абсолютно все организации, осуществляющие операции с денежными средствами или иным имуществом согласовывают правила внутреннего контроля по противодействию легализации преступных доходов со специализированным публичным надзорным органом (например, кредитные организации с ЦБ РФ) а иные организации, которые не имеют вышестоящего специализированного публичного органа, который осуществлял бы надзор за их деятельностью, согласовывают правила внутреннего контроля с Росфинмониторингом. Однако, уже в 2012 году Правительство России в своем Постановлении от 30.06.2012 «Об утверждении требований к правилам внутреннего контроля, разрабатываемым организациями, осуществляющими операции с денежными средствами или иным имуществом, и индивидуальными предпринимателями, и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» отменило сложившуюся ранее систему в части

утверждения правил внутреннего контроля организации по противодействию отмыванию преступных доходов у публичных субъектов. В частности, данные изменения привели к тому, что в соответствии со сложившейся правовой системой в России, банки имеют довольно большую самостоятельность при составлении и реализации на практике правил внутреннего контроля в отношении своих клиентов.

Подводя итог данному вопросу, можно прийти к выводу о том, что в исторической перспективе российская правовая система в части противодействия отмыванию преступных доходов в банковской сфере кардинально изменилась. Так, в самом начале XXI века, при разработке правил внутреннего контроля противодействия легализации преступных доходов решающее слово при их принятии и утверждении имел вышестоящий публичный орган. Однако, в настоящее время, актуальная правовая система исходит из очень большой институциональной самостоятельности банков в данном вопросе. Представляется, что сложившаяся практика может приводить к весомым злоупотреблениям и неправильной трактовке фактических обстоятельств на уровне конкретных банков при реализации правил внутреннего контроля и положений действующего законодательства (имеющиеся проблемы и возможные пути их решения будут рассмотрены ниже в работе).

Система, определяющая структуру информационного взаимодействия между субъектами, которые участвуют в противодействии отмыванию преступных доходов в банковской сфере, закреплена в Законе № 115-ФЗ и в соответствующих обозначенной тематике подзаконных актах Банка России и Росфинмониторинга.

В соответствии с п. 13 и 13.1 статьи 7 вышеназванного закона и указанием ЦБ РФ от 20.07.2016 № 4077-У, информация о случаях отказа в проведении тех или иных банковских операций, а так же сведения о фактах отказа от заключения договора банковского счета (вклада) и (или) расторжения договора банковского счета (вклада) с клиентом по инициативе банка представляются кредитными организациями в Росфинмониторинг не позднее рабочего дня, следующего за днем наступления обозначенных событий. Помимо этого, в соответствии с абзацем 2 пункта 13 статьи 7 Закона № 115-ФЗ, банки обязаны предоставлять в Росфинмониторинг сведения об устранении оснований использования своих «отказных полномочий», о которых было сказано выше.

В соответствии с п. 13.2 статьи 7 Закона № 115-ФЗ и приказом Росфинмониторинга от 02.11.2016 № 361, данное публично-правовое образование направляет представленные банками сведения в ЦБ РФ не позднее рабочего дня, который следует за днем принятия органом финансовой разведки первичной информации.

Банк России, в свою очередь, в соответствии с п. 13.3 Закона № 115-ФЗ и положение ЦБ РФ от 30.03.2018 № 639-П доводит полученную информацию (так называемые «черные списки ЦБ»)

до кредитных организаций в срок не позднее 15 рабочих дней со дня, который следует за днем получения информации от Росфинмониторинга. Однако, вышеназванные сведения сами по себе не являются самостоятельными и достаточными основаниями для отказа в проведении банковских операций или расторжения договора банковского обслуживания (отказа от заключения договора банковского счета). Данная информация должна исключительно учитываться при принятии решения самим банком в совокупности со множеством иных факторов (данный вывод следует из методических рекомендаций, утв. Банком России от 10.11.2017 № 29-МР и информационного письма ЦБ РФ от 15.06.2017 № ИН-014–12/29).

Немаловажным является вопрос информированности клиентов банков и их контрагентов об их нахождении (или отсутствии) в «черном списке ЦБ», поскольку любые финансовые операции с фигурантами вышеназванного списка будут грозить тем, что можно также попасть под подозрение. Единственные данные, которые находятся в открытом доступе и доступны абсолютно всем – это «Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму». Данная информация публикуется Росфинмониторингом. Однако, следует указать на то, что это далеко не полный перечень лиц, которые содержатся в «черном списке Банка России». Помимо этого, сделать запрос о собственной деловой репутации можно с помощью портала «Госуслуги» (однако, третьи лица не имеют свободного доступа к данной информации).

Подводя итог данному вопросу, можно прийти к выводу о том, что актуальная система информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации преступных доходов в банковской отрасли исходит из тесных контактов публичных и частных субъектов. Начальное и очень важное звено в вышеназванной структуре занимают банки, на которых лежат обязанности по сбору и передаче в Росфинмониторинг первичной информации. Так, банки обязаны оперативно передавать информацию о случаях отказа в проведении тех или иных банковских операций, а также сведения о фактах отказа от заключения договора банковского счета (вклада) и (или) расторжения договора банковского счета (вклада) с клиентом по инициативе банка в Росфинмониторинг, который, в свою очередь, обязан так же оперативно передать данные сведения в ЦБ РФ. Банк России доводит полученную информацию («черные списки ЦБ») до сведения всех банков. Следует отметить, что до сведения кредитных организаций доводятся абсолютно все случаи отказа в проведении тех или иных банковских операций, а так же сведения о фактах отказа от заключения договора банковского счета (вклада) и (или) расторжения договора банковского счета (вклада) с клиентом по инициативе банка, а не только те случаи, в отношении которых уполномоченными государственными органами (например, органом финан-

совой разведки, органами следствия, судами и т.д.) был сделан вывод о том, что те или иные субъекты замешаны в отмытии преступных доходов.

Помимо этого, данная информация в рамках российской правовой системы не носит обязывающего характера для банков при принятии каких-либо решений в отношении своих клиентов (носит лишь ориентирующий характер). Однако, представляется, что для целей минимизации возможных негативных последствий (в частности, уменьшений рисков наложения санкций со стороны мегарегулятора), большинство банков будет отказывать клиентам из «черного списка» в банковском обслуживании, или подвергать их дополнительными проверками вне зависимости от того, замешан ли действительно тот или иной субъект в проведении сомнительных операций. Данные о присутствии того или иного лица в «черном списке Банка России» являются непубличными (за исключением перечня субъектов, в отношении которых имеется информация об их причастности к террористической или экстремистской деятельности). Учитывая совокупность вышеназванных фактов, данное положение дел препятствует возможности бизнеса проводить выбор контрагентов и отсекал неблагонадежных с целью повышения безопасности собственной деятельности.

Основным нормативно-правовым актом на уровне закона, который регулирует отношения физических и юридических лиц, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, а также публичных органов, которые осуществляют контроль на территории Российской Федерации за проведением операций с денежными средствами или иным имуществом, в целях предупреждения, выявления и пресечения отмытия преступных доходов является Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». На уровне подзаконных актов основным нормотворчеством в исследуемой сфере занимается ЦБ РФ.

При наличии подозрений о том, что целью заключения и исполнения договора банковского обслуживания является совершение операций в целях легализации доходов, полученных преступным путем и при выявлении признаков сомнительных операций банк обладает рядом существенных полномочий, основные из которых состоят в следующем:

- 1) Отказаться в выполнении распоряжения клиента касательно проведения каких-либо операций в соответствии с пунктом 11 статьи 7 Закона № 115-ФЗ.
- 2) Отказаться от заключения или расторгнуть договор банковского счета (вклада) на основании пункта 5.2 статьи 7 Закона № 115-ФЗ.
- 3) При наличии системы дистанционного банковского обслуживания отказать клиенту в проведении операций, используя данный механизм в соответствии с Письмом ЦБ РФ от 27.04.2007 № 60-Т, (банки могут использовать данное полномочие при наличии с клиентом соответствующей

щего соглашения). Помимо негативных последствий о которых было сказано выше и репутационных рисков попадания в «черный список Банка России», клиенты банков очень часто несут значительные убытки ввиду ведения банками «заградительных комиссий» при снятии или переводе в другой банк денежных средств. Данные комиссии в некоторых случаях достигали

Для комплексного восприятия законодательно закрепленных механизмов противодействия легализации преступных доходов в банковской сфере необходимо также отметить правило, закрепленное в абзаце 4 статьи 4 закона № 115-ФЗ, которое содержит запрет для банков на информирование клиентов и иных лиц о принимаемых мерах противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем. Однако, вышеназванная норма содержит широкий пласт исключений, что ставит под сомнение эффективность реализации данной меры для публично-значимых целей (предупреждение сокрытия или фабрикация доказательств, выявления всех экономических и правовых связей в цепочке легализации преступных доходов и т.д.).

Критерий, который обуславливает применение тех или иных мер, направленных на противодействие отмыванию преступных доходов, согласно Закону № 115-ФЗ, состоит в наличии «подозрений» у банков в том, что те или иные операции совершаются с противоправной целью легализации доходов, полученных от преступной деятельности. При этом, ни само определение понятия «подозрения», ни степень его обоснованности не содержится ни на уровне законов, ни на уровне подзаконных актов, ни на уровне судебной практики. Закон № 115-ФЗ лишь отсылает к правилам внутреннего контроля самих кредитных организаций, которые должны подчиняться действующему законодательству. Для целей восполнения правовых пробелов ЦБ РФ было принято положение от 2 марта 2012 г. № 375-П «О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», в котором был урегулирован вопрос составления базисных начал для кредитных организаций при составлении правил внутреннего контроля по противодействию отмыванию преступных доходов (так же, данное положение содержит объемный классификатор признаков, которые могут указывать на то, что те или иные сделки совершаются в целях легализации преступных доходов). Однако, следует указать на то, что вышеприведенные акты ЦБ РФ не охватывают всего огромного многообразия сомнительных операций, и поэтому Банк России в своем письме от 30 июля 2010 г. № 12–1–5/1438 «О порядке применения отдельных положений Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», указал на то, что в целях минимизации репутационных, правовых и иных рисков, возникающих в деятельности

кредитных организаций в связи с совершением их клиентами подозрительных (необычных) операций, кредитные организации вправе предпринимать любые не запрещенные действующим законодательством Российской Федерации меры, в том числе предусмотренные правилами внутреннего контроля кредитной организации, фактически отдав на уровень банков решение огромного пласта вопросов, которые непосредственным образом влияют на деятельность десятков миллионов физических и юридических лиц.

Рассматривая вопрос ответственности банков за нарушение положений антиотмывочного законодательства, следует указать на то, что они являются крайне ощутимыми абсолютно для всех участников рынка. Так, в соответствии со статьей 74 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» в случае нарушения кредитной организацией требований Федерального закона от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и (или) нормативных актов Банка России, принятых в соответствии с указанным Федеральным законом, на кредитные организации может быть наложен штраф в размере до 0,1 процента капитала, но не менее 100 тысяч рублей, а если его предписание не исполнено в срок или нарушения создали реальную угрозу интересам кредиторов (вкладчиков), штраф может быть повышен до 1 процента капитала, но должен составить не менее 1 миллиона рублей. В случае регулярных и масштабных нарушений банк может поплатиться собственной лицензией, что ведет к прекращению его деятельности.

Таким образом, банки являются краеугольным камнем системы противодействия легализации доходов, полученных от преступной деятельности в России, поскольку именно у них имеются существенные полномочия первоначальной проверки самих организаций, их деятельности и банковских операций. Помимо этого, законодательство устанавливает крайне общие требования к разработке правил внутреннего контроля и правилам взаимодействия банков с клиентам, заподозренными в совершении сомнительных операций, предоставляя банкам на местах крайне широкий простор для деятельности (даже ЦБ РФ указал на то, что кредитные организации вправе предпринимать любые не запрещенные действующим законодательством Российской Федерации меры). Помимо этого, законодательство при применении мер противодействия отмыванию преступных доходов исходит из крайне обширного критерия наличия «подозрений» в том, что те или иные операции совершаются с противоправной целью легализации. При этом, действующая российская правовая система не дает ни четкого определения понятия «подозрения», ни степени его обоснованности.

В рамках написания данной работы автором был сделан вывод о том, что действующее законо-

дательство о противодействии легализации преступных доходов в банковской сфере России обладает существенными правовыми дефектами, основные из которых состоят в следующем:

- Отсутствие в нормативно-правовых актах надлежащего регулирования принятия и согласования правил внутреннего контроля по ПОД/ФТ.
- Актуальная правовая система исходит из очень большой институциональной самостоятельности банков при реализации отказных полномочий в соответствии ФЗ № 115.
- В соответствии с действующим законодательством, значительное количество банковских клиентов оказывается в «черном списке ЦБ» исключительно на основании предположений о том, что они замешаны в отмывании без проведения всестороннего расследования.
- Перечень лиц и организаций, в отношении которых имеется информация об их причастности к легализации преступных доходов является непубличным. Данное положение дел препятствует возможности бизнеса проводить выбор контрагентов и отсекал неблагонадежных с целью повышения безопасности собственной деятельности

Вышеназванные обстоятельства оказывают крайне негативное влияние на интересы добросовестных экономических агентов (каковыми являются большинство субъектов предпринимательской деятельности) и стабильность делового оборота. Данный вывод подтверждается в том числе и статистикой, представленной в данной работе: более чем в 60% Арбитражные суды округов случаев суды вставали на стороны истцов – клиентов банков.

Для решения вышеуказанных проблем автором предлагаются следующие решения:

- Передача полномочий по квалификации тех или иных операций в качестве сомнительных и применение любых мер воздействия на уровень Росфинмониторинга на основании механизма выявления сомнительных операций, который представлен в данной работе. За банковскими организациями необходимо оставить иные правомочия, главное из которых должно состоять в информировании вышеназванной службы о возможных сомнительных операциях. Данный подход позволит существенно снизить вероятность применения негативных санкций к добросовестным экономическим субъектам.
- Обвинение о причастности тех или иных субъектов к легализации преступных доходов должно отвечать принципам относимости, допустимости, достоверности, достаточности и законности. Федеральная служба по финансовому мониторингу направляет списки лиц, которые причастны к легализации преступных доходов и (или) финансированию терроризма в Банк России исключительно после всестороннего расследования. В случае выявления признаков преступления, административного или налогового правонарушения необходимые сведения должны пе-

редаваться Росфинмониторингом в соответствующие контрольно-надзорные органы.

- Создание открытого «Перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к легализации доходов, полученных от преступной деятельности» по аналогии с «Перечнем организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму». Данное решение предоставит дополнительные возможности бизнесу проводить выбор контрагентов и отсекал неблагонадежных с целью повышения безопасности собственной деятельности.

Литература

1. Алёшин К.Н. Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, как преступление международного характера: Дис. канд. юр. наук. СПб., 2004.
2. Лавроненко Р.А. Статья: Актуальные проблемы противодействия легализации преступных доходов в банковской сфере // «Безопасность бизнеса». 2018. № 2.
3. Лашчинина Е.А. «Антиотмывочное» законодательство и аудитор: информировать(,) нельзя(,) молчать () // «Электронный журнал «Финансовые и бухгалтерские консультации». 2019. № 1.
4. Газета «Коммерсантъ» № 105 от 20.06.2003

IMPROVING THE SYSTEM OF COUNTERING THE LEGALIZATION OF CRIMINAL INCOME IN THE BANKING SECTOR OF RUSSIA

Konstantinov I.A.
St. Petersburg State University

The banking system is an important element in the fight against money laundering. In the current legal system of the Russian Federation, banks, within the framework of their powers to apply mechanisms to counteract the legalization of proceeds from criminal activities, are largely independent in making power decisions in relation to their clients. However, due to the fact that banks are not public bodies, the information base is extremely insufficient for making informed and informed decisions, since it is limited to publicly available resources and information provided by the clients themselves. The current system leads to a large number of errors at the level of law enforcement practice, which has an extremely negative impact on the functioning of business turnover in the normal course of business.

Keywords: legalization of criminal proceeds, «black list of the Central Bank», Federal Law No. 115-FZ of 07.08.2001, Federal Service for Financial Monitoring, financial monitoring, questionable transactions.

References

1. Aleshin K.N. Legalizatsiya (laundering) of income obtained by criminal means, as a crime of an international nature: Dis. kand. yur. nauk. SPb., 2004. p. 39.
2. Lavronenko R.A. Article: Actual problems of countering the legalization of criminal income in the banking sector // «Business Security». 2018. № 2 p. 1–3.
3. Lashchinina E. A. «Anti-laundering» legislation and the auditor: inform (,) it is impossible (,) to be silent () // «Electronic Journal» Financial and Accounting consultations». 2019. № 1.
4. Newspaper «Kommersant» No. 105 of 20.06.2003.

Ланг Петр Петрович,

кандидат юридических наук, доцент, начальник отдела анализа, статистики и обеспечения судопроизводства Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда, доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса Самарского государственного экономического университета
E-mail: petr.lang@mail.ru

Настоящая статья посвящена проблеме соотношения современных цифровых технологий и системы правовых ценностей. Подчеркивается важная, основополагающая роль цифровизации в общественной жизни, влияние правовых ценностей на формирование нормативного регулирования информационных и технологических отношений. Раскрывается потенциал информационных технологий в различных сферах общества, начиная от бытовых и домашних вопросов и заканчивая бизнес-сферой и сферой оказания государственных услуг. Поднята проблема обеспечения безопасности и конфиденциальности электронной информации со стороны государственных органов. Говорится о необходимости разработки передовых процессов и систем для управления большими данными. Определена роль доверия в информационном процессе как аксиологической конструкции. Сделан акцент о необходимости соблюдения баланса между частным и публичным началами в рассматриваемых отношениях.

Ключевые слова: аксиология, правовые ценности, информационные технологии, правовое регулирование, безопасность, доверие.

Повсеместная цифровизация является неотъемлемой частью современной общественной жизни. Многочисленные научные работы также посвящены цифровизации системы судебных и административных органов России. Но все начинается с повседневной жизни. Интернет, искусственный интеллект, роботы – все это уже не будущее, а данность настоящего. В связи с чем, вопрос формирования законодательной, нормативной основы использования новых технологий, их правового регулирования как никогда актуален. При этом необходимо позаботиться о том, чтобы законодательно урегулировать процесс разработки и применения современных цифровых технологий, но и определить этические границы их использования с учетом морально-нравственных аспектов. Представляется, что все подобные вопросы должны быть разрешены на законодательном уровне и разработанные правовые нормы должны отражать те правовые и этические ценности, которые наиболее широко поддерживаемы в обществе, то есть коррелируют с устоявшейся системой ценностей.

Цель права – поддерживать социальный порядок, мир и справедливость в обществе, а этики – обеспечивать этические стандарты, помогающие людям отличать «хорошее» от «плохого». Так, для наилучшего урегулирования любого вопроса, следует обратиться и к праву и к этике, поскольку игнорирование одного из них, чревато негативными последствиями.

С развитием современных информационных технологий все большее значение приобретают вопросы, связанные с реализацией правовой политики в сфере разработки и применения таких технологий. Правовая политика – это система комплексных средств и целей повышения эффективности защиты прав и свобод личности, поддержания и развития ее правового статуса.

Сегодня интернет является неотъемлемой частью повседневной жизни человека, объединяя систему соединенных посредством Интернета устройств и людей для обеспечения коммуникации и работы сервисов. Информационно-телекоммуникационная система широко применяется в бытовой жизни, в бизнес-сфере, равно как и на государственном уровне (например, система «Платон»).

Несмотря на то, что технологии интернета разрешают массу повседневных вопросов, они также являются причиной возникновения правовых и этических проблем, а именно, таких как: защита конфиденциальности пользователей, защита данных, порядок использования данных (доступа к ним), доверие, безопасность и пр. В интернете

постоянно генерируются и обрабатываются огромные объемы информации, что обуславливает необходимость правовой защиты, а также эффективного и адекватного регулирования.

Проблема обеспечения конфиденциальности связана, прежде всего, с недостаточным правовым регулированием и отсутствием объективно устоявшихся (или закрепленных) этических норм в рассматриваемой сфере. Конфиденциальность должна восприниматься как одна из центральных ценностей правового регулирования, поскольку обеспечение приватности пользователей и их данных на данный момент является наиболее острой проблемой при использовании ресурсов интернета (утечки данных банковских карт, мобильных данных, персональных данных). Данная проблема напрямую связана с обеспечением безопасности данных, генерируемых и обрабатываемых в системах больших данных интернета. Что характеризует безопасность электронной информации как одну из центральных ценностей, требующую должных гарантий и обеспечения со стороны правового регулирования.

Отсутствие уверенности пользователя в гарантированной безопасности и конфиденциальности данных служит причиной недоверия, а соответственно, отражает проблему необходимости построения доверия, как к разработчикам технологий, так и к правовому регулированию данной сферы. Этот аспект позволяет установить, что другой ценностью при разработке правового регулирования должно служить доверие.

Доверие же взаимосвязано с ответственностью. Именно те лица, в полномочия которых входит обработка больших данных, должны нести ответственность за нарушения, связанные с безопасностью, конфиденциальностью и достоверностью данных.

Законодатель несет ответственность за регулирование нематериальных объектов данных и информации, которые передаются между огромным количеством датчиков, устройств и сетей, поскольку информация фактически является источником ценности. Чтобы эти различные устройства и датчики могли легально обмениваться данными, необходимо, чтобы они использовали единые стандарты для структур данных, форматов связи и протоколы, которые должны быть разработаны и введены в действие уполномоченными на то органами власти.

Стандартизация процессов в сфере технологий – ключ к регулированию этих процессов. На государственном уровне должны обращать внимание на то, каким образом данные курсируют внутри систем, для чего необходима значительная модернизация правового регулирования в данной сфере в целом.

Так, необходима разработка передовых процессов и систем для управления большими данными, а также надежные процессы для обеспечения качества данных. Для реализации таких процессов необходимо пересмотреть огромное количе-

ство нормативно-правовых актов, обеспечивающих соблюдение положений о конфиденциальности, о защите от утечки данных, обеспечивающих сетевую нейтральность и потоки данных и т.д.

Стоит обратить внимание и на этическую проблему, возникающую при разработке такого правового регулирования, заключающуюся в том, что государство является одновременно и поставщиком технологий интернета, и их пользователем, что может повлиять на появление двойных стандартов правового регулирования и контроля.

По объективным и понятным причинам в современном мире сложно представить обособленное национальное регулирование общественных отношений в рассматриваемой сфере в рамках одного отдельного государства.

В данной связи особенно актуально рассмотрение возможности формирования межгосударственных, международных стандартов использования таких систем, унификации протоколов и стандартов на общемировом уровне. Это должно разрешить не только проблему баланса интересов, но и упростить процесс использования интернета для пользователей по всему миру, как и процесс разработки, создав для него унифицированные директивы.

Особого внимания заслуживают и проблемы, связанные с использованием искусственного интеллекта и правового регулирования подобного использования. Поскольку искусственный интеллект становится все более интегрированным в правовую систему, государство должно гарантировать сохранение основных правовых ценностей. К наиболее важным из этих правовых ценностей относятся: равенство перед законом; публичное, беспристрастное и независимое рассмотрение споров; процессуальная справедливость и надлежащая правовая процедура; справедливость при разработке и применении закона; публичное обнародование законов; гласность юридического процесса; равный доступ к правосудию для всех.

Однако, бесспорно, что распространение искусственного интеллекта может оказать колоссальное влияние на правовые ценности и их восприятие и реализацию, как в негативном ключе, так и в позитивном. Использование искусственного интеллекта особенно в юриспруденции (правотворчестве, правоприменительной практике) может нивелировать ценностную, морально-нравственную основу права, подчеркнуть значимость правовых ценностей или полностью изменить баланс их соотношения, как друг с другом, так и с правовой системой в целом.

В целом, разработки в области искусственного интеллекта в настоящий момент значительно продвинулись и уже становятся обычными для повседневной жизни. Люди пользуются голосовыми помощниками, а нейросети используются крупными компаниями для оптимизации процессов (например, холдинг BMW применяет искусственный интеллект с целью выявления отклонений в изготовлении компонентов от стандарта в режиме ре-

ального времени путем анализа данных изображений технологического процесса).

Однако, на законодательном уровне проблема практического использования искусственного интеллекта не разрешена должным образом. Как правило, компании широко использующие искусственный интеллект, имеют свои локальные акты и стандарты, определяющие цели и пределы его использования. При этом они сами определяют ценностные ориентиры, на которых основывается подобная стандартизация.

В правовом обиходе искусственный интеллект пока не приобрел столь широко распространения, как в бизнесе и повседневной жизни. Дебаты на тему его использования в правовых процессах не утихают уже долгие годы и сохраняют свою актуальность.

Например, использование технологии искусственного интеллекта в судебной системе может способствовать нарушению принципа равенства сторон.

Использование искусственного интеллекта может изменить не только судебные процессы, но и политические, социальные, подвергнув риску легитимность правовых систем в целом.

В политической сфере искусственный интеллект может использоваться, например, для политического моделирования и прогнозирования, когда необходимо обработать огромные объемы больших данных.

В этой связи при рассмотрении вопроса о ценностных основах правового регулирования применения искусственного интеллекта необходимо не забывать, что аналогично с интернетом, искусственный интеллект – это прежде всего то средство, при разработке и применении которого, необходимо обеспечивать соблюдение конфиденциальности данных и безопасности данных и пользователей, открытости и доступа.

При этом, рассматривая применение искусственного интеллекта, стоит дополнительно отметить роль непредвзятости, которая должна быть безусловной основой его работы. Недопустимо при правовом регулировании допускать любое уменьшение значения существующей иерархии правовых ценностей любой отрасли, в которой применяется искусственный интеллект, равно как и их полного разрушения или игнорирования.

Главной проблемой в вопросах применения искусственного интеллекта в любой сфере является ответственность. Говоря о результатах деятельности искусственного интеллекта в любом процессе важно понимать, что это результат деятельности системы алгоритмов, полученный в результате обработки вводных данных. Так, невозможно привлечь к ответственности искусственный интеллект за негативные последствия, явившееся результатом его деятельности. Кроме того, необходимо обеспечить недопустимость стороннего вмешательства и иного воздействия на указанную систему алгоритмов, во избежание злоупотреблений различного свойства.

Это особенно важно в контексте именно применения искусственного интеллекта в правотворчестве и правоприменительной практике. Искусственный интеллект «самообучаем», обрабатывая больше данных, он получает больше моделей для анализа и повышает вариативность исхода. Однако, очевидно, что любая система, особенно настолько новая для человечества, не идеальна. Так, законы, смоделированные и созданные с применением искусственного интеллекта, могут привести к увеличению негативных последствий в той или иной сфере, нарушить баланс интересов граждан и государства. Неидеальность системы и ее способность проявлять предвзятость может привести к принятию неверных судебных, административных решений, что может проявиться, например, большими финансовыми потерями (например, при неверном планировании реализации государственной (местной) программы).

Обжалование судебного решения, принятого искусственным интеллектом в вышестоящий судебный орган, рассматривающий дела такого рода также с помощью искусственного интеллекта, вероятнее всего, не принесет никаких плодов. А рассмотрение жалобы коллегией судей не повысит эффективность судебных процессов и не освободит сторон от опасений предвзятости и нарушения баланса интересов.

Представляется, что ценности должны быть интегрированы в систему искусственного интеллекта, тем самым представлять собой основу, как деятельности искусственного интеллекта, так и применяемого им права.

Итак, правовые технологические системы, применяющие искусственный интеллект должны интегрировать в себя правовые ценности. Однако, такая интеграция неизбежно сталкивает нас с проблемами, связанными с принципами работы искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект использует машинное обучение – совокупность методов и алгоритмов, способных обнаруживать закономерности в данных. Именно шаблоны выводов, полученные на основе анализа таких данных, используются затем при принятии решения и моделирования прогноза. Как уже отмечалось, благодаря машинному обучению, искусственный интеллект улучшает свои параметры (производительность) соответственно объему обработанной информации. Большие данные анализируются искусственным интеллектом на предмет закономерностей (шаблонов) и на основе этих шаблонов формируется результат. Так, если система будет анализировать только те данные, где существуют явные закономерности противоречивости и предвзятости, это воспримется как «рабочий шаблон» и решения искусственного интеллекта, аналогично, будут предвзятыми.

Обеспечить абсолютно идеальную совокупность больших данных для анализа в процессе машинного обучения невозможно. Таким образом, функциональность системы искусственного ин-

теллекта ограничена пределами предоставленных данных и шаблонов.

Соответственно, для объективной и безусловной интеграции ценностей в правовые технологии, применяющие искусственный интеллект, следует предварительно позаботиться о «чистоте» данных, служащих источником машинного обучения такой системы.

Значительное беспокойство вызывает и сложность обнаружения шаблонов, демонстрирующих предвзятость в решениях искусственного интеллекта, в том числе, поскольку у системы априори отсутствует заинтересованность в любом исходе. Кроме того, сама запись процесса принятия решения зачастую сложно интерпретируема, что снижает эффект ценностей открытости и надлежащего процесса, поскольку код, создаваемый системой самостоятельно, может быть очень сложным для восприятия человеком. Случаются и ситуации, когда создатели искусственного интеллекта не могут расшифровать код системы, которую сами создали.

Другой подход к обучению системы это предоставление анализа данных законодательного пласта, не включая в процесс обучения правоприменительные шаблоны. В таком случае искусственным интеллектом используется компьютерная логика (законы интегрируются в систему в качестве сопоставимых правил, применяемых искусственным интеллектом при принятии решения). Вариативность таких решений минимальна, равна максимум «верно», «неверно».

Такая система не может иметь встроенных ценностей, поскольку максимально формализована до пределов компьютерной логики.

Итак, технологические системы, использующие искусственный интеллект, несомненно будут широко использоваться при применении закона. Такие системы должны содержать ценности, четко встроенные в них. Правовые технологические системы, использующие искусственный интеллект требуют особой осторожности и осведомленности в развитии, поскольку использование искусственного интеллекта может увеличить количество проблем, связанных с реализацией и восприятием ценностей, которые могут влиять на результат принятия решений и оставаться незаметными для человека.

Не менее важным представляется вопрос восприятия ценностей при применении интернет-технологий в повседневной жизни, бизнесе и праве.

Такой тип интеграции технологий во все сферы деятельности в настоящее время наиболее распространен и популярен. Однако, и его развитие не стоит на месте и системы интернет-технологий стремительно развиваются. В правовой сфере такие технологии также достаточно широко распространены, так, реализована подача документов в суды и получение документов от судов (в том числе судебных актов, исполнительных листов и др.) в электронном формате с применением

интернет-технологий, таких как АИС «Судопроизводство», «Мой Арбитр», ГАС «Правосудие». Кроме того, существуют интернет-порталы, обеспечивающие доступ к информации и коммуникацию с органами государственной и муниципальной власти. Примерами таких порталов могут служить Госуслуги, веб-сайты государственных органов, на котором реализован доступ к сервисам, позволяющим получать информацию в режиме реального времени. Например, о ДТП с участием конкретного транспортного средства, портал Росреестр, на котором реализована как возможность получить государственную услугу, так и получить открытые сведения в режиме реального времени, портал ФНС России.

Стоит отметить, что в период пандемии получили свое развитие технологии видео-конференц-связи, и стало возможно участвовать в судебных заседаниях онлайн (без необходимости явки в суд, обеспечивающий видео-конференц-связь, организуя связь с судом со своего личного устройства).

Применение любых интернет-технологий, в том числе, и в особенности вышеперечисленных должно реализовываться в соответствии с правовыми ценностями, принятыми в правовой системе.

Аналогично, важным является обеспечение конфиденциальности и безопасности данных, защита их от внешних атак, а также их достоверность. В случае, если данные ценности игнорируются пользователями или администраторами систем неизбежны негативные последствия.

Однако, открытость данных также является ключевой ценностью при рассмотрении систем интернет-технологий. Так, именно принцип открытости способствует появлению сервисов, позволяющих в реальном времени проверять сведения, доступ к которым не ограничен для широкого круга лиц.

При этом, следует отметить, что наличие таких сервисов, предполагает наличие банков данных, доступ к которым может быть получен нелегально, что возвращает нас к такой ценности, как безопасность, конфиденциальность.

Интернет-технологии, в частности, открывают новые возможности для получения и увеличения преимуществ коммуникации, включая инновации, сотрудничество и демократическую политику. Однако это также открывает новые возможности для негативного воздействия на указанные явления этих преимуществ, например, за счет усиления цензуры, наблюдения и новых систем контроля. В названных условиях явствует острая необходимость соблюдения баланса интересов заинтересованных лиц.

Задача правового регулирования состоит в том, чтобы обеспечить дальнейшее развитие интернет-технологий таким образом, чтобы максимально способствовать позитивным социальным изменениям и свести к минимуму использование интернет-технологий в негативных целях.

Например, при рассмотрении вопроса цензуры в Интернете, исходя из принятых ценностей, воз-

можно, сделать вывод о ее необходимости для обеспечения морально-нравственных основ либо о ее хронической отсталости и ненужности.

Право посредством ценностей формирует руководящие начала, принципы, в целях должного регулирования, отвечающим конституционным догмам. Инклюзивный и широкий диалог необходим для жизнеспособности системы прав человека и ее применения в современных реалиях онлайн-жизни.

Отвлекаясь от правовых интернет технологий, важно упомянуть и бизнес-технологии, например, используемые в телемаркетинге, телемедицине, онлайн торговле и т.д., а также в социальных сетях.

Актуален вопрос обеспечения конфиденциальности, безопасности, а также неприкосновенности частной жизни и ценности свободы выражения мнения. Так, как уже говорилось ранее, распространена проблема утечки данных банковских карт, персональных данных, передаваемых при получении услуг или коммуникации в интернете. Для обеспечения реализации указанных ценностей ответственность также должна восприниматься как центральная ценность, равно как и открытость данных.

Итак, при анализе ценностей, наиболее важных и актуальных, в контексте правового регулирования любого типа цифровых технологий, возможно установить, что конфиденциальность и безопасность данных любой системы должны рассматриваться как основа такого регулирования и стандартизации.

Конфиденциальность данных – это деятельность, направленная на защиту данных от непреднамеренного, незаконного или несанкционированного доступа, раскрытия или кражи информации (каких-либо сведений). Как ценность конфиденциальность означает приоритет защиты данных от несанкционированного доступа к ней и т.д., направленный на защиту и соблюдение прав человека на частную жизнь, тайну переписки и его прав на самостоятельное распоряжение информацией, составляющей его персональные данные.

Конфиденциальность связана с тайной информации, включая разрешения на ее просмотр, совместное использование и распространение.

Представляется, что для обеспечения реализации конфиденциальности законодатель, разрабатывая нормы и стандарты разработки и использования цифровых технологий любого типа, должен предусматривать: ограничение круга лиц, которому могут быть раскрыты данные, определять условия разглашения конфиденциальных данных, ценность данных, и, прежде всего, существо конфиденциальных данных, их определение, условия отнесения данных к конфиденциальным.

Также как неоднократно упоминалось, центральной ценностью является и безопасность данных.

Безопасность данных обеспечивается процессами, предотвращающими незаконный доступ

к ним, их несанкционированное изменение, удаление, распространение, использование.

Для обеспечения реализации безопасности данных, представляется, регулирование должно определить приоритет шифрования данных, установить сценарии управления доступом к данным, установить минимальные требования для физической защиты данных, определить порядок и стандарты утилизации данных, сроки их обязательного хранения, управления устройствами данных, их сбора и пр.

Конфиденциальность и безопасность размещения данных на цифровых и электронных платформах не должна носить девиантного посыла для участников информационных отношений. Использование закрытых платформ преступными элементами может породить гораздо большее зло, нежели нарушение права на частную жизнь и защиту персональных данных. С учетом сказанного, явствует острая необходимость создания адекватного правового механизма раскрытия электронной информации, обеспечивающего сохранения баланса частного и публичного интересов и соответствующего сформированной в обществе системы ценностей.

Таким образом, информационные технологии это, безусловно, благо без которого уже не сможет существовать современное общество, поскольку посредством новых технологий обеспечивается должный уровень жизни человека. Однако, не следует забывать, что существует вполне реальный риск перерождения названного блага во вред при игнорировании морально-нравственного, ценностного содержания правоотношений. Многочисленные проявления злоупотреблений в информационной сфере это ярко демонстрируют.

Литература

1. Андреев В.К. Динамика правового регулирования применения искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 58–68;
2. Бегишев И.Р. Искусственный интеллект и робот как правовые категории // Безопасность бизнеса. 2020. № 6. С. 32–36;
3. Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.
4. Певцова Е.А. Влияние искусственного интеллекта на правовую деятельность человека // Журнал российского права. 2020. N 9. С. 19–31.
5. Рыбаков О.Ю. Правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности: основные проблемы исследования // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2004. № 9. С. 136–144.
6. Рыбаков О.Ю. Философия права: учебник для магистров. М.: Проспект. 2021. 240 с.
7. Garg A., Mittal N., Diksha. A security and confidentiality survey in wireless internet of things

- (IoT). Intelligent systems reference library, Vol. 180, 2020, 65–88.
8. Hassija V., Chamola V., Saxena V., Jain D., Goyal P. and Sikdar B., “A Survey on IoT Security: Application Areas, Security Threats, and Solution Architectures,” in IEEE Access, 2019, vol. 7, pp. 82721–82743.
 9. Koniagina M., Belotserkovich D., Vorona-Slivinskaya L., Pronkin N. Development Trends of an Internet of Things in Context to Information Security Policy of a Person, Business and The State. Talent Development & Excellence, Vol.12, N. 2s, 2020, 1181–1193.
 10. Lipinsky D.A., Musatkina A.A., Romashov R.A., Golenok S.G., Bryleva E.A. The problems of legal regulation of ai: a rather-legal research. Advances in Intelligent Systems and Computing. 2020. Vol. 1100 AISC. P. 411–416.
 11. Morozov S., Ranschaert E. Why Europeans must care more about AI, machine learning (2017) <https://www.auntminnieeurope.com/index.aspx?sec=def&pno=24>.
 12. Roukounaki A., Efremidis S., Soldatos J., Neises J., Walloschke T. and Kefalakis N., “Scalable and Configurable End-to-End Collection and Analysis of IoT Security Data: Towards End-to-End Security in IoT Systems,” 2019 Global IoT Summit (GloTS), Aarhus, Denmark, 2019, pp. 1–6.

LEGAL VALUES AND DIGITAL TECHNOLOGIES: THE PROBLEM OF PARITY

Lang P.P.

Samara State University of Economics

This article is devoted to the problem of the correlation of modern digital technologies and the system of legal values. The article emphasizes the important, fundamental role of digitalization in public life, the influence of legal values on the formation of regulatory regulation of information and technological relations. The potential of information technologies in various spheres of society is revealed, starting from household and household issues and ending with the business sphere and the sphere of public services. The problem of ensuring the security and confidentiality of electronic information on the part of state bodies is raised. There is a need to develop

advanced processes and systems for managing big data. The role of trust in the information process as an axiological construction is defined. The emphasis is placed on the need to maintain a balance between private and public principles in the relations under consideration.

Keywords: axiology, legal values, information technology, legal regulation, security, trust.

References

1. Andreev V.K. Dynamics of legal regulation of the use of artificial intelligence // Journal of Russian Law. 2020. No. 3. P. 58–68;
2. Begishev I.R. Artificial intelligence and robot as legal categories // Business security. 2020. No. 6. P. 32–36;
3. Laptev V.A. The concept of artificial intelligence and legal responsibility for its work // Right. Journal of the Higher School of Economics. 2019. No. 2. pp. 79–102.
4. Pevtsova E.A. The influence of artificial intelligence on the legal activity of a person // Journal of Russian Law. 2020. N 9. P. 19–31.
5. Rybakov O. Yu. Legal policy in the sphere of protection of personal rights and freedoms: main problems of the study // Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University. 2004. No. 9. pp. 136–144.
6. Rybakov O. Yu. Philosophy of law: textbook for masters. Moscow: Prospect. 2021. 240 p.
7. Garg A., Mittal N., Diksha. Research on security and privacy in the Wireless Internet of Things (IoT). Reference Library of Intelligent Systems, Volume 180, 2020, 65–88.
8. Hassija V., Chamola B., Saxena, V., Jain, D., Goyal, p. and B. Sikdar, “a Study on security of Internet of things: applications, security threats, and architectural decisions,” in IEEE access, 2019, vol. 7, p. 82721–82743.
9. Konyagin, M., Belotserkovets D., Vorona-Slivinskaya L., N. Pronkin. Trends in the development of the Internet of things in the context of information security Policies of a person, Business and government. Employee Development And Best Practices, Vol. 12, N. 2C 2020,, 1181–1193.
10. Lipinsky D. A., Musatkina A.A., Romashov R.A., Golenok S.G., Bryleva E.A. Problems of legal regulation of AI: comparative legal research. Achievements in the field of Intelligent systems and computing. 2020. Vol. 1100 AISC. P. 411–416.
11. Morozov S., Ranshaert E. Why Europeans should care more about AI, machine learning (2017) <https://www.auntminnieeurope.com/index.aspx?sec=def&pno=24>.
12. Roukounaki A., Efremidis S., Soldatok Ya., Neises Ya., Walloschke T. Kefalakis N., “Scalable and configurable end-to-end IoT data security collection and analysis: Towards end-to-end security in IoT systems,” Internet of Things 2019 Global Summit(GIOC), Aarhus, Denmark, 2019, pp. 1–6.

Эксперимент по ускоренному возмещению НДС в условиях цифровизации налогового администрирования

Матвеева Елена Юрьевна,

к.ю.н; доцент юридического факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: eumatveeva@fa.ru

В условиях информатизации и цифровизации общества неизбежно совершенствуются все формы государственного контроля в целом и налогового контроля в частности. Благодаря возможностям цифровизации налогового администрирования в условиях использования технологий «Big data» налоговые органы, с одной стороны получают возможность эффективного контроля за деятельностью недобросовестных налогоплательщиков, в другой стороны тот же эффективный контроль позволяет упростить систему взаимодействия между налоговыми органами и плательщиками налогов, создавать систему преференций для налогоплательщиков, обладающих статусом «низкого налогового риска». Статья посвящена анализу объявленного в октябре 2020 года эксперименту по ускоренному возмещению НДС. Автор приходит к выводу, что именно цифровизация налогового контроля позволяет государству с достаточной степенью уверенности квалифицировать добросовестных налогоплательщиков и создавать для них систему мотивации (в частности в виде ускоренного возмещения НДС).

Ключевые слова: цифровизация налогового администрирования, возмещение НДС, риск налогоплательщика, эффективность налогового контроля.

В условиях парадигмы цифрового развития общества неизбежным является трансформирование деятельности государственных институтов в целом и деятельности ФНС России в частности.

Федеральная налоговая служба (ФНС России) в рамках осуществления своих функций выполняет целый ряд задач [8], алгоритмы решения которых будут неизбежно совершенствоваться с учетом развития глобализации и цифровизации.

В «Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» цифровизация налогового администрирования и интеграция всех источников информации в единое информационное пространство [9] отнесены к системным мерам, обеспечивающим достижение национальных целей развития.

Год назад, в октябре 2019 года М. Мишустин на заседании Всероссийского налогового форума обозначил основные итоги и направления дальнейшего развития цифровизации в деятельности налоговых органов страны [5]. Среди них: отказ от традиционных форм проверок, создание с помощью современных технологий условий, делающих уклонение от уплаты налогов невозможным и невыгодным.

Цифровизация налогового администрирования является важнейшим фактором достижения национальных целей развития в силу целого ряда причин. Прежде всего, перевод информации о налогоплательщиках «в цифру» позволяет обобщать огромные массивы сведений о деятельности налогоплательщиков и выявлять факты незаконной налоговой оптимизации, уклонения от уплаты налогов, что, безусловно, позволяет эффективно противодействовать недобросовестной налоговой конкуренции с бизнесом. Незаконная налоговая оптимизация, уклонение от уплаты налогов и сборов дает возможность перетока не уплаченных в бюджет налогов в финансовый оборот компании-неплательщика, что позволяет таким компаниям иметь дополнительные средства для частных инвестиций, для конкуренции на рынке труда посредством предложения более высокой платы своим работникам, предоставляет компании-неплательщику экономическую возможность снижения стоимости своих товаров (работ, услуг), что, разумеется, ставит в заведомо худшие условия те организации, которые добросовестно несут налоговое бремя.

В качестве примера успешной борьбы с недобросовестной налоговой конкуренцией посредством цифровизации налогового администриро-

вания можно привести внедрение системы управления рисками ПП «Контроль НДС» (ранее ПК АСК НДС в модификациях 1, 2, 3). Данный программный комплекс в автоматизированном режиме проверяет уплату налогоплательщиками НДС, производит сопоставление данных счетов-фактур, отраженных в декларациях контрагентов, на предмет выявления ошибок и расхождений. В октябре 2020 года ФНС России заявила, что благодаря автоматизированной системе контроля АСК НДС в России был достигнут самый низкий в мире показатель налогового разрыва по НДС – 0,43% [4].

Справочно: под налоговым разрывом понимается выявленное несоответствие действий контрагентов по уплате НДС, когда заявление вычета одним контрагентом не корреспондирует с уплатой в бюджет НДС со стороны второго контрагента.

Кроме того, синхронизация ПП «Контроль НДС» и базы ФТС позволяет выявлять и пресекать факты занижения таможенной стоимости товаров, что также позволяет бороться с недобросовестной конкуренцией на рынке, в определенном смысле является мерой, способствующей эффективной реализации режима поддержки национального производителя.

Таким образом, цифровизация налогового контроля позволяет ФНС России:

- эффективно выполнять фискальную функцию
- препятствовать недобросовестной налоговой конкуренции.

Одновременно с этим, высокотехнологичные решения должны приводить к упрощению и облегчению взаимодействия между налоговыми органами и организациями, являющимися налогоплательщиками, плательщиками сборов [10].

Примером тому является пилотный проект, реализуемый ФНС России по адаптации ускоренного порядка проведения камеральных проверок налоговых деклараций по НДС [11]. Эксперимент только начинается, и будет применяться к проверке налоговых деклараций, предоставленных налогоплательщиками после 01 октября 2020 года. Таким образом, первым налоговым периодом относительно которого будет возможно проведение в ускоренном порядке камеральной проверки заявленного к возмещению НДС станет третий квартал 2020 года.

По общему правилу срок проведения камеральной проверки составляет три месяца (п. 2 ст. 88 НК РФ). Для камеральной проверки налоговых деклараций по НДС в 2018 году Федеральным законом от 03.08.2018 № 302-ФЗ срок проведения был сокращен с 3-х до 2-х месяцев. Таким образом, введение ускоренного порядка проведения камеральных проверок в рамках месячного срока является второй итерацией по сокращению сроков и безусловно данный шаг будет оценены предпринимательским сообществом положительно, так как ускорение сроков камеральной проверки означает и ускоренное возмещение НДС из бюджета, что «позволит бизнесу эффективнее распоряжаться оборотными капиталами и улучшит деловой

климат» [4]. Именно с этим посылом и вводится эксперимент. ФНС указывает в качестве целей его проведения: повышение деловой активности и предоставление комфортных условий налогового администрирования добросовестным налогоплательщикам.

Безусловно, ускорение процедур налогового контроля и администрирования, исключение ошибок при анализе больших данных и больших массивов информации было бы не возможно в условиях отсутствия цифровизации и использования современных технологий Big data.

Ю.А. Чурилов отмечает, что «Big data», или большие данные, еще не получили единого доктринального или легального определения» [2, с.66]. Под большими данными как правило понимают совокупность информации, которую не может обработать традиционная база данных [3].

При проведении эксперимента по ускоренному возмещению НДС, использование современных методов обработки информации позволит налоговому органу в течение десяти дней с момента предоставления налоговой декларации по НДС проверить данные и осуществить необходимую оценку на соответствие целому ряду условий.

Во-первых, налоговый орган оценит уровень добросовестности налогоплательщика. Для возможности участия в эксперименте налогоплательщик согласно ПП «Контроль НДС» должен быть отнесен к категории низкого или среднего риска (для индивидуальных предпринимателей к неопределенному уровню риска). В настоящее время программное обеспечение, используемое ФНС России (система управления рисками «СУР АСК НДС-2») на базе анализа налоговых деклараций распределяет налогоплательщиков на три группы налогового риска: высокий, средний, низкий. Характеристики группам риска даны ФНС России в Письме от 03.06.2016 № ЕД-4-15/9933@ «Об оценке признаков риска СУР».

Налогоплательщики, ведущие реальную хозяйственную деятельность, добросовестно и своевременно исполняющие налоговые обязательства, по декларациям которых не выявляются «разрывы» в уплате НДС относятся в группу низкого налогового риска.

К среднему налоговому риску относятся налогоплательщики, которые не включены в группу низкого налогового риска, но, одновременно с этим налоговые органы не выявили и обстоятельств, в соответствии с которыми данную организацию следует отнести к группе высокого налогового риска.

К категории высокого налогового риска относятся налогоплательщики, не исполняющие налоговые обязательства, не обладающие активами и ресурсами, необходимыми для ведения заявленной хозяйственной деятельности. Признаки организаций, используемых для получения необоснованной налоговой выгоды (как самой организацией, так и третьими лицами) в правоприменительной практике сформировались на базе положений

Постановления Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» [1]. К признакам и обстоятельствам, позволяющим отнести организации к группе высокого налогового риска относятся в частности невозможность реального ведения налогоплательщиком заявленной деятельности с учетом временных характеристик, местонахождения, отсутствия необходимых трудовых и материальных ресурсов, специфики технологических процессов, построения кооперационных цепочек и т.д.

Таким образом, применение данного критерия ставит целью исключение из процедур ускоренного возмещения НДС налогоплательщиков, находящихся в зоне риска, в отношении которых применение упрощенных систем контроля может быть сопряжено с вероятностью потерь бюджета в виде необоснованно заявленного к возмещению налога на добавленную стоимость.

Во-вторых, налоговый орган оценит объем налоговых платежей в бюджетную систему РФ за 36 календарных месяца, предшествующих налоговому периоду, по которому заявлено возмещение НДС, который у налогоплательщика должен превышать сумму НДС, заявленную к вычету в отчетном периоде. Иными словами, подавая за 4 квартал 2020 г. сумму НДС к возмещению в размере, например 10 млн руб., налогоплательщику необходимо иметь объем уплаченных налогов в период с октября 2017 г. по сентябрь 2020 г. в размере более 10 млн руб. Уплата каких налогов будет засчитана для выполнения данного критерия? Это:

- акцизы
- НДС
- налог на прибыль организаций
- НДСПИ.

Если в уплату вышеназванных налогов направлялась переплата иных налогов в порядке зачета или возврата, то такие платежи будут засчитаны для расчета рассматриваемого показателя.

Можно сказать, что данным критерием проводится «балансировка» между вкладом в налоговую систему и возмещением из налоговой системы, на которое претендует налогоплательщик.

Третий критерий устанавливает, условия которому должны соответствовать ранее заявленные налогоплательщиком вычеты:

- из общей суммы вычетов в проверяемой декларации должно приходиться на контрагентов, указанных в налоговой декларации за предыдущий налоговый период – таким образом ограничивается объем вычетов на новых, не проведенных ранее ФНС контрагентов
- более 80% вычетов заявленных налогоплательщиков в проверяемой декларации должны быть заявлены по контрагентам низкого, среднего либо неопределенного (для ИП) уровней риска – таким образом ограничивается объем вычетов на контрагентов, имеющих более низкий рейтинг, чем рейтинг проверяемого налогоплательщика.

Как уже указывалось, к организациям среднего или низкого уровня риска относятся компании относительно которых анализ представляемых на протяжении ряда отчетных периодов данных позволяет сделать выводы об из добросовестности и реальности осуществляемой деятельности. Такие организации не имеют «разрывов», своевременно предоставляют в налоговые органы документы и пояснения по запросам.

Очевидно, что вышеназванные первый, второй и третий критерии реализуемы только в условиях цифровизации контрольной деятельности ФНС. В условиях отсутствия автоматизации обработки информации и сохранения данных за ряд последовательных периодов градирование всех налогоплательщиков и их контрагентов по уровням налогового риска и постоянное обновление информации в целях актуализации присвоенных уровней риска были бы не возможны.

Четвертый критерий, на соответствие которому проверяется налогоплательщик в 10-дневный срок после предъявления декларации предусматривает, что если налогоплательщик заявлял возмещение НДС в предыдущем периоде, подтвержденная сумма НДС к возмещению должна составлять более 70% от заявленной суммы. Таким образом, «отсекаются» налогоплательщики, по которым у ФНС ранее возникали претензии в связи со необоснованно заявляемым возмещением НДС. Т.е. в определенном смысле данный критерий устанавливает еще один фильтр для допуска к участию в эксперименте исключительно благонадежных и добросовестных налогоплательщиков.

Последний, пятый критерий, подлежащий подтверждению в десятидневный срок от даты подачи проверяемой декларации предусматривает, требование о том, чтобы по декларации, налогоплательщика, участвующего в эксперименте по ускоренному возмещению не было подано заявление в порядке статьи 176.1. НК РФ «Заявительный порядок возмещения налога».

Заявительный порядок возмещения НДС позволяет зачесть или вернуть из бюджета налог до завершения камеральной проверки, т.е. в определенном смысле «авансом». Налогоплательщик, претендующий на возмещение НДС в заявительном порядке должен отвечать определенным требованиям (пп. 1 п. 2 ст. 176.1 НК РФ):

- организация должна быть зарегистрирована не менее чем за три года до момента подачи заявления
- за три года до года подачи заявления размер уплаченных в бюджет федеральных налогов (за вычетом налогов, уплаченных при таможенном перемещении товаров и налогов, оплата которых осуществлена в рамках исполнения обязанностей налогового агента) должен составить не менее 2 млрд руб.

Интересы бюджета на случай необоснованного возмещения НДС защищаются при заявительном порядке предоставлением банковской гарантии либо поручительством.

Анализируя данную норму можно сделать вывод, что в данном случае требование об отсутствии возмещения НДС в заявительном порядке преследует цель исключить возможность «наложения» друг на друга двух особых процедур: ускоренного порядка возмещения и заявительного порядка возмещения НДС.

Если налогоплательщик соответствует всем пяти критериям, которые налоговый орган проверяет и подтверждает в течение 10-дневного срока после получения декларации на вычет, то в месячный срок с даты получения декларации, ФНС при проведении камеральной проверки должно сделать вывод по второй группе условий, причем все эти условия должны исполняться в совокупности.

Во-первых. Налоговая декларация не должна содержать технических и сутевых ошибок, представленные налогоплательщиком сведения не должны быть противоречивыми, информация налогоплательщика должна корреспондировать с информацией, имеющейся у налогового органа.

Во-вторых. Налоговая декларация должна пройти проверку по «дереву связей». Результаты данной проверки должны подтвердить, что сведения, заявленные налогоплательщиком соответствуют сведениям, заявленным контрагентами налогоплательщика. В случае же выявленных расхождений, налоговый орган сделал вывод о том, что такие расхождения не свидетельствуют о занижении суммы НДС, подлежащей уплате в бюджет или о завышении суммы НДС, заявленной к возмещению из бюджета.

В-третьих. В ходе камеральной проверки налоговым органом не должны быть выявлены признаки в деятельности налогоплательщика, позволяющие предположить нарушение налогового законодательства, следствием которых могло бы стать занижение налоговой базы или завышение вычета, заявленного по декларации.

Таким образом, если первая часть проверки, осуществляемая в 10-дневный срок с момента подачи декларации направлена в основном на оценку самого налогоплательщика, то вторая часть проверки, проводимая в течении месячного срока ставит целью анализ самой декларации и подтверждение обоснованности суммы НДС, заявленной налогоплательщиком к вычету.

Налоговые декларации, по которым возмещение НДС было осуществлено в ускоренном порядке будут тем не менее объектом пристального последующего контроля со стороны налоговых органов. В случае установления впоследствии обстоятельств, свидетельствующих о возможном нарушении законодательства о налогах и сборах и указывающих на необоснованность заявленной к возмещению из бюджета суммы НДС налоговый орган будет незамедлительно предпринимать меры по включению налогоплательщика в план проведения выездных налоговых проверок.

Заключение. Еще в 2017 году на Форуме по налоговому администрированию ОЭСР было отмечено, что по результатам исследования циф-

ровой зрелости налоговых администраций мира ФНС России входит в группу глобальных лидеров по масштабам использования информационных технологий [6].

В настоящее время ФНС России использует более 20 информационных комплексов, с помощью которых проверяется деятельность налогоплательщиков. Среди них АИС «Налог-3», ПИК «Однодневки», ПИК «Счета-фактуры», «ВНП-Отбор», ПИК «Доход», ПИК «Таможня», ПИК «Схемы», ПП «Контроль НДС» (ранее АСК «НДС-2») и другие, позволяющие фискальным органам выявлять схемы незаконного ухода от налогов [7].

Именно цифровизация налогового администрирования позволяет в условиях сплошного и системного налогового контроля с достаточной точностью градировать налогоплательщиков не только с целью выявления потенциальных и реальных нарушителей, но и достигать обратного эффекта – с достаточной уверенностью присваивать налогоплательщику признак добросовестности.

Эффективная система оценки налогоплательщиков позволяет государству в отношении тех предпринимателей, которые квалифицируются с помощью систем налогового контроля как предприятия низкого уровня налогового риска реализовывать меры поддержки, оказывать им своего рода протекцию. Примером может служить такая новация как эксперимент по ускоренному порядку возмещения НДС, проводимый с октября 2020 года.

Литература

1. Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды»
2. Чурилов А.Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности и новых технологий: вызовы XXI века: монография. М.: Юстицинформ, 2020. 224 с.
3. Tucker, Darren S. and Wellford, Hill. Big Mistakes Regarding Big Data // Antitrust Source, American Bar Association. 2014. P. 1–12.
4. Информация ФНС России «Стартовал пилотный проект по сокращению камеральных проверок по НДС до одного месяца» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/10065647/ (дата обращения 20.10.2020 г.)
5. Михаил Мишустин рассказал о цифровизации работы Налоговой службы на Всероссийском налоговом форуме [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/9195163/. – (дата обращения: 10.10.2020).
6. ФНС оценила цифровую зрелость налоговых администраций мира. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/business/559809/>. – (дата обращения: 22.10.2020).

7. АСК НДС и другие комплексы налоговой для контроля за уплатой НДС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.klerk.ru/buh/articles/503054/>. – (дата обращения: 23.10.2020).
8. Постановление Правительства РФ от 30.09.2004 № 506 (ред. от 01.08.2020) «Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе»
9. «Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» (утв. Минфином России)
10. Распоряжение Правительства РФ от 21 февраля 2020 г. № 381-р «Об утверждении концепции развития и функционирования в РФ системы налогового мониторинга»
11. <Письмо> ФНС России от 06.10.2020 № ЕД-20–15/129 «О проведении камеральных проверок налоговых деклараций по НДС»

EXPERIMENT ON ACCELERATED VAT REFUND IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF TAX ADMINISTRATION

Matveeva E. Yu.

Financial University under the Government of the Russian Federation

In the context of informatization and digitalization of society, all forms of state control in general and tax control in particular are inevitably improved. Owing to the possibilities of digitalization of tax administration in the context of the use of Big data technologies, tax authorities, on the one hand, have the opportunity to effectively control the activities of unscrupulous taxpayers, on the other hand, the same effective control makes it possible to simplify the system of interaction between tax authorities and taxpayers, create a system of preferences for taxpayers with “low tax risk” status. The article is devoted to the analysis of the experiment on accelerated VAT refunds announced in October 2020. The author comes to the conclusion that it is precisely the digitalization of tax control that allows the state with a sufficient degree of confidence to qualify bona fide taxpayers

and create a motivation system for them (in particular, in the form of accelerated VAT refunds).

Keywords: digitalization of tax administration, VAT refund, taxpayer risk, efficiency of tax control.

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 12.10.2006 № 53 «On the assessment by arbitration courts of the justification for the receipt of tax benefits by a taxpayer»
2. Churilov A. Yu. Legal regulation of intellectual property and new technologies: challenges of the XXI century: monograph. M.: Justicinform, 2020. 224 p.
3. Tucker, Darren S. and Wellford, Hill. Big Mistakes Regarding Big Data // Antitrust Source, American Bar Association. 2014. P. 1–12.
4. Information of the Federal Tax Service of Russia «A pilot project has been launched to reduce office inspections for VAT to one month» [Electronic resource]. – Access mode: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/10065647/ (date of access 20.10.2020)
5. Mikhail Mishustin spoke about the digitalization of the Tax Service at the All-Russian Tax Forum [Electronic resource]. – Access mode: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/9195163/. – (date of access: 10.10.2020).
6. The Federal Tax Service has assessed the digital maturity of the world’s tax administrations. [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.interfax.ru/business/559809/>. – (date of access: 10/22/2020).
7. ASK VAT and other tax complexes to control the payment of VAT. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.klerk.ru/buh/articles/503054/>. – (date of access: 23.10.2020).
8. Resolution of the Government of the Russian Federation of 30.09.2004 № 506 (revised from 01.08.2020) «On approval of the Regulation on the Federal Tax Service»
9. «The main directions of budgetary, tax and customs-tariff policy for 2020 and for the planning period of 2021 and 2022» (approved by the Ministry of Finance of Russia)
10. Order of the Government of the Russian Federation of February 21, 2020 No. 381-r On approval of the concept of development and functioning of the tax monitoring system in the Russian Federation
11. <Letter> of the Federal Tax Service of Russia dated 06.10.2020 № ED-20–15 / 129 «On conducting desk audits of VAT tax returns»

Приостановление деятельности как вид административного наказания и гражданского обеспечения иска

Свешникова Марина Валентиновна,

ассистент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин
Дзержинского филиала ННГУ им. Лобачевского

Свешников Глеб Андреевич,

к.ю.н., доцент кафедры гражданского процессуального
права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия», Приволжский филиал
E-mail: Gleb008sveshnicov@mail.ru

В статье обсуждается вопрос о сравнении административного приостановления деятельности и гражданского обеспечения иска. Проанализирован такой вид административного наказания, как приостановление деятельности. Приведены примеры и сделан вывод о его эффективности. Установлены сходства с обеспечительной мерой в виде приостановления деятельности. Подчеркнута разная правовая природа и сделан вывод о большей эффективности наказания. В процессе исследования также констатирован факт наличия в практике исков о приостановлении деятельности. Сделан вывод, о том, что при всей своей внешней схожести они имеют самостоятельное нормативное регулирование и свои особенности. Высказана позиция о том, что исковое производство является, как и возможность обеспечения иска, диспозитивным правом органа, а административное преследование в целях неотвратимости наказания или профилактики правонарушений, обязанностью юрисдикционного органа и его должностных лиц. В связи с чем сделан вывод о наибольшей эффективности приостановления деятельности в форме административного наказания.

Ключевые слова: Административное наказание, приостановление деятельности, обеспечение иска

В юридической литературе можно найти информацию о том, что наиболее ранние упоминания о принудительных мерах административного характера, приостанавливающих деятельность юридических лиц или ремесленников посредством лишения специального права или о непосредственном приостановлении деятельности, в частности издательств, встречаются в законодательстве XIX в. [9, с. 177–181].

Бадыков Л.Ф. говорил об определенном родстве норм прошлого и современности ввиду того, что указанные меры применялись в царской России как по решению суда, так и согласно волеизъявлению какого-либо ведомственного органа, более того, характер последствий реализации подобных решений, т.е. фактическое приостановление деятельности, позволяет отнести перечисленные санкции к прообразу современного института административного приостановления деятельности.

В дореволюционный период понятия административной ответственности и административного наказания не были достаточно разработаны и сформулированы. При применении к субъектам принудительных мер, влекущих определенные неблагоприятные последствия, в том числе приостановление деятельности в рамках административного воздействия, данные меры рассматривались не как самостоятельное наказание, а как меры побудительного воздействия [2].

В Кодексе РСФСР об административных правонарушениях статья 24 не предусматривала такого вида наказания, как приостановление [3].

Даже принятие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (далее Кодекс) не означало появление указанного института. В первоначальной редакции Кодекс не содержал такого вида административного наказания, как приостановление деятельности.

Вместе с тем, быстро развивающаяся экономика Российской Федерации создавала определенные вызовы нормативному регулированию и, как следствие, появился такой вид наказания, как административное приостановление деятельности. Административное приостановление деятельности нормативно закреплено положениями статьи 3.12 КоАП РФ, введенной Федеральным законом от 09.05.2005 № 45-ФЗ.

В соответствии с указанной статьей, административное приостановление деятельности заключается во временном прекращении деятельности лиц, осуществляющих предпринимательскую

деятельность без образования юридического лица, юридических лиц, их филиалов, представительств, структурных подразделений, производственных участков, а также эксплуатации агрегатов, объектов, зданий или сооружений, осуществления отдельных видов деятельности (работ), оказания услуг.

В указанной статье определены условия применения такого вида наказания, как административное приостановление

На законодательном уровне подчеркнута, в качестве обязательного условия, обоснование необходимости административного приостановления теми фактами, что наказание должно быть предусмотрено статьей, и менее строгий вид административного наказания не сможет обеспечить достижение цели административного наказания.

По общему правилу, административное приостановление деятельности назначается судьей и устанавливается на срок до девяноста суток, который исчисляется с момента фактического приостановления деятельности наказанного лица в установленном объеме.

В литературе отмечают, что одним из наиболее востребованных со стороны практиков выступает институт административной ответственности, охватывающий в настоящее время огромный комплекс общественных отношений в сфере государственного управления и доказавший свою состоятельность и эффективность на протяжении достаточно длительного времени в разных социально-экономических и политических условиях [10, с. 32–35].

И именно административное приостановление деятельности, на наш взгляд, является наиболее эффективным видом наказания применительно к общественным отношениям, требующим незамедлительной реакции и защиты со стороны государства.

Так, по одному из дел судьей Нижегородского районного суда г. Н. Новгород установлено, что по заявлениям жителей дома была проведена внеплановая выездная проверка предприятия общественного питания «Б.» ООО «Б.» по адресу г. Н. Новгород, пл. М. по поводу ухудшения условий проживания жителей дома из-за работы предприятия общественного питания.

В рамках проверки выявлены нарушения санитарно-эпидемиологических требований к эксплуатации жилых помещений и общественных помещений, зданий, сооружений и транспорта, а именно:

- шахты вытяжной системы вентиляции, выведенные непосредственно вдоль окон квартир административно-жилого дома, не выступают над коньком крыши данного дома на высоту не менее 1 м, что является нарушением требований п. 4.6 СП 2.3.6.1079–01, п. 4.9. СанПиН 2.1.2.2645–10;
- в ресторане вытяжная общеобменная вентиляция не эксплуатируется, не завершены монтажные и пусконаладочные работы приточной

вентиляции в нарушение требований п. 4.4 СП 2.3.6.1079–01.

Таким образом, указанные выше факты ухудшают условия проживания, отдыха, лечения, труда людей в административно-жилом доме, создавая непосредственную и реальную угрозу здоровью жителям квартир указанного дома. Постоянный шум от работающего вентиляционного оборудования и кондиционеров мешает полноценному отдыху жителей, ущемляет их право на безопасное и комфортное проживание, воздействует на человека и вызывает не только дискомфорт, но и является опасным фактором для здоровья, способствует возникновению у людей соматических заболеваний, заболеваний нервной системы, создается повышенная нагрузка на нервную систему, раздражительность, нервозность, общее утомление, ухудшается слух, снижаются защитные силы организма (иммунитет), оказывается неблагоприятное психологическое воздействие.

По изложенным основаниям, ООО «Б» признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного статьей 6.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, и ему назначено административное наказание в виде приостановления деятельности лица на 60 (шестьдесят) суток с момента фактического приостановления деятельности [5].

Таким образом, судебная защита граждан оказалась своевременной и эффективной, как и в следующем примере.

Из материалов дела судьей Нижегородского районного суда г. Н. Новгород установлено, что поводом к возбуждению дела об административном правонарушении и проведении административного расследования являются поступившие в Управление Роспотребнадзора по Нижегородской области обращения граждан на неудовлетворительное качество питьевой воды в автомате по продаже питьевой воды, расположенном по адресу г. Н. Новгород, ул. В., а также несоответствующие условия транспортирования воды, что является нарушением п. 4.1., п. 4.2. раздела 9 Главы II (приложение 9.1) «Единые санитарно-эпидемиологические и гигиенические требования к продукции (товарам), подлежащей санитарно-эпидемиологическому надзору (контролю)», утвержденные решением Комиссии Таможенного союза от 28.05.2010 № 299 «О применении санитарных мер в Евразийском экономическом союзе», п. 4.3. СП 3.1/3.2.3146–13 СП 3.1/3.2.3146–13 «Общие требования по профилактике инфекционных и паразитарных болезней», раздел III СП 1.1.105 8–01 «Организация и проведение производственного контроля за соблюдением санитарных правил и выполнением санитарно-противоэпидемических, (профилактических) мероприятий».

Согласованные проверочные мероприятия подтвердили данный факт, в связи с чем, ООО «Р» было признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного

статьей 6.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, и ему назначено административное наказание в виде приостановления деятельности лица на 60 (шестьдесят) суток с момента фактического приостановления деятельности [6].

Приведенные примеры, безусловно, свидетельствуют об эффективности такого наказания при защите прав и законных интересов граждан.

Таким образом, приостановление деятельности во взаимосвязи с обеспечением в виде временного запрета деятельности и тем обстоятельством, что при истечении срока исполнения и неустранении нарушения процедура приостановления возобновляется (часть 5 статьи 32.12 КоАП РФ), является, как представляется, универсальным и наиболее эффективным средством государственного реагирования.

Характеризуя административное приостановление деятельности, следует указать, что этот вид административного наказания является следствием определенной процедуры производства по делам об административных правонарушениях, возбужденной полномочными юрисдикционными органами, назначаемый судом и исполняемый службой судебных приставов.

При этом, кроме властно-публичного характера, следует отметить, что такое производство является обязанностью полномочного юрисдикционного органа, а не правом, что имеет существенное значение для нашего сравнительного исследования.

В систему национального законодательства Российской Федерации входит гражданское процессуальное законодательство и положения главы 13 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Положения статей 139–146 Гражданского процессуального кодекса РФ предусмотрены основания и меры по обеспечению иска, порядок их применения.

Обеспечение иска для нас является фактически дополнительным предметом исследования. Потому, не вдаваясь в нормативное изучение института обеспечения иска, следует констатировать тот факт, что расширенный перечень самих мер (статья 140 ГПК РФ) предопределил возможность появления в практике такой меры как приостановление деятельности.

Для наглядности необходимо представить некоторые формулировки, встречающиеся в судебной практике. Так, в одном из судебных актов указано, что принимая меры по обеспечению иска, суд первой инстанции исходил из того, что на период судебного разбирательства имеются основания для приостановления деятельности ответчика по эксплуатации здания, поскольку по поводу правомерности этой деятельности возник спор, то есть имеется связь между предметом спора и избранной судом обеспечительной мерой [4].

В другом судебном акте указано, что истцом заявлены требования в интересах неопределенно-

го круга лиц, учитывая положения ст. ст. 139, 140 ГПК РФ, исходя из возможности возникновения неблагоприятных последствий в результате дальнейшей эксплуатации спорного объекта и создания тем самым угрозы жизни и здоровью населения, суд первой инстанции пришел к правильному выводу о необходимости применения мер обеспечения иска в виде приостановления деятельности автозаправочной станции [1].

Судебная практика содержит достаточное количество таких примеров, проанализировав которые, мы приходим к следующим выводам.

Административное приостановление деятельности и обеспечение иска в виде приостановления, по общему правилу, назначаются судом и исполняются судебным приставом.

Сроки административного приостановления и обеспечения иска в виде приостановления фактически связаны с обстоятельствами, которые они предупреждают. Как следствие, они не имеют четких и строгих рамок, и в соответствующих процедурах могут быть продлены.

Для конкретного лица, в отношении которого наложено наказание или меры, имеют место быть одинаковые фактические последствия в виде приостановления всей или конкретного вида деятельности.

Вместе с тем, производство по делам об административных правонарушениях и вытекающее из него наказание являются обязанностью юрисдикционного органа при выявлении факта события.

Этого нельзя сказать про цивилистический процесс, основанный на диспозитивных началах, где предъявление иска и ходатайства о сопутствующих ему обеспечительных мерах является правом лица, но никак не обязанностью. В том числе, правом должностного лица и прокурора.

Одновременно с этим, наказание и обеспечение при внешнем фактическом тождестве имеют разный правовой характер и разные правовые последствия. Наказание влечет для лица глобальные профилактические последствия и имеет следующие предупредительные функции.

Таким образом, при всем внешнем сходстве административного наказания и гражданского обеспечения следует указать, что они имеют разную правовую природу, и наказание, как безусловное следствие нарушения, является наиболее эффективным способом воздействия и профилактики.

Нельзя не заметить, что на практике допускается приостановление деятельности не только в форме наказания или обеспечения иска, но и в форме самостоятельного иска.

Все эти правовые категории имеют сходные правовые последствия и внешнее тождество формы.

При рассмотрении названных выше категорий дел осуществляется судебный контроль за законностью и обоснованностью реализации уполномоченными органами или должностными лицами отдельных властных требований к объединениям граждан

Право истца обратиться в суд с иском об обязанности ответчика ограничить, приостановить или прекратить соответствующую деятельность, сформулировано судебной практикой и правовыми позициями Верховного Суда Российской Федерации [8].

Удовлетворение иска о приостановлении деятельности, по сути своей, создает такие же правовые последствия, как обеспечение и административное наказание.

Такие иски направлены на приостановление деятельности, нарушающей права и законные интересы или создающей угрозу для окружающих.

Иски о приостановлении деятельности повторяют и юридически направлены на такую же защиту общественных отношений, как и административное приостановление деятельности.

Для цивилистического процесса даже предусмотрены механизмы возобновления деятельности. И если КоАП РФ предусматривает институт досрочного прекращения наказания в виде приостановления, то в цивилистическом процессе, принимая решение о приостановлении деятельности, судья должен указывать обстоятельства, с которыми может быть связано возобновление.

Такой подход может создавать определенные трудности для исполнения решения.

Досрочное прекращение административного наказания предусматривает процессуальный механизм исследования этого факта.

Изложенное во взаимосвязи позволяет сделать вывод, что у каждого рассмотренного института есть своя специфика, положительные стороны и недостатки. Приостановление в качестве иска, как и возможность обеспечения иска, – являются диспозитивным правом органа, а административное преследование в целях неотвратимости наказания или профилактики правонарушений, – обязанностью юрисдикционного органа и его должностных лиц.

В этой связи следует сделать вывод о наибольшей эффективности приостановления деятельности в форме административного наказания и отсутствия необходимости нормативной подмены рассмотренных правовых институтов.

Литература

1. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 01.06.2016 по делу № 33–3951/2016 // СПС «Консультант плюс».
2. Бадьков Л.Ф. К вопросу об административном приостановлении деятельности // «Вестник исполнительного производства», 2016, № 2.
3. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях/ Документ утратил силу с 1 июля 2002 года в связи с принятием Федерального закона от 30.12.2001 № 196-ФЗ. (утв. ВС РСФСР 20.06.1984).
4. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 27.11.2019 по делу № 88–1865/2019 // СПС «Консультант плюс».

5. Постановление судьи Нижегородского районного суда г. Н. Новгород от 26 февраля 2020 года по Делу № 5–149/2020 // Архив Нижегородского районного суда г. Н. Новгород.
6. Постановление судьи Нижегородского районного суда г. Н. Новгород от 20 ноября 2017 года по делу № 5–1333/2017 // Архив Нижегородского районного суда г. Н. Новгород.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49»О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» // СПС «Консультант плюс».
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 64 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел, связанных с приостановлением деятельности или ликвидацией некоммерческих организаций, а также запретом деятельности общественных или религиозных объединений, не являющихся юридическими лицами» // СПС «Консультант плюс».
9. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием. СПб.: Тип. Мин-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1889. С. 177–181.
10. Шилов Ю.В. Изменение парадигмы административного приостановления деятельности и временного запрета деятельности // Административное право и процесс. 2020. № 4. С. 32–35.

ON THE ISSUE OF COMPARING SUSPENSION OF ACTIVITY AS AN ADMINISTRATIVE PUNISHMENT AND CIVIL ENFORCEMENT OF A CLAIM

Sveshnikova M.V., Sveshnikov G.A.

Dzerzhinsky branch of Lobachevski university, Russian state University of justice, The Volga region branch

The article discusses the comparison of administrative suspension of activity and civil enforcement of a claim. Such type of administrative punishment as suspension of activity is analyzed. There are similarities with the interim measure of suspension of activity. The author emphasizes the different legal nature and concludes that the punishment is more effective. In the course of the research, the fact of the existence of claims for suspension of activities in practice was also established. It is concluded that, for all their external similarity, they have independent regulatory regulation and their own characteristics. The position was expressed that the claim proceeding, as well as the possibility of securing a claim, is a dispositive body of the body, and administrative prosecution for the purpose of inevitability of punishment or prevention of offenses is the duty of the judicial body and its authorized persons. In this connection, it was concluded that the suspension of activities in the form of administrative punishment is maximum efficiency.

Keywords: Administrative punishment, Suspension of activity, securing a claim.

References

1. Appeal ruling of the Stavropol Regional Court dated 01.06.2016 in case № 33–3951 / 2016 // ATP «Consultant plus».
2. Badykov L.F. On the issue of administrative suspension of activities // «Bulletin of Enforcement Proceedings», 2016, № 2.
3. The RSFSR Code of Administrative Offenses / The document became invalid on July 1, 2002 in connection with the adoption of the Federal Law of December 30, 2001 № 196-FZ. (approved by the Supreme Council of the RSFSR 20.06.1984).
4. Determination of the First General Jurisdiction Court of Cassation dated November 27, 2019 in case No. 88–1865 / 2019 // PCA «Consultant Plus».

5. Resolution of the judge of the Nizhegorodsky District Court of N. Novgorod dated February 26, 2020 on Case No. 5–149 / 2020 // Archive of the Nizhny Novgorod District Court of N. Novgorod.
6. Resolution of the judge of the Nizhegorodskiy District Court of N. Novgorod dated November 20, 2017 in case No. 5–1333 / 2017 // Archive of the Nizhegorodskiy District Court of N. Novgorod.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.11.2017 № 49 «On some issues of the application of legislation on compensation for harm caused to the environment» // ATP «Consultant plus».
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2016 № 64 «On some issues arising during the consideration of cases by courts related to the suspension of activities or liquidation of non-profit organizations, as well as the prohibition of the activities of public or religious associations that are not legal entities» // SPS «Consultant a plus».
9. Foinitskiy I. Ya. The doctrine of punishment in connection with prison science. SPb.: Type. Min-va put. message (A. Bencke), 1889.S. 177–181.
10. Shilov Yu.V. Changing the paradigm of administrative suspension of activities and temporary ban of activities // Administrative law and process. 2020.N 4.P. 32–35.

О некоторых вопросах доверия к арбитражному правосудию

Падин Артём Эдуардович

магистрант Юридической школы Дальневосточного
федерального университета
E-mail: arted997@gmail.com

В настоящее время приоритетным направлением развития арбитражно-судебной системы является повышение доверия к арбитражным судам и правосудию со стороны общества, в том числе путем совершенствования эффективности и качества рассмотрения экономических споров. Доверие и уважение к судебной системе как механизму государственной защиты со стороны гражданского общества является необходимым и существенным показателем оценки деятельности судов, законности и справедливости принимаемых ими решений. В данной статье обращено внимание на некоторые факторы, оказывающие влияние на формирование общественного доверия к арбитражным судам. В частности, рассмотрены вопросы: о критериях справедливости судебного разбирательства и доверия к арбитражным судам в условиях выполнения сторонами возлагаемых на них обязанностей по доказыванию; об отсутствии обязательной необходимости установления объективной истины в состязательном процессе; о зависимости и непосредственной связи степени доверия к правосудию от открытости и гласности судебного разбирательства. Сделан вывод о том, что повышение уровня доверия к правосудию и арбитражным судам возможно только в случае активного взаимодействия суда и сторон по установлению фактических обстоятельств конкретного дела в рамках судебного разбирательства, направленного на его главную цель – правильное разрешение судебного спора и вынесение судом законного и справедливого решения.

Ключевые слова: правосудие, арбитражные суды, справедливость, независимость судей, стандарт доказывания, доверие к суду, состязательность, бремя доказывания, судопроизводство, арбитражный процесс.

В правовом государстве доверие и уважение к судебной системе как механизму государственной защиты со стороны гражданского общества является необходимым и существенным показателем эффективности деятельности судов и справедливости принимаемых ими судебных решений. Также можно говорить о том, что судебная защита прав и свобод участников экономических отношений, осуществляемая арбитражными судами, является одной из важнейших форм государственного регулирования экономики – базиса любого государства. Наличие эффективной юрисдикционной системы разрешения экономических споров, адекватно отражающей потребности предпринимателей в защите своих прав и законных интересов, позволяет обеспечить стабильность экономического оборота, повышение благосостояния общества, развитие партнерских деловых отношений, повысить инвестиционную привлекательность экономики и в целом оказывает благоприятное воздействие на ее качественное состояние. Определяющее значение здесь будет иметь именно доверительное отношение к правосудию и арбитражным судам со стороны общества и, прежде всего, предпринимателей, нуждающихся в эффективной судебной защите, а также факторы, оказывающие влияние на формирование высокого уровня доверия к судебной системе в целом.

Сама категория «доверие» является оценочной и выражает оценку качества отправления правосудия арбитражными судами, справедливости и законности принимаемых ими решений. Основным условием здесь будет являться уважение и равное отношение к правам и свободам участвующих в судебном разбирательстве граждан и организаций со стороны арбитражных судов. Иными словами, уровень доверия к правосудию является отражением справедливого рассмотрения арбитражными судами экономических споров и законности принимаемых ими решений.

Однако возникает разумный вопрос относительно содержания «справедливости» арбитражного процесса. Понятие «справедливость» также является оценочным и может быть сформулировано как должное, объективное и беспристрастное отношение к кому-либо или чему-либо. Применительно к арбитражному процессу, справедливое судебное разбирательство должно состоять в создании условий для всестороннего и полного исследования независимым и беспристрастным судом всех доказательств, установления фактических

обстоятельств и правильного применения норм действующего законодательства при рассмотрении конкретного дела и вынесения на их основе судебного решения.

Реализация норм арбитражного процессуального права находится в прямой зависимости от правосознания судей, участников процесса и, соответственно, от уровня правосознания зависит эффективность деятельности суда, так и судебной защиты.

Целью судебного разбирательства является правильное разрешение судебного спора и вынесение судом законного и справедливого решения в условиях состязательного процесса. При этом формирование нового правосознания участников процесса как следствие процессуальной реформы в необходимой степени еще не произошло, поскольку у лиц, обратившихся в арбитражный суд в защиту своих прав и законных интересов, продолжает оставаться ожидание того, что суд при разрешении спора должен если не установить объективную истину, то при установлении фактических обстоятельств дела максимально приблизиться к ней. Однако данная позиция является не совсем верной, поскольку в рамках российского арбитражного процесса законодательно закрепленный принцип состязательности исключает «следственную» функцию арбитражного суда в рассмотрении дела. Иными словами, арбитражным судом самостоятельно не устанавливаются необходимые для разрешения дела обстоятельства, а решение выносится судом на основании того, что было установлено непосредственно в судебном процессе, основываясь на представленных сторонами доказательствах.

Тем не менее достижение цели правосудия будет невозможным без полноценного взаимодействия арбитражного суда и участников процесса в их общей заинтересованности в правильном разрешении судебного спора; поскольку справедливости судебного разбирательства способствует не только формальная подача иска истцом и направление отзыва ответчиком, а реальное участие сторон в рассмотрении дела на всех этапах арбитражного процесса, и прежде всего, на этапе судебного разбирательства.

Действующим процессуальным законодательством возложено проявление активности в доказывании и состязательности на тяжущиеся стороны и оказание им арбитражным судом только содействия в реализации их процессуальных прав. Содержание принципа состязательности в арбитражном процессе раскрывается в ст. 9 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) [1] и в основном сводится к обязанности сторон представлять доказательства в обоснование своих требований и возражений, и в свою очередь к обязанности суда создать для этого все необходимые условия.

В соответствии с ч. 1 ст. 64 АПК РФ именно арбитражный суд ответствен за определение предмета доказывания (т.е. обстоятельств, подлежа-

щих доказыванию для правильного разрешения дела), но действует правило, согласно которому в состязательном процессе бремя доказывания своих требований и возражений возложено на стороны (ст. 65 АПК РФ), и суд лишь вправе предложить сторонам представить дополнительные доказательства даже тех обстоятельств, на которые они не ссылались (ч. 2 ст. 66 АПК РФ) или же суд может оказать содействие в получении доказательств (ч. 4 ст. 66 АПК РФ). Иными словами, суд не проводит судебное следствие, а в ходе судебного разбирательства устанавливает фактические обстоятельства дела, основанные на доказательствах представленных состязавшимися (в некоторых случаях при оказании им содействия суда).

Следует также сказать о том, что в развитых правовых системах отстаивание позиций сторон процесса во многом зависит от достижения ими стандарта доказывания по конкретному делу, т.е. того объема относящихся к рассматриваемому делу доказательств, при наличии которого арбитражный суд способен вынести судебное решение. Данный институт является основополагающим для правосудия стран англо-американской правовой системы и неразрывно связан с выполнением сторонами возложенных на них обязанностей по доказыванию своих правовых позиций в рамках состязательного процесса. В большинстве гражданских дел, рассматриваемых английскими и американскими судами, от стороны требуется доказать свою правовую позицию по делу на балансе простой вероятности: скорее вероятно, чем нет. Баланс вероятности должен быть соблюден как при разрешении дела, так и при доказывании отдельных вопросов (например, при опровержении презумпции и проч.) [3, 38].

В отечественной судебной практике стандарт доказывания упоминается либо косвенно, либо непосредственно напрямую, но без разъяснения его содержания. Так в первом случае, Верховным Судом РФ отмечалось, что размер подлежащего возмещению вреда определяется судом с разумной степенью достоверности с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципа справедливости и соразмерности ответственности (Постановление Пленума ВС РФ от 17.11.2015 N 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» [4], п. 84). Во втором случае, Верховный Суд РФ указывает на повышенный стандарт доказывания в делах о банкротстве (например, в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.09.2017 N 301-ЭС17-4784 по делу N А38-1381/2016 [5]). В отечественной правовой науке понятие стандарта доказывания находится в процессе формирования, и в настоящее время его можно толковать как разумную степень достоверности исследованных доказательств по делу.

Таким образом, как было сказано выше, положения АПК РФ регламентируют активность сторон

в доказывании своих позиций и риски пассивного процессуального поведения. При этом достаточность доказательств, представленных для обоснования своих позиций определяют стороны в ходе судебного разбирательства и при обсуждении его окончания или дополнения (ч. 1 ст. 164 АПК РФ), и предполагается, что достижение ими стандарта доказывания устанавливается судом при оценке указанных доказательств с разумной степенью их достоверности. Тем не менее важно понимать, что бремя доказывания строится на балансе вероятности позиций сторон, который не всегда может совпасть с объективной истиной. По этому поводу Решетникова И.В. пишет следующее: «Стандарт доказывания не преследует цель установить истину. Скорее, это лишь определенная мера того, смогли ли стороны успешно выполнить возложенное на них бремя доказывания» [2, 395]. Но при этом объективная истина теоретически может быть установлена арбитражным судом в случае добросовестного и полноценного выполнения сторонами бремени доказывания.

Кроме того, в качестве гарантии справедливости судебного разбирательства и реализации состязательности в арбитражном процессе законодательно закреплено право сторон знать об аргументах друг друга до начала судебного разбирательства (ч. 2 ст. 9 АПК РФ) и корреспондирующая этому праву обязанность лиц, участвующих в деле, раскрыть свои доказательства перед другими участниками процесса до начала судебного заседания или в пределах срока, установленного судом (ч. 3 ст. 65 АПК РФ). Кроме того, в ч. 4 ст. 65 АПК РФ закреплено правило, согласно которому лица, участвующие в деле, вправе ссылаться только на те доказательства, с которыми другие лица, участвующие в деле, были ознакомлены заблаговременно.

Таким образом, как было сказано ранее, судебное разбирательство не может быть признано справедливым, если не была обеспечена реальная состязательность сторон процесса, которая зависит как от действий суда, так и от действий сторон процесса. Например, в случае, когда судебный спор разрешен, но имелись основания для самоотвода судьи или в случае, когда арбитражный суд первой инстанции не выполнил свою процессуальную обязанность по созданию условий состязательности, предусмотренных статьей 9 АПК РФ. В следствии этого окончательный судебный акт, вынесенный в результате такого судебного разбирательства в любом случае, не может быть признан законным и обоснованным.

Вместе с тем, несмотря на то что принцип состязательности законодательно закреплен и действует уже длительное время, значительная часть сторон судебных разбирательств все еще продолжает не надлежащим образом выполнять возложенное на них бремя доказывания и не занимается сбором и предоставлением доказательств в обоснование своих требований и возражений рассчитывая на то, что арбитражный суд сам установит все необходи-

мые обстоятельства для разрешения конкретного дела и в случае, если доказательств в обоснование позиции будет недостаточно, то обязательно укажет стороне на необходимость предоставления доказательств. Однако как уже было упомянуто, арбитражный суд первой инстанции не проводит судебное следствие, не определяет объективную истину, а устанавливает фактические обстоятельства дела, основываясь на тех доказательствах, которые были представлены сторонами судебного спора до или в ходе судебного разбирательства (формальная истина). При этом арбитражный суд вправе предложить лицам, участвующим в деле, представить дополнительные доказательства, необходимые для выяснения обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения дела и принятия законного и обоснованного судебного акта (ст. 66 АПК РФ). Но это право арбитражного суда, а не обязанность.

В итоге при вынесении арбитражным судом первой инстанции судебного решения на основе представленных доказательств, сторона спора, не в пользу которой вынесено это решение, считает его не обоснованным, не справедливым или даже не законным. При этом сам арбитражный суд в таких ситуациях представляется в глазах «проигравшей» стороны необъективным и непрофессиональным, поскольку, по ее мнению, он не разобрался во всех обстоятельствах дела. Вслед за этим такими участниками процесса переносится свой «негативный» опыт взаимодействия с конкретным арбитражным судом на всю судебную систему в целом, что зачастую учитывается при опросах респондентов социологических исследований, искажая реальную картину событий. Но это глубокое заблуждение, которое наносит существенный вред авторитету арбитражных судов и доверию к судебной системе.

В дополнение к этому стоит сказать и о том, что степень доверия общественности к арбитражным судам также во многом зависит и от открытости и гласности судебного разбирательства. Во многом развитие информационных технологий способствует в настоящее время повышению гласности правосудия, открытости и доступности судебной власти, предоставляя новые возможности участия граждан и организаций в отправлении правосудия, общественного контроля за деятельностью судов, что несомненно повышает доверие к деятельности арбитражных судов.

За последнее время законодательными органами и Верховным Судом РФ проделан значительный объем работы, направленной на обеспечение возможности сторон в полноценной реализации своих процессуальных прав и обязанностей по участию в судебном разбирательстве и предоставлении доказательств, а именно в арбитражном процессе впервые были внедрены возможность подачи исковых заявлений (заявлений), иных документов в электронном виде, ознакомления в режиме удаленного доступа со всеми материалами дела, проведение судебных заседаний

в режиме видеоконференций, веб-конференций (онлайн-заседаний), размещение в сети «Интернет», а также посредством системы «Мой арбитр», всех судебных актов и иной информации.

Подводя итог одной из обозначенных центральных проблем доверия к арбитражным судам можно сделать вывод о том, что повышение уровня доверия к правосудию и арбитражным судам возможно только в случае активного взаимодействия суда и сторон в рамках судебного разбирательства, направленного на его главную цель – правильное разрешение судебного спора и вынесение судом законного и справедливого решения. Развитие состязательности арбитражного процесса и реализация новых, в том числе высокотехнологичных, возможностей участия граждан и организаций в отправлении правосудия и общественного контроля за деятельностью судов будет способствовать формированию правовой культуры и выстраиванию доверительного отношения к правосудию и арбитражным судам со стороны общества и, прежде всего, предпринимателей и иных участников экономических отношений.

В свою очередь арбитражные суды могут влиять на общественное мнение и уровень доверия к ним путем дальнейшего повышения открытости и гласности судебного разбирательства, в том числе при помощи электронных и иных информационных средств обмена данными, а также обеспечении доступности правосудия и реального участия сторон в рассмотрении дела на всех этапах арбитражного процесса при безусловном соблюдении норм действующего законодательства.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ // «Собрание Законодательства РФ», 29.07.2002, N 30. ст. 3012;
2. Решетникова И.В. Размышления о судопроизводстве: Избранное / И.В. Решетникова. – Москва: Статут, 2019. – 510 с.;
3. Решетникова И.В. Справочник по доказыванию в арбитражном процессе / под ред. И.В. Решетниковой. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 360 с.;
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 N 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнитель-

ного производства» [Электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана;

5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.09.2017 N 301-ЭС17-4784 по делу N А38-1381/2016 [Электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана.

ON SOME QUESTIONS OF TRUST IN ARBITRATION JUSTICE

Padin A.E.

Far Eastern Federal University

Currently, the priority direction of the development of the judicial system is to increase public trust in arbitration courts and justice, including by improving the efficiency and quality of consideration of economic disputes. Trust and respect for the judicial system as a mechanism of state protection on the part of civil community is a necessary and important indicator of the analysis of the work of the courts, the legality and justice of their decisions. This article draws attention to some factors that influence the formation of public trust in arbitration courts. In particular, the following questions were considered: on the criteria of the justice of the legal proceedings and trust in the arbitration courts in the conditions of the parties to dispute implementation of their burden of proof; on the absence of an obligatory necessity to establish an objective truth in an adversarial process; on the dependence and direct correlation of the level of trust in justice on the openness and transparency of the legal proceedings. It is concluded that an increase in the level of trust in justice and arbitration courts is possible only in the event of active cooperation between the court and the parties to establish the facts of a specific case in conditions of the legal proceedings, aimed at its main purpose – the correct resolution of the judicial dispute and the making of a legal and fair decision by the court.

Keywords: justice, arbitration courts, fairness, independence of judges, standard of proof, trust in the court, adversarial proceedings, burden of proof, legal proceedings, arbitration process.

References

1. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation of 24.07.2002 N 95-FZ // “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 29.07.2002, N 30. art. 3012;
2. Reshetnikova I.V. Reflections on judicial proceedings: Selected / I.V. Reshetnikova. – Moscow: Statut, 2019. – 510 p.;
3. Reshetnikova I.V. Handbook of proof in the arbitration process / ed. by I.V. Reshetnikova. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2020. – 360 p.;
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 17.11.2015 N 50-O “On the application of legislation by courts when considering certain issues arising in the course of enforcement proceedings” [Electronic resource] – Access from reference. – the legal system “ConsultantPlus”. – Title from the screen;
5. Determination of the Judicial Board for economic disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 11.09.2017 N 301-ES17-4784 in the case N А38-1381/2016 [Electronic resource] – Access from reference. – the legal system “ConsultantPlus”. – Screen cap.c.

О системном подходе к содержанию основ формирования методики расследования экологических преступлений

Васильева Мария Александровна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
E-mail: mvd-ecology@mail.ru,

В статье совершенствование методики расследования экологических преступлений представляется как ключевая задача современной криминалистики. Автор обозначает два направления формирования методики расследования экологических преступлений: разработка отсутствующих и совершенствование имеющихся частных методик расследования экологических преступлений, их внедрение в практическую деятельность сотрудников правоохранительных органов; разработка системного подхода к содержанию основ формирования методики расследования экологических преступлений. По мнению автора, системный подход к содержанию основ формирования методики расследования экологических преступлений должен быть основан на целом ряде источников, их перечень приводится. В статье отмечается необходимость глубокого анализа этих источников для решения вопроса о том, как каждый из них в отдельности может быть использован для решения задачи повышения качества расследования экологических преступлений, сохранения экологической безопасности России.

Ключевые слова: экологическое преступление, экологическая безопасность, методика расследования, системный подход, качество расследования.

Задачи криминалистики в современных условиях направлены на решение помимо традиционных вопросов, также на разработку важной в теоретическом и практическом аспектах проблемы – совершенствование методики расследования преступлений отдельных групп, которые рассматриваются учеными как вызов национальной безопасности.

К таковым группам, без сомнений, необходимо относить экологические преступления. Стратегией национальной безопасности Российской Федерации экологическая безопасность определяется как важная составляющая ее часть [1]. В Стратегии же экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года, как в одном из ключевых документов стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, определены механизмы реализации государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности, в частности отмечается, что решение основных задач в области обеспечения экологической безопасности должно осуществляться по таким приоритетным направлениям, как активизация фундаментальных и прикладных научных исследований в области охраны окружающей среды и природопользования; осуществление эффективных мер по сохранению и рациональному использованию природных ресурсов, в том числе лесных, охотничьих и водных биологических ресурсов, по сохранению экологического потенциала лесов и т.д. [2]. Серьезная озабоченность государства вопросами сохранения природных ресурсов и окружающей среды в целом прослеживается и в поправках к Конституции Российской Федерации, некоторые из которых носят экологический характер [3, с. 238].

Несмотря на усилия правоохранительных органов, сохраняются сложности в предотвращении, выявлении и проверке сообщений по экологическим преступлениям [4, с. 53], расследовании преступлений этой категории [5, с. 367, 6, с.].

Для выявления наиболее острых проблем в расследовании экологических преступлений, нами в 2020–2021 гг. был произведен опрос сотрудников Следственного комитета Российской Федерации, органов внутренних дел, которые принимали участие в расследовании преступлений указанной категории. Более 90% респондентов из всех 105

опрошенных указали на актуальность в современных условиях изучения проблем, связанных с методикой расследования экологических преступлений и их совершенствованием.

Таким образом, имеющихся на настоящий момент частных методик расследования экологических преступлений для практических работников недостаточно, при этом стоит отметить, что для некоторых преступлений этой группы они не разработаны вовсе.

Представляется, что формирование методики расследования экологических преступлений должно идти по двум направлениям одновременно: разработка отсутствующих и совершенствование имеющихся частных методик расследования экологических преступлений, их внедрение в практическую деятельность сотрудников правоохранительных органов; разработка системного подхода к содержанию основ формирования методики расследования экологических преступлений.

Первые шаги в этих направлениях уже делаются. В 2018 г. издано имеющее большое значение для деятельности по расследованию практическое руководство для следователей и дознавателей «Расследование экологических преступлений», под редакцией доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ О.И. Цоколовой, кандидата юридических наук, доцента Д.В. Осиповой, кандидата юридических наук, доцента Н.Е. Муженской [7]. Отметим, что руководство посвящено правовому и методическому обеспечению реализации уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации при расследовании отдельных видов экологических преступлений, не содержит общих базовых теоретических положений по расследованию экологических преступлений, а также отдельных методик расследования таких преступлений весьма распространенных видов, например, незаконной рубки лесных насаждений.

Последнее из указанных выше направлений формирования методики расследования экологических преступлений требует более глубокого анализа имеющихся для этого источников. Считаем, что системный подход к содержанию основ формирования методики расследования экологических преступлений должен быть основан на:

- философских положениях диалектического материалистического метода познания действительности;
- правовых основах регулирования расследования экологических преступлений;
- методологии использования положений основных частных криминалистических теорий как элементов общей теории науки криминалистики;
- использовании достижений других наук в расследовании экологических преступлений;
- положениях частных методик расследования экологических преступлений определенных видов;

- анализе практики расследования преступлений в сфере экологии;
- криминалистической характеристике экологических преступлений, связанных с изъятием природных ресурсов;
- структуре и содержанию родовой (базовой) методики расследования экологических преступлений, связанных с изъятием природных ресурсов.

Важность любого из обозначенных элементов сложно переоценить. Исходя из указанного, оптимизация деятельности по формированию методик расследования возможна, в том числе путем проведения криминалистических исследований основ формирования методики расследования экологических преступлений, учитывающих системный подход. При этом совершенствование может быть достигнуто за счет расширения/сужения использования источников в обозначенных целях (например, активизации внедрения достижений биологических наук [8, с. 149, 9, с. 6], знаний в сфере экономики [10] в расследование экологических преступлений), преобразования самих источников (например, устранение противоречивости некоторых нормативных правовых актов в области экологии, составляющих правовую основу регулирования расследования экологических преступлений), а, может быть, и за счет включения в вышеуказанный перечень новых источников.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
2. Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года».
3. Колина Ю.А., Момот Н.В., Камля И.Л. К вопросу об экологических поправках в Конституцию РФ 2020 года / В сборнике: Роль аграрной науки в развитии лесного и сельского хозяйства Дальнего Востока. Материалы IV Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции. В 4-х частях. Отв. редактор И.Н. Ким. 2020. С. 238–241.
4. Гаврилов Б.Я., Васильева М.А. Проблемы законодательного регулирования использования специальных знаний на этапе проверки сообщения о преступлении // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 4 (83). С. 53–58.
5. Васильева М.А., Овчинников Ю.Г. Использование специальных знаний при осмотре места происшествия по факту незаконной рубки лесных насаждений (по материалам Дальневосточного федерального округа) // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 5 (16). С. 367–371.

6. Lavrov V.P., Vasilyeva M.A. Issues of forensic inquiries and preliminaries in investigating ecological crimes//European Research Studies Journal. 2018. T. 21. № 4. С. 348–355.
7. Цоколова О.И., Осипов Д.В., Муженская Н.Е. Расследование экологических преступлений. Руководство для следователя и дознавателя. Проспект. 2018. – 320 с.
8. Васильева М.А. Ветеринарно-санитарная экспертиза как специальный метод криминалистики (на примере расследования преступлений против общественной безопасности)// Аграрное и земельное право. 2019. № 12 (180). С. 149–151.
9. Колина Ю.А., Момот Н.В., Камлия И.Л. Использование современных методов исследования в практической деятельности/В сборнике: Гуманитарные науки и естествознание: проблемы, идеи, инновации. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Под общей редакцией Е.А. Назарова. 2020. С. 6–9.
10. Булгакова М.А. Методология сбалансированного ведения лесного хозяйства в интересах сохранения биосферного равновесия. Монография. ISBN: 978–5–6043249–1–2. Москва, 2019. 168 с.

ON A SYSTEMATIC APPROACH TO THE CONTENT OF THE BASIS FOR THE FORMATION OF A METHODOLOGY FOR INVESTIGATING ENVIRONMENTAL CRIMES

Vasilyeva M.A.

Moscow Academy of the Noble Committee of the Russian Federation

In the article, improving the methodology for investigating environmental crimes is presented as a key task of modern forensic science. The author refers to two areas of formation of a methodology for investigating environmental crimes: the development of missing and improving available private methodologies for investigating environmental crimes, their introduction into the practical activities of law enforcement officials; Development of a systematic approach to the content of the framework for the development of a methodology for investigating environmental crimes. According to the author, the systematic approach to the content of the basis for the formation

of a methodology for investigating environmental crimes should be based on a number of sources, their list is given. The article notes the need for in-depth analysis of these sources to solve the issue of how each of them can be used individually to solve the problem of improving the quality of investigation of environmental crimes, preserving the environmental safety of Russia.

Keywords: environmental crime, environmental safety, investigation methodology, systematic approach, quality of investigation.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 683 “On the National Security Strategy of the Russian Federation.”
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 19.04.2017 No. 176 “On the Strategy for Environmental Safety of the Russian Federation for the Period until 2025”
3. Colina Yu.A., Momot N.V., Kamlia I.L. On the issue of environmental amendments to the Constitution of the Russian Federation of 2020/In the collection: The role of agricultural science in the development of forestry and agriculture of the Far East. Materials of the IV National (All-Russian) Scientific and Practical Conference. In 4 parts. Otv. editor I.N. Kim. 2020. Page 238–241.
4. Gavrilov B. Ya., Vasilyeva M.A. Problems of legislative regulation of the use of special knowledge at the stage of verification of a crime report//Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 4 (83). Page 53–58.
5. Vasilyeva M.A., Ovchinnikov Yu.G. Using special knowledge when examining the scene of an incident on the fact of illegal logging of forest plantations (according to the materials of the Far Eastern Federal District)//Forensic Library. Scientific journal. 2014. № 5 (16). Page 367–371.
6. Lavrov V.P., Vasilyeva M.A. Issues of forensic inquiries and preliminaries in investigating ecological crimes//European Research Studies Journal. 2018. T. 21. № 4. Page 348–355.
7. Tsokolova O.I., D.V. Osipov, Muzhenskaya N.E. Investigation of environmental crimes. Manual for investigator and interrogator. Prospect. 2018. – 320 s.
8. Vasilyeva M.A. Veterinary and sanitary examination as a special method of forensic science (on the example of investigating crimes against public safety)//Agrarian and land law. 2019. № 12 (180). Page 149–151.
9. Colina Yu.A., Momot N.V., Camlia I.L. Using modern research methods in practical activities/In the collection: Humanitarian sciences and natural science: problems, ideas, innovations. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. Edited by E.A. Nazarov. 2020. Page 6–9.
10. Bulgakova M.A. Methodology of balanced forest management in the interest of maintaining biosphere equilibrium. Monograph. ISBN: 978–5–6043249–1–2. Moscow, 2019. 168 pages.

Теория относительной депривации

Гомонов Николай Дмитриевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и административного права Мурманского государственного арктического университета
E-mail: Gomonov_Nikolay@mail.ru

Труш Владимир Михайлович,

кандидат психологических наук, психолог психологической лаборатории ФКУ ИК-16 УФСИН России по Мурманской области
E-mail: krist56@mail.ru

Тимохов Виктор Петрович,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: tvp1986@yandex.ru

В данной статье авторы проводят анализ сущности теории относительной депривации, предложенной Samuel A. Stouffer. Эту концепцию они относят к интегративным криминологическим теориям, в рамках которых в качестве причин преступности указывают как биологические, так и социальные детерминанты. Акцентируется внимание на том, что центральным элементом исследуемой теории является проведение анализа психологических отношений между отдельными лицами и их референтными группами. Отмечается, что несостоятельность критики в большинстве случаев объясняется ситуациями, когда результаты макроуровня помещаются в рамки микроуровня, либо подчеркивается когнитивный компонент относительной депривации в ущерб его критически важному аффективному компоненту. Утверждается, что Samuel A. Stouffer удалось внятно объяснить генезис парадоксальных эмоций, возникающих у определенных групп населения и служащих источником социального напряжения, которое, в свою очередь, может порождать преступное поведение. Следовательно, снижение указанного напряжения представляет значительный потенциал возможностей предупреждения преступности.

Ключевые слова: относительная депривация, преступность, криминологические теории, социальное напряжение, девиантное поведение, преступное поведение, социологические исследования, предупреждение преступности.

В рамках криминологической науки продолжают поиски причин преступного поведения с целью выработки оптимальных методик его предупреждения. Сегодня ученые демонстрируют интегративный подход к этой проблеме. В результате мы наблюдаем все более тесное взаимодействие биологических и социологических теорий, объясняющих причины преступности [1, с. 39–43]. Как нам представляется, существенное сближение указанных подходов начало происходить в 40–50 г.г. XX столетия. Одним из первых исследователей, объективно пришедших к необходимости интегративного подхода в объяснении феномена социального поведения, в том числе отклоняющегося, был Samuel A. Stouffer. Исследование взглядов этого ученого, сущности криминологической теории относительной депривации содержит настоящая статья.

Samuel A. Stouffer в большей степени доверял эмпирическим исследованиям и теории среднего уровня, разработанной Robert King Merton. В результате он выдвинул концепцию «промежуточных возможностей» для учета миграционных потоков. Самая известная иллюстрация таланта Samuel A. Stouffer применительно к использованию концепции среднего уровня проистекает из его самой знаменитой работы – фундаментальных исследований американских солдат времен Второй мировой войны [2; 3].

По сути дела, указанная работа послужила источником дальнейших научных исследований. Разработка теории относительной депривации являлась логическим продолжением, объясняющим встречающиеся странности в поведении людей, охваченных опросами. В этом отношении следует упомянуть факт удовлетворения медленным продвижением по службе среди военных полицейских и недовольством быстрым продвижением по служебной лестнице военнослужащих. Точно так же афроамериканские солдаты в южных лагерях были более удовлетворены жизнью, чем солдаты в северных лагерях.

Эти весьма нелогичные факты можно объяснить неправильным сравнением референтов. Сравнения, рассуждал Samuel A. Stouffer, были основными референтами: военная полиция сравнивала свое продвижение по службе с другой военной полицией, а не с военнослужащими, с которыми они практически не пересекались. В свою очередь, черные солдаты на юге сравнивали свою судьбу с черными гражданскими лицами на том же юге, а не с черными солдатами на севере, которые были вне поля зрения. Таким образом, автором был сделан вывод о том, что степень удовлетворения зависит от имеющихся у нас сравнений. Те-

ория относительной депривации стала основной концепцией социальных наук потому, что социальные суждения формируются не только по абсолютным стандартам, но и по стандартам, установленным социальными сравнениями [4, с. 29–42; 5, с. 89–113].

Сравнительный подход Samuel A. Stouffer применил уже в рамках исследования «The American Soldier» для объяснения кажущихся нелепостей. Похожие идеи ранее выдвигали Karl Heinrich Marx [6, с. 65–185] и Alexis de Tocqueville [7; 8]. В период между мировыми войнами общая теория относительности получила признание в физической науке, в то же время культурная антропология прочно утвердила понимание относительности в социальных науках.

Herbert Hayman был первым, кто отразил это явление в социальной психологии, введя теорию референтных групп [9, с. 353–359]. После окончания Второй мировой войны в американской социальной науке появилось множество сравнительных идей. Так, в области экономики в Гарварде представили родственную концепцию в том же году, когда Samuel A. Stouffer предложил концепцию референтной группы. Philip B. Dusenberry открыл инерционный эффект, известный как «эффект храповика» [10], характеризующийся нетерпимостью к любому снижению уровня жизни, чтобы понять объяснить поведение потребителей.

Samuel A. Stouffer, используя указанные выше наработки, определил понятие относительной депривации как ситуацию, когда определенные лица или группы лиц находятся в невыгодном положении по сравнению с соответствующим референтом, и что этот факт вызывает у них различные отрицательные эмоции. Интересно то, что центральной позицией концепции относительной депривации является анализ психологических отношений между отдельными лицами и их референтными группами. Необходимо отметить три важных компонента этих отношений, которые составляют сущностное ядро предложенной теории.

Так, у лиц, находящихся в состоянии относительной депривации, имеют место три психологических процесса:

- проведение когнитивного сравнения;
- проведение когнитивной оценки с выводом о том, что лично они или их группа находятся в неблагоприятном положении;
- это положение рассматривается как несправедливое и вызывает отрицательные эмоции.

Если хотя бы один из указанных процессов не проявляется, относительная депривация не имеет места быть. При таком определении она является, в первую очередь, социально-психологическим понятием. В таком случае основным элементом выступает субъективное состояние, на основании которого формируются эмоции, познания и, в конечном счете, поведение. Происходит интеграция межличностного и межгруппового уровней анализа. Это явление легко сочетается с другими социально-психологическими

процессами, обеспечивая обоснование более интегративной теории – первоочередную дисциплинарную потребность [11, с. 203–232].

Интересно то, что теория Samuel A. Stouffer ставит под сомнение постулат о ведущей важности абсолютной депривации. Эта позиция позволила появиться целому ряду любопытных исследований в психологии и социологии. Можно сказать, что в настоящее время концепция относительной депривации получила широкое признание не только в криминологии, но и в экономике, и во всех социальных науках. Поэтому можно утверждать, что теория относительной депривации является одной из большого семейства концепций и теорий, которые использовали относительные сравнения как в социологии, так и в психологии.

Следует подчеркнуть, что Samuel A. Stouffer предложил теоретический подход, а не статистически проверяемую теорию. Только недавно появились полноценные теории, допускающие прямую проверку. Например, был проведен метаанализ обширной исследовательской литературы, в которой упоминалась относительная депривация [12, с. 7–24].

Многие теории социальной психологии появляются и исчезают, но теория относительной депривации и связанные с ней идеи продолжают существовать. Так, Walter Runciman расширил конструкцию относительной депривации, констатируя важнейшие различия между индивидуальной и групповой [13, с. 183–202]. Люди могут верить, что они лично лишены какого-то социального блага или что социальная группа, к которой они принадлежат, лишена его. Эти чувства должны быть связаны с настроениями и поведением, присущими группе, такими как коллективные действия и даже предрассудки, тогда как на индивидуальном уровне они должны быть связаны с установками и поведением, характерными для индивида, например, такими, как академическая успеваемость и преступления против собственности.

Дальнейшие исследования относительной депривации предполагали множество взаимосвязей между этой теорией и другими дисциплинами. Так, был представлен подробный анализ развития индивидуальной относительной депривации применительно к работающим женщинам, изучены дополнительные связи между относительной депривацией и теориями социального сравнения, атрибуции, социальной идентичности, самокатегоризации, процессуальной справедливости и контрфактического мышления [14].

Центральная идея теории относительной депривации состоит в том, что индивидуальные реакции часто отличаются от тех, которые определены на макроуровне. Например, при проведении контрастных сравнений богатые могут быть неудовлетворены уровнем жизни, а бедные – вполне довольны. Этот факт демонстрирует различия результатов макро- и микроуровней.

Samuel A. Stouffer утверждает, что абсолютные уровни депривации индивидов и, тем более, ее

коллективные уровни лишь отчасти определяют чувство неудовлетворенности и несправедливости. Воображаемые альтернативы, прошлый опыт и сравнения с себе подобными также сильно влияют на такие чувства. Относительная депривация описывает эти субъективные оценки людей. Она предлагает исследователям логический способ объяснения социальных парадоксов. В том числе объясняет, почему часто отмечается небольшая взаимосвязь между объективным уровнем жизни и удовлетворенностью своим доходом [15, с. 385–401]. Объяснение строится на том, что объективно обездоленные люди часто сравнивают себя с другими, находящимися в такой же или худшей ситуации, в то время как объективно более благополучные люди часто сравнивают себя с теми, кто пользуется даже большим преимуществом, чем они имеют.

Указанную теорию не обошли критические стрелы. Так, в книге «Why men rebel» в процессе анализа Ted Robert Gurr недальновидно игнорирует социально-психологический компонент, как и тот факт, что относительная депривация – это феномен отдельных людей, а не общества [16]. Данное исследование было проведено на макроуровне, которое не затрагивает микроуровень теории Samuel A. Stouffer. Поэтому критики ошибочно представляли эту теорию как малоценную. Часто возникала классическая исследовательская ошибка, когда результаты макроуровня помещали в рамки микроуровня. В своей знаменитой книге о самоубийстве David Émile Durkheim [17] полностью осветил эту проблему. Хотя он не мог получить индивидуальные данные, но стремился получить данные из постоянно сужающихся совокупностей, чтобы уменьшить систематическую ошибку.

Большинство исследователей поддерживают выводы Samuel A. Stouffer, но имеются и такие, которые их нещадно критикуют. Для снижения накала страстей мы можем предложить следующие размышления. Так, в «The American Soldier» автор не измерял относительную депривацию как таковую. Скорее всего, он предположил ее наличие как объяснение серии парадоксальных результатов. Отсутствие четкого определения исследуемого явления и возможности его математического исчисления привело к большому количеству разнообразных и часто противоречивых результатов, которые мешают формулированию однозначных оценок. Поэтому многие исследования относительной депривации не соответствуют основным идеям этой концепции.

Одним из наиболее распространенных примеров является использование шкалы самоопределения [18, с. 276–301; 19, с. 243–249]. Эта методика заставляет респондентов ставить себя на десятиступенчатую лестницу, где верхняя ступенька обозначена как лучшая возможная жизнь, а нижняя – как наихудшая из возможных. При таком определении эта шкала измеряет расхождение между достижениями и стремлениями людей.

Но она не измеряет расхождения между их текущим статусом и ожиданиями в отношении того, чего они хотят и чего заслуживают, и того, как они к этому относятся. Следовательно, этот показатель подчеркивает когнитивный компонент относительной депривации в ущерб его критически важному аффективному компоненту.

При наличии широкого спектра неоднозначных суждений по поводу исследуемой теории, следует отметить ее непреходящую научную ценность. Она послужила основой для последующих исследований в социологии и криминологии. Появилось множество публикаций по междисциплинарной тематике. Также наш вывод о ценности подтверждается длительным периодом ее существования. С помощью теории Samuel A. Stouffer удалось внятно объяснить генезис парадоксальных эмоций, возникающих у определенных групп населения и служащих источником социального напряжения, которое, в свою очередь, иногда порождает девиантное, в том числе и преступное поведение. Следовательно, снижение указанного напряжения представляет, как мы считаем, значительный потенциал возможностей предупреждения преступности. Теория относительной депривации представляет собой пример взаимного проникновения биологического и социологического подходов в объяснении феномена преступности. Поэтому данная теория с полным правом может быть причислена к криминологическим теориям интегративного плана.

Литература

1. Гомонов, Н.Д. Личность преступника: анализ особенностей / Н.Д. Гомонов, В.М. Труш, П.П. Пирогов, В.П. Тимохов // Юридическая наука. 2019. № 5. С. 39–43.
2. Stouffer, Samuel A., Suchman, Edward A., DeVinney, Leland C., Star, Shirley A., and Williams, Robin, M. Jr. (1949) *Studies in Social Psychology in World War II: The American Soldier*. Vol. 1, *Adjustment During Army Life*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
3. Stouffer, Samuel A., Lumsdaine, Arthur A., Lumsdaine, Marion Harper, Williams, Robin M. Jr., Brewster, Smith M., Irving, L. Janis, Star, Shirley A., and Cottrell, Leonard S. Jr. (1949) *The American Soldier*, vol. 2, *Combat and Its Aftermath*. Princeton: N.J.: Princeton University Press.
4. Pettigrew, Thomas F. (1958) «Personality and sociocultural factors in intergroup attitudes: a cross-national comparison», *Journal of Conflict Resolution, Peace Science Society (International)*, vol. 2(1): 29–42.
5. Rezaev, Andrey V., Starikov, Valentin, Tregubova, Nataliya D. (2014) *Comparative Sociology: An overall outline and prospects for the future*. *Sociological Journal* 20(2): 89–113.
6. Маркс К. Ниццета философии // Маркс, К., Энгельс, Ф. Собр. соч. В 55-и т. Т. 4. – М., 1955. – С. 65–185.

7. Audier, S. (2004) *Tocqueville retrouvé. Genèse et enjeux du renouveau tocquevillien français*, Paris, Vrin-EHESS, «Contextes», 315 p.
8. Исаев, С.А. Алексис Токвиль и Америка его времени: [О трактате «О демократии в Америке»] / С.А. Исаев; Рос. АН, Санкт-Петербург. фил. Ин-та рос. истории. – СПб.: Наука: Санкт-Петербург. изд. фирма, 1993. – 141 с.
9. Hyman, Herbert H. (1968) «Reference Groups». In: David Sills (Ed.), *International Encyclopedia of the Social Sciences*, vol. 13, edited by Davis Sills. New York: Macmillan Company & Free Press. pp. 353–359.
10. Dusenberry, Philip B. (2007). 71, Adman, Dies. *The New York Times*, December 31, 2007.
11. Smith, Heather J., Pettigrew, Thomas F., Pippin, Gina M., Bialosiewicz, Silvana. (2011) Relative Deprivation: A Theoretical and Meta-Analytic Review, *Personality and Social Psychology Review* 16(3): 203–232.
12. Pettigrew, Thomas F. (2015) Samuel Stouffer and Relative Deprivation. *Social Psychology Quarterly* 78(1): 7–24.
13. Свищева, А.Н. Относительная депривация в условиях финансово-экономического кризиса / А.Н. Свищева // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 183–202.
14. Turner, Jonathan H. (2002) *Face to Face: Toward a Sociological Theory of Interpersonal Behavior*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 283 p.
15. Pettigrew, Thomas F. et al. (2008) Relative deprivation and intergroup prejudice. *Journal of Social Issues*, 64(2): 385–401.
16. Gurr, Ted Robert (1970). *Why men rebel*. Princeton: Princeton University Press. Pp. 407.
17. Дюркгейм, Э. Самоубийство: социол. этюд / Э. Дюркгейм; пер. с фр. А.Н. Ильинского. – Санкт-Петербург: Союз, 1998. – 492 с.
18. Diener, By et al. (1999) Subjective well being: three decades of progress. *Psychological Bulletin*, 125(2): 276–301.
19. Rask, Katja et al. (2009) Relationships among adolescent subjective well-being, health behavior, and school satisfaction. *The Journal of School Health*, 72(6):243–249.

el, or the cognitive component of relative deprivation is emphasized to the detriment of its critically important affective component. It is argued that Samuel A. Stouffer managed to clearly explain the genesis of paradoxical emotions that arise in certain groups of the population and serve as a source of social tension, which, in turn, can give rise to criminal behavior. Consequently, reducing this tension represents a significant potential for crime prevention capabilities.

Keywords: relative deprivation, criminality, criminological theories, social tension, deviant behavior, criminal behavior, sociological research, crime prevention.

References

1. Gomonov, N.D. Personality of a criminal: analysis of features / N.D. Gomonov, V.M. Trush, P.P. Pirogov, V.P. Timokhov // *Legal science*. 2019.No. 5.P. 39–43.
2. Stouffer, Samuel A., Suchman, Edward A., DeVinney, Leland C., Star, Shirley A., and Williams, Robin, M. Jr. (1949) *Studies in Social Psychology in World War II: The American Soldier*. Vol. 1, *Adjustment During Army Life*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
3. Stouffer, Samuel A., Lumsdaine, Arthur A., Lumsdaine, Marion Harper, Williams, Robin M. Jr., Brewster, Smith M., Irving, L. Janis, Star, Shirley A., and Cottrell, Leonard S. Jr. (1949) *The American Soldier*, vol. 2, *Combat and Its Aftermath*. Princeton: N.J.: Princeton University Press.
4. Pettigrew, Thomas F. (1958) "Personality and sociocultural factors in intergroup attitudes: a cross-national comparison," *Journal of Conflict Resolution, Peace Science Society (International)*, vol. 2 (1): 29–42.
5. Rezaev, Andrey V., Starikov, Valentin, Tregubova, Nataliya D. (2014) *Comparative Sociology: An overall outline and prospects for the future*. *Sociological Journal* 20 (2): 89–113.
6. Marx K. *Poverty of Philosophy* // Marx, K., Engels, F. *Sobr. op.* In 55 and so T. 4. – M., 1955. – S. 65–185.
7. Audier, S. (2004) *Tocqueville retrouvé. Genèse et enjeux du renouveau tocquevillien français*, Paris, Vrin-EHESS, "Contextes", 315 p.
8. Isaev, S.A. *Alexis Tocqueville and America of his time: [On the treatise "On Democracy in America"]* / S.A. Isaev; Grew up. Academy of Sciences, St. Petersburg. Phil. Institute grew up. stories. – SPb.: Science: Saint Petersburg. ed. firm, 1993. – 141 p.
9. Hyman, Herbert H. (1968) *Reference Groups*. In: David Sills (Ed.), *International Encyclopedia of the Social Sciences*, vol. 13, edited by Davis Sills. New York: Macmillan Company & Free Press. pp. 353–359.
10. Dusenberry, Philip B. (2007). 71, Adman, Dies. *The New York Times*, December 31, 2007.
11. Smith, Heather J., Pettigrew, Thomas F., Pippin, Gina M., Bialosiewicz, Silvana. (2011) *Relative Deprivation: A Theoretical and Meta-Analytic Review*, *Personality and Social Psychology Review* 16 (3): 203–232.
12. Pettigrew, Thomas F. (2015) *Samuel Stouffer and Relative Deprivation*. *Social Psychology Quarterly* 78 (1): 7–24.
13. Svishcheva, A.N. *Relative deprivation in the conditions of the financial and economic crisis* / A.N. Svishcheva // *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*. 2016. No. 5. S. 183–202.
14. Turner, Jonathan H. (2002) *Face to Face: Toward a Sociological Theory of Interpersonal Behavior*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 283 p.
15. Pettigrew, Thomas F. et al. (2008) *Relative deprivation and intergroup prejudice*. *Journal of Social Issues*, 64 (2): 385–401.
16. Gurr, Ted Robert (1970). *Why men rebel*. Princeton: Princeton University Press. Pp. 407.
17. Durkheim, E. *Suicide: Sociology. etude* / E. Durkheim; per. with fr. A.N. Ilyinsky. – St. Petersburg: Soyuz, 1998. – 492 p.
18. Diener, By et al. (1999) *Subjective well being: three decades of progress*. *Psychological Bulletin*, 125 (2): 276–301.
19. Rask, Katja et al. (2009) *Relationships among adolescent subjective well-being, health behavior, and school satisfaction*. *The Journal of School Health*, 72 (6): 243–249.

RELATIVE DEPRIVATION THEORY

Gomonov N.D., Trush V.M., Timokhov V.P.

Murmansk State Arctic University, Psychological Laboratory of the Russian Federal Penitentiary Service in Murmansk region, Ryazan branch of the Moscow Ministry of Internal Affairs University named after V.Y. Kikot

In this article, the authors analyze the essence of the theory of relative deprivation proposed by Samuel A. Stouffer. They refer this concept to integrative criminological theories, in which both biological and social determinants are indicated as the causes of crime. Attention is focused on the fact that the central element of the theory under study is the analysis of psychological relations between individuals and their reference groups. It is noted that the inconsistency of criticism in most cases is explained by situations when the results of the macrolevel are placed within the framework of the microlev-

Ненадлежащее исполнение обязанностей как основание привлечения контролирующих должника лиц к административной ответственности – подход законодателя и судебной практики

Маганкова Анна Алексеевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии, адвокат КА «ПАРТНЕР Смоленской области»
E-mail: aasivolova@rambler.ru

Одним из ключевых институтов правового регулирования современного этапа развития рыночной экономики в России выступает получивший широкое распространение институт банкротства. Нормативное регулирование данного института устанавливает императивную последовательность действий, подлежащих совершению уполномоченными лицами при выявлении признаков и критериев банкротства, закрепленных в ст. 3 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ. При этом необходимость четкой регламентации порядка и условий обращения должника (органов управления должника) в арбитражный суд с заявлением о признании несостоятельным (банкротом) обусловлена спецификой экономической деятельности хозяйствующих субъектов, а также характером правовых последствий коммерческого банкротства. Реалии правоприменения свидетельствуют об учащении случаев уклонения контролирующих лиц от своевременного обращения в арбитражный суд с соответствующим заявлением. В статье автором приводится анализ нормативного механизма привлечения к административной ответственности контролирующих лиц должника для целей обеспечения исполнения законодательных положений и беспрекословного соблюдения правил в каждой из банкротных процедур. Особое внимание уделяется практике применения ст. 14.12–14.13 КоАП РФ.

Ключевые слова: административная ответственность, контролирующие должника лица, банкротство.

Действующее российское законодательство устанавливает обязанность руководителя должника обратиться с заявлением в арбитражный суд при наступлении обстоятельств, которые свидетельствуют о невозможности юридического лица ответить по своим обязательствам перед кредиторами (неплатежеспособности), недостаточности имущества для исполнения обязательств [1].

Вместе с тем на практике контролирующие должника лица нередко предпринимают попытки уклонения от своевременного обращения в арбитражный суд с соответствующим заявлением. Такого рода поведение обусловлено целью получения возможности отсрочки возникновения экономически-негативных последствий для должника, неотвратимо наступающих при инициировании процедуры банкротства, а также создания препятствий для реализации механизма защиты прав и законных интересов его кредиторов и максимального удовлетворения требований по неисполненным должником обязательствам. Такое поведение небезосновательно признается противоправным, влечет за собой имущественные потери на стороне кредиторов и публично-правовых образований, нарушает как частные интересы субъектов гражданских правоотношений, так и публичные интересы государства [5].

При этом как свидетельствует практика применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» уклонение контролирующих должника лиц от исполнения обязанностей, установленных законом, часто распространено и при производстве по делу о банкротстве. Так, сокрытие имущества должника [4], вывод имущества и замещение неликвидными активами [6]. Нередки случаи неисполнения обязанности по передаче бухгалтерской, а также иной документации, отражающей финансово-хозяйственную деятельность должника, печатей, штампов, материальных и иные ценностей должника [7], удовлетворение требований кредиторов с предпочтением, в нарушение установленного порядка и очередности [10, 11, 8]; уклонение от исполнения судебного акта о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, при недостаточности имущества последнего и другие.

Для целей нивелирования обозначенной негативной тенденции, а также обеспечения исполнения законодательных положений и беспрекословного соблюдения правил в каждой из банкротных процедур законодатель предпринял ряд норма-

тивных мер. Так, в частности, противодействие названным выше девиациям административно-правовыми средствами предполагается осуществлять посредством реализации ответственности за такие правонарушения как – «Фиктивное или преднамеренное банкротство» (ст. 14.12 КоАП РФ), «Неправомерные действия при банкротстве» (ст. 14.13 КоАП РФ). В большинстве своем практика показывает, что наиболее частыми основаниями привлечения к ответственности выступают именно обозначенные выше действия контролирующих лиц [12].

Однако следует признать, что реализация ответственности за правонарушения, закрепленные в ст. 14.12, 14.13 КоАП РФ, в большинстве своем влечет определенные сложности на практике.

Возбуждение дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 14.12 КоАП РФ, напрямую связано с наличием достоверной информации о признаках преднамеренного и (или) фиктивного банкротства, отраженных в результатах финансового анализа хозяйственной деятельности должника либо в ходе проведения аудита.

В свою очередь, такой анализ, как и аудит, осуществляется на основании предоставляемых органами управления должника документации, отражающей деятельность предприятия, и сведений об имуществе и имущественных обязательствах.

Уклонение контролирующих должника лиц от передачи таких сведений и документов, их сокрытие, уничтожение или фальсификация, с достаточной степенью вероятности указывают на невозможность установления наличия или отсутствия признаков преднамеренного или фиктивного банкротства. Это косвенно подтверждают и официальные статистические данные. Так, согласно результатам процедур в делах о банкротстве за 3 кв. 2020 года, по признакам преднамеренного банкротства количество заключений о наличии таких признаков составило 541, количество заключений об отсутствии признаков – 11915, при этом количество заключений с признаком «недостаточно информации» – 1510. По признакам фиктивного банкротства количество заключений о наличии признаков составило 13, количество заключений об отсутствии признаков – 13464, а количество заключений с признаком «недостаточно информации» – 489 [14].

Хотя указанные обстоятельства и являются основанием к привлечению контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам должника при недостаточности имущества последнего, по правилам статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», однако они не уменьшают степени общественно-негативных последствий таких недобросовестных действий.

При оценке заявленных действий и степени их общественной вредности правоприменитель помимо прочего обладает также правом признания совершенного правонарушения малозначительным. Судебной практике такие случаи извест-

ны. Так, для обоснования возможности применения положений ст. 2.9 КоАП РФ суды указывают на признание вины, совершение правонарушения впервые, возвращение предмета сделки в конкурсную массу, отсутствие сведений о наличии негативных последствий в отношении общества и государства [13].

Незначительная статистика применения положений статьи 14.12 КоАП РФ обусловлена возможностью нивелирования негативных последствий для кредиторов в рамках участия в собраниях кредиторов должника-банкрота, инициации обособленных споров в рамках дела о банкротстве, направленных на возвращение в конкурсную массу ликвидного имущества, а также в рамках процедуры реализации субсидиарной ответственности или взыскания убытков.

Однако одна лишь экономическая целесообразность не может являться основополагающей – недостаточная активность участников производства по делу о несостоятельности (банкротстве), их пассивность, влечёт избежание виновными лицами административной ответственности.

При этом, факты привлечения контролирующих должника лиц к административной ответственности по составам статей 14.12, 14.13 КоАП РФ, в последствии указывают на наличие недобросовестности участников гражданского оборота, что является основанием неприменения правила об освобождении от финансовой ответственности по неисполненным обязательствам. В большинстве случаев привлечение к административной ответственности рассматривается в числе иных оснований субсидиарной ответственности контролирующих лиц [9]. Данное обстоятельство направлено на защиту имущественных прав кредиторов должника.

В части реализации правоприменения статьи 14.13 КоАП РФ, также наблюдается пассивность участников производства по делам о несостоятельности (банкротстве).

В частности, основной проблемой, с которой сталкиваются арбитражные управляющие является получение в необходимом объёме кадровой документации (по личному составу), бухгалтерской и иной документации, отражающей финансово-хозяйственную деятельность должника, его активы, размер неисполненных обязательств, совершённых сделок по отчуждению имущества и приобретению права требования.

Вопрос получения необходимых сведений, а также передачи контролирующими должника лицами арбитражному управляющему документации и имущества должника разрешается арбитражным судом в рамках рассмотрения заявлений об истребовании бухгалтерской и иной документации, имущества должника, разрешаемых в порядке частей 4 и 6–12 статьи 66 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Обращения арбитражных управляющих в территориальные Управления Росреестра субъектов Российской Федерации, органы прокуратуры

по указанным фактам, при наличии в действиях контролирующих должника лиц признаков административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена положениями статьи 14.13 КоАП РФ достаточно редки, и фактически выступают лишь дополнением, в механизме истребования документации, при уклонении органов управления должника от исполнения требований постановления суда.

Аналогичная ситуация складывается и при реализации вопроса привлечения контролирующих должника лиц к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.13 КоАП РФ. В данном случае возникшие негативные последствия купируются возможностью оспаривания заключенной сделки по мотивам совершения ее с предпочтением, правовыми последствиями которой будет являться возвращение всего полученного по такой сделке в конкурсную массу должника.

Таким образом, все действия участников производства по делу о несостоятельности (банкротстве) должника находятся в рамках экономического интереса кредиторов, действия которых направлены лишь к получению максимального удовлетворения требований, характеризуются низкой активностью участников производства, в том числе арбитражных управляющих, заключающихся в недостаточном взаимной контроле на предмет исполнения требований Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

При этом, контроль со стороны суда за характером действий участников производства по делам о несостоятельности (банкротстве), в частности – контролирующими должника лицами, кредиторами, действующим законодательством в достаточной степени не разработан.

Так, положения статьи 188.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, предоставляют суду право при выявлении, в рамках рассмотрения находящихся в производстве дел, фактов нарушения законодательства чётко определёнными субъектами, среди которых поименован субъект профессиональной деятельности – арбитражный управляющий, вынести частное определение, для устранения выявленных нарушений.

Однако статья 188.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации не предоставляет суду права вынести частное определение, к примеру, по факту неисполнения участниками производства по делу о несостоятельности (банкротстве) требований законодательства по передаче арбитражному управляющему документации, отражающей финансово-хозяйственную деятельность предприятия, и направить для принятия мер реагирования в территориальное подразделение Росреестра субъекта федерации.

Реализация привлечения к ответственности лиц, не исполнивших требования законодательства, возможна лишь посредством обращения арбитражного управляющего с соответствующим заявлением в территориальное подразделение Ро-

среестра субъекта федерации или иными участниками производства по делу о банкротстве, что влечёт для последних совершение действий, с достаточной степенью указывающих на отсутствие их экономической целесообразности.

Таким образом, реализация вопроса привлечения контролирующих должника лиц к административной ответственности в связи с ненадлежащим исполнением обязанностей, установленных Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» находится в прямой зависимости от активности участников производства по делу о несостоятельности (банкротстве), в том числе, арбитражного управляющего, по предоставлению необходимых сведений контролируемому органу для целей проведения проверки сообщений о наличии признаков административного правонарушения в действиях контролирующих должника лиц, в том числе в рамках проведения административного расследования, и принятия мотивированного процессуального решения по установленным обстоятельствам. Следует признать, что практика применения ст. 14.12, 14.13 КоАП РФ в большинстве своем реализуется судами в целом на основе общих подходов и требует своего обобщения.

Литература

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от № 447-ФЗ от 22.12.2020) «О несостоятельности (банкротстве)» – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 03.01.2020).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 22.12.2020) – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 03.01.2020).
3. Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (Федресурс): сайт – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://fedresurs.ru/> (дата обращения: 03.01.2021).
4. Определение Верховного Суда РФ от 27.12.2018 № 305-ЭС17-4004- [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 03.01.2020).
5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16 декабря 2020 г. № Ф05–21212/20 по делу № А41–105929/2019 – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 03.01.2020).
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17 ноября 2020 г. № Ф05–5546/19 по делу № А40–197873/2016- [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 03.01.2020).
7. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 21 июня 2018 г.

№ 09АП-23358/18- [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http:// https://kad.arbitr.ru/](http://https://kad.arbitr.ru/) (дата обращения: 03.01.2020).

8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.02.2020 по делу № А40–209505/2014- [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http:// https://kad.arbitr.ru/](http://https://kad.arbitr.ru/) (дата обращения: 03.01.2020).
9. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14 декабря 2020 г. № 09АП-60463/20 – [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http:// https://kad.arbitr.ru/](http://https://kad.arbitr.ru/) (дата обращения: 03.01.2020).
10. Определение Арбитражного суда города Москвы от 13.08.2019 по делу № А40–209505/2014- [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http:// https://kad.arbitr.ru/](http://https://kad.arbitr.ru/) (дата обращения: 03.01.2020).
11. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 09.12.2019 по делу № А40–209505/2014- [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http:// https://kad.arbitr.ru/](http://https://kad.arbitr.ru/) (дата обращения: 03.01.2020).
12. Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 9 января 2019 г. по делу № А65–34459/2018- [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http:// https://kad.arbitr.ru/](http://https://kad.arbitr.ru/) (дата обращения: 03.01.2020).
13. Решение Арбитражного суд Тверской области от 16 мая 2017 года по делу № А66–5331/2017- [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http:// https://kad.arbitr.ru/](http://https://kad.arbitr.ru/) (дата обращения: 03.01.2020).
14. Результаты процедур в делах о банкротстве за 3 кв. 2020 года – [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http:// https:// fedresurs.ru/news/e9e4ea38-3e8e-46de-9635-d59d6372cb94/](http://https://fedresurs.ru/news/e9e4ea38-3e8e-46de-9635-d59d6372cb94/) (дата обращения: 03.01.2020).

IMPROPER PERFORMANCE OF DUTIES AS A BASIS FOR BRINGING PERSONS CONTROLLING THE DEBTOR TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY – THE APPROACH OF THE LEGISLATOR AND JUDICIAL PRACTICE

Magankova A.A.

Smolensk branch of the Saratov state law Academy

One of the key institutions of legal regulation of the current stage of development of the market economy in Russia is the institution of bankruptcy that has become widespread. The normative regulation of this institution establishes an imperative sequence of actions to be performed by authorized persons when identifying signs and criteria of bankruptcy, enshrined in Article 3 of Federal Law No. 127-FZ dated 26.10.2002. At the same time, the need for clear regulation of the procedure and conditions for the debtor (debtor's management bodies) to apply to the arbitration court with an application for recognition as insolvent (bankrupt) is due to the specifics of the economic activity of economic entities, as well as the nature of the legal consequences of commercial bankruptcy. The reality of law enforcement

testifies to an increase in cases of evasion of controlling persons from a timely appeal to an arbitration court with a corresponding statement. In the article, the author provides an analysis of the regulatory mechanism for bringing the controlling persons of the debtor to administrative responsibility for the purpose of ensuring the execution of legislative provisions and unquestioning compliance with the rules in each of the bankruptcy procedures. Particular attention is paid to the practice of applying Art. 14.12–14.13 of the Administrative Code of the Russian Federation.

Keywords: administrative liability, persons controlling the debtor, bankruptcy.

References

1. Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ (as amended by № 447-F3 of December 22, 2020) «On insolvency (bankruptcy)» – [Electronic resource] – Access mode: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 03/01/2020).
2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 № 195-FZ (as amended on December 22, 2020) – [Electronic resource] – Access mode: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 03.01.2020).
3. Unified federal register of legally significant information about the facts of activities of legal entities, individual entrepreneurs and other subjects of economic activity (Fedresurs): website – [Electronic resource] – Access mode: <https://fedresurs.ru/> (date of access: 03.01.2021).
4. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 27, 2018 No. 305-ES17–4004- [Electronic resource] – Access mode: [http:// https://kad.arbitr.ru/](http://https://kad.arbitr.ru/) (date of access: 03.01.2020).
5. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of December 16, 2020 № F05–21212 / 20 in case № А41–105929 / 2019 – [Electronic resource] – Access mode: [http:// https://kad.arbitr.ru/](http://https://kad.arbitr.ru/) (date of access: 03.01.2020).
6. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of November 17, 2020 № F05–5546 / 19 in case № А40–197873 / 2016- [Electronic resource] – Access mode: [http:// https://kad.arbitr.ru/](http://https://kad.arbitr.ru/) (date of access: 03.01.2020).
7. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated June 21, 2018 № 09АП-23358 / 18- [Electronic resource] – Access mode: [http:// https://kad.arbitr.ru/](http://https://kad.arbitr.ru/) (date of access: 03.01.2020) ...
8. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 02/18/2020 in case № А40–209505 / 2014- [Electronic resource] – Access mode: [http:// https://kad.arbitr.ru/](http://https://kad.arbitr.ru/) (date of access: 03/01/2020) ...
9. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal of December 14, 2020 № 09АП-60463/20 – [Electronic resource] – Access mode: [http:// https://kad.arbitr.ru/](http://https://kad.arbitr.ru/) (date of access: 03.01.2020).
10. Determination of the Arbitration Court of the City of Moscow dated 08.13.2019 in case № А40–209505 / 2014- [Electronic resource] – Access mode: [http:// https://kad.arbitr.ru/](http://https://kad.arbitr.ru/) (date of access: 03.01.2020) ...
11. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated 09.12.2019 in case № А40–209505 / 2014- [Electronic resource] – Access mode: [http:// https://kad.arbitr.ru/](http://https://kad.arbitr.ru/) (date of access: 03.01.2020) ...
12. The decision of the Arbitration Court of the Republic of Tatarstan dated January 9, 2019 in case No. А65–34459 / 2018- [Electronic resource] – Access mode: [http:// https://kad.arbitr.ru/](http://https://kad.arbitr.ru/) (date of access: 03.01.2020).
13. The decision of the Arbitration Court of the Tver Region of May 16, 2017 in case No. А66–5331 / 2017- [Electronic resource] – Access mode: [http:// https://kad.arbitr.ru/](http://https://kad.arbitr.ru/) (date of access: 03.01.2020).
14. Results of procedures in bankruptcy cases for Q3. 2020 – [Electronic resource] – Access mode: [http:// https:// fedresurs.ru/news/e9e4ea38-3e8e-46de-9635-d59d6372cb94/](http://https://fedresurs.ru/news/e9e4ea38-3e8e-46de-9635-d59d6372cb94/) (date of access: 03/01/2020).

Генезис понятия «вещественные доказательства»: историко-правовой анализ

Оськина Ксения Николаевна,

аспирант Московского педагогического государственного университета (институт социально-гуманитарного образования)
E-mail: ksenia9881@yandex.ru

В статье рассматривается эволюция подходов к пониманию вещественных доказательств, охватывающая исторический период от Киевской Руси до современного российского государства, проводится комплексный анализ данного понятия. В работе определено, что развитие института вещественных доказательств включает четыре этапа, в рамках которых совершенствовались формы и принципы работы с вещественными доказательствами. При этом генезис правового института вещественных доказательств представлен как единый эволюционный процесс. Проведенное исследование позволяет утверждать, что развитие понятия «вещественные доказательства» связано с совершенствованием уголовно-процессуального законодательства и, в целом, системы доказывания, а также учитывает особенности социально-экономического развития, характерные для разных исторических периодов. Генезис данного понятия прошел сложный путь от ограниченной группы предметов – поличного как похищенного имущества – к огромному кругу материальных объектов, которые могут быть исследованы при современном уровне развития науки и техники. В настоящее время значение вещественных доказательств как носителей информации, служащей средством установления обстоятельств уголовного дела, будет возрастать по мере совершенствования научных методов их изучения и появления технических средств, основанных на новых физических принципах исследований. Данное обстоятельство окажет непосредственное влияние на раскрываемость преступлений, а понимание вещественных доказательств как результата эволюции в дальнейшем позволит более основательно и всесторонне определить их природу и сущность в теории и практике уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовный процесс России, институт доказательств, доказывание, вещественные доказательства, улики.

Знание прошлого, помогает объяснить и понять настоящее. Интерес к институту вещественных доказательств, прежде всего его генезису в уголовном процессе, обусловлен поиском путей решения современных проблем доказывания. Такой подход дает возможность рассматривать определенный объект как результат эволюции. В частности, для определения сущности и природы вещественных доказательств необходимо осуществить исторический экскурс, установить этапы развития объекта научного исследования.

Проблема эволюции института вещественных доказательств нашла свое отражение в работах: А.А. Барыгина, М.М. Выдри, Н.А. Иванова, Ю.В. Худяковой и др.

Кроме того, генезис института вещественных доказательств был проанализирован учеными-процессуалистами: Д.В. Ванявиным, П.В. Козловским и др.

Необходимо отметить, что развитие системы доказательств, их процессуальных источников непосредственным образом связано с экономическими, политическими, социальными условиями. При этом потребность в доказывании возникла в то время, когда были сделаны первые попытки ограничить месть и самоуправство путем введения обычаев и законов.

Для разрешения споров, которые неизбежно возникали в процессе усложнения общественных отношений, необходим был отдельный орган – суд, деятельность которого, в свою очередь, потребовала доказательств и доказывания, чтобы отстаивать свою правоту [1, с. 20].

Вещественные доказательства, подчеркивает М.М. Выдря, являются достаточно древним видом судебных доказательств, которые широко использовались в уголовном судопроизводстве [2, с. 5]. Так, к ранним памятникам древнерусского права, в которых есть упоминания о вещественных доказательствах, отечественные ученые относят «Договор русских с греками 911 года» князя Олега и «Договор русских с греками 945 года» князя Игоря [3, с. 287–293]. В то же время в этих документах прямо говорится только о показаниях, под которыми понимались внешние признаки преступления – например, раны, пятна крови [4, с. 151].

Эволюцию подходов к пониманию вещественных доказательств можно условно разделить на этапы, критерием выделения которых выступает соотношение понимания вещественного доказательства в определенный период с современной дефиницией процессуального источника доказательств:

I этап – употребление понятия «поличное лицо» вместо категории «вещественные доказательства» (XI в. – первая половина XVIII в.)

II – первое появление в законодательных актах термина «вещественные доказательства» без регламентации их процессуальной формы (вторая половина XVIII в. – первая половина XIX в.).

III – закрепление порядка сбора, фиксации, хранения вещественных доказательств (вторая половина XIX в. – 20-е годы XX в.).

IV – формулировка дефиниции вещественных доказательств близкой к определению, закрепленному в ст. 81 УПК РФ [5] (20-е годы XX в. – настоящее время).

Начало первого этапа связано с возникновением Русской Правды (XI–XII вв.). В ней вещественные доказательства определены через понятие «поличное», которым признавались «наличие трупа в чьем-то дворе, предметов кражи, поимка самого вора во время совершения преступления или наличие следов украденной вещи/следов самого преступника в чьем-то дворе» [6, с. 9–25]. Необходимо отметить, что такие вещественные доказательства на древнеславянском языке назывались «лица», что и отразилось в их названии как «поличное» [7, с. 585]. В. Сергеевич в своих работах относил к внешним признакам любые внешние следы, которые могли свидетельствовать о преступлении.

Таким образом, понятие «поличное» в уголовном судопроизводстве периода Киевской Руси охватывало вещи, предметы, обнаруженные у определенного лица или в его жилище, указывающие на это лицо как на совершившее преступление.

Доказательством были также внешние признаки нарушения права – телесные повреждения. В соответствии со ст. 29 Русской Правды: «Когда во двор придет окровавленный муж или с синяками, то свидетеля ему искать не надо ...». В то же время следы побоев не всегда признавались доказательствами. Так, согласно ст. 67 Русской Правды, в случае выдергивания во время драки пряди бороды или волос, того факта, что прядь волос вырвана, было недостаточно для наказания.

Также следует отметить, что лицу, которое было захвачено с «поличным», предоставлялось право доказать тот факт, что найденный предмет достался ему законным путем. В этом случае обвинения могли быть сняты, а поиск преступника продолжен.

На смену нормам обычного права Русской Правды на отдельных территориях государства пришли сборники литовского уголовного и уголовно-процессуального права. В частности, в Письме 1468 г. (судебнике) Казимира Ягайловича в Вильно, вместо понятия «поличное» используется «лицо». Впрочем, его значение остается неизменным, то есть имеются в виду украденные вещи, деньги, иное имущество [8, с. 7].

Необходимо отметить, что в данном законодательном акте четко прослеживается роль «лица», т.е. «поличного». В частности, при наличии пока-

заний свидетелей, называлось «сочиня соку», а отсутствие «лица» не имело значения для обвинения в совершении преступления. Такое понимание вещественных доказательств является логическим продолжением концепции формальных доказательств, заложенной в Русской Правде.

Так же стоит отметить, что на всех землях, входивших в состав Московского государства, в XV–XVI веках уголовное судопроизводство, а, следовательно, и система доказательств, регулировалась Судебниками 1497 г. и 1550 г.

В них также можно встретить упоминания о поличном: «А с поличным приведут его впервые, а будут говорить против него пять или шесть человек с божьей клятвой, что он тать известен, и к тому неоднократно воровал, то казнить его смертной казнью, а истцу заплатить с его состоянием» [9].

Уже в конце первого этапа в отдельных законодательных актах приобрел более детальную регламентацию процессуальный порядок получения поличного. Так, в Соборном уложении 1649 г. устанавливалось, что для извлечения поличного необходимо было присутствие пристава и двух понятых [10, с. 24–27].

Однако нарушение этого требования позволяло обвиняемому ставить вопрос о подбрасывании поличного и требовать проведения розыска [1, с. 24]. Поличное в соответствии с нормами Соборного уложения 1649 г., могло быть обнаружено при осмотре. Применялось и такое действие для отыскания поличного, как «гнать по следу» [11, с. 18].

Кроме того, в конце XVII в. – начале XVIII в. произошло расширение понятия «поличное» в результате включения в него орудий некоторых преступлений.

Следует отметить, что в этот период (вплоть до начала XVII в.) в России судебными разбирательствами занимались «судные мужи» (по сути «лучшие люди»), в обязанности которых входило рассмотрение уголовных и гражданских дел. Вместе с тем понятие «поличное» продолжало включать «наличие трупа в чьем-либо дворе, предметов кражи, поимку самого вора в процессе кражи или наличие следов украденной вещи или следов самого преступника в чьем-либо дворе» [2, с. 10–11]. Исследователи отмечают тот факт, что некоторые виды поличного в практике судных мужей начинают относить к неопровержимым, как например, раны и телесные повреждения [12, с. 13]. Кроме этого в артикуле 154 главы XIX Воинского устава Петра I указывается на то, что судьям необходимо обращать внимание на орудие убийства и возможность совершения преступления предметом, который был обнаружен около трупа [3, с. 287–293].

На основании изложенного можно выделить следующие особенности становления института вещественных доказательств в целом, и формирования понятия «вещественные доказательства», в частности:

– ограничение круга объектов, которые могли быть поличным, украденным имуществом

с расширением перечня доказательств за счет включения в него орудий;

- отнесение к доказательствам внешних следов преступления на теле человека;
- вспомогательная роль поличного, обусловлена доминированием теории формальных доказательств;
- почти полное отсутствие регулирования процедуры сбора, фиксации, хранения поличного.

Начало второго этапа связано с созданием проекта первого кодекса «Права, по которым судится малороссийский народ» 1743 г. Хотя он и не был утвержден, но получил широкое распространение на отдельных территориях государства [13, с. 62]. В нем нашли регламентацию все судебные доказательства, которыми были: собственное признание; письменные доказательства; показания свидетелей; присяга; пытки и истязания.

Считается, что именно в этом письменном памятнике впервые употребляется понятие «вещественные доказательства» по отношению к предметам, которые ранее назывались «поличным»: «если бы чьего слугу или человека, или подданного в доме господина его, или где-нибудь в другом месте поймали с вещественными доказательствами», «если господин или приказчик пойманного с поличным вора не отдаст в суд» [13, с. 65].

Однако В.А. Линовский первенство в применении понятия «вещественное доказательство» отдает Уставу Полевого уголовного судопроизводства 1795 года, параграф № 31 которого устанавливает норму, запрещающую отказываться («отрицаться») от выдачи необходимых для уголовного следствия вещественных доказательств [14, с. 127].

Отметим тот факт, что независимо от первенства применения понятия «вещественные доказательства», они входят в обиход на историческом отрезке, который мы относим ко второму этапу эволюции данного понятия. Таким образом, понятие «вещественное доказательство» впервые официально было закреплено в уголовном судопроизводстве [15, с. 199–200].

Также в данный период происходит пересмотр всей системы доказывания, что связывается с отменой Александром I пытки, применявшейся для доказательства вины, а Свод законов Российской империи 1836 г. закрепляет в числе вещественных доказательств не только внешние признаки преступления, но и орудия преступления. Однако следует отметить тот факт, что термин «вещественные доказательства», введенный в Свод законов, по-прежнему не применялся в системе доказывания.

Итак, характерными признаками второго этапа являются:

- официальное закрепление в законодательных актах понятия «вещественное доказательство»;
- установление требований к порядку хранения вещественных доказательств;

– формулировка открытого перечня предметов, которые могут быть вещественными доказательствами.

Судебная реформа 1864 г. на смену теории формальных доказательств, ввела теорию свободной оценки доказательств и ознаменовала начало третьего этапа.

В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. в ст. 371 дается определение вещественных доказательств путем перечисления широкого круга предметов [11, с. 22]. Предметы, вошедшие в этот перечень, отличаются по степени обобщения – от указания на конкретные предметы до больших групп. При этом И. Бентам связывает принадлежность вещественных доказательств с наличием на них следов преступления, а не ограничивается исключительно предметами [16, с. 51].

И.Я. Фойницкий предлагал понимать вещественные доказательства как изменения во внешнем мире, которые служат материалом для исследования и решения дела [17, с. 302–305]. Кроме того, автор указывает на законодательные недостатки, связанные с отсутствием единого подхода при перечислении предметов, которые могут быть вещественными доказательствами.

Письменные документы как вещественные доказательства предлагал рассматривать Н.Н. Розин. В то же время документы, по его мнению, способны заменить доказательства, которые не могут быть восприняты судом лично [18, с. 376].

До 1918 г. доказательства делились на полные и неполные. Полными доказательствами признавалось признание подсудимого, соучастников, а также документы, обнаруженные на месте совершения преступления.

К числу неполных доказательств принадлежали, прежде всего, косвенные доказательства: найденное у подсудимого орудие убийства или гильзы от оружия, которым убита жертва; яд, которым кто-то был отравлен, показания одного свидетеля и т.д.

Таким образом, вещественные доказательства, подавляющее большинство которых считалась именно косвенными, признавались неполными, что позволяет выделить следующие характерные особенности третьего периода:

- признание вещественных доказательств равнозначными другим, что обусловлено переходом от теории формальных доказательств к теории свободной оценки доказательств;
- разграничение вещественных доказательств и телесных повреждений, следов насилия и состояния здоровья, а также признаков преступления, характеризующих местность, труп и др.;
- распространение понятия «вещественные доказательства» на все письменные документы по признаку их материальности;
- начало активного доктринального исследования проблем вещественных доказательств.

На дальнейшее развитие уголовного судопроизводства в России существенно повлияли собы-

тия 1917 г., в связи с чем, предлагается именно этот период рассматривать как начало четвертого этапа.

Завершение Гражданской войны позволило кодифицировать процессуальное законодательство в СССР и в отдельных республиках. Так, согласно Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР, утвержденному Всероссийским Центральным исполнительным комитетом в 1922 г., была закреплена система доказательств, которая содержала перечисление признаков вещественных доказательств. При этом «Вещественными доказательствами считаются предметы, которые были орудиями совершения преступления, сохранили на себе следы преступления или которые были объектом преступных действий обвиняемого, а также все другие предметы и документы, которые могут быть использованы как средства для обнаружения преступления и избличения виновных лиц» [19, ст. 70].

Более полное определение вещественных доказательств было закреплено в ст. 83 Уголовно-процессуального кодекса (УПК РСФСР) 1960 г. «Вещественными доказательствами являются предметы, которые служили орудиями преступления, или сохранили на себе следы преступления, или были объектами преступных действий обвиняемого, а также деньги и иные ценности, нажитые преступным путем, и все другие предметы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления, установлению фактических обстоятельств дела, выявлению виновных либо к опровержению обвинения или смягчению вины обвиняемого». Также в данном УПК достаточно подробно были урегулированы процедуры хранения вещественных доказательств (ст. 84).

Вместе с тем, представляется не совсем правильным определение вещественных доказательств через категорию «предметы». Понятие «предмет», как подчеркивает Н.А. Иванов, в широком смысле ассоциируется лишь с частью материальных вещественных объектов живой и неживой природы [21, с. 25].

Долгое время в специальной юридической литературе шла дискуссия по этому поводу, которая, впрочем, была законодательно разрешена с принятием современного Уголовного процессуального кодекса. В нем вещественные доказательства были определены через понятие «материальные объекты», что позволяет не ограничиваться только лишь категорией «предмет».

Подводя итог, отметим, что характерными признаками четвертого этапа являются:

- четкое разграничение вещественных доказательств и письменных документов;
- перечисление в законодательной дефиниции вещественных доказательств групп объектов, равнозначных по степени обобщения;
- детальная регламентация процедуры сбора, фиксации, хранения, решения юридической судьбы вещественных доказательств;
- переход к определению дефиниции вещественных доказательств через родовое понятие «ма-

териальные объекты», что дает возможность расширить круг потенциальных вещественных доказательств.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что развитие понятия «вещественные доказательства» связано с совершенствованием уголовно-процессуального законодательства и, в целом, системы доказывания, а также учитывает особенности социально-экономического развития, характерные для разных исторических периодов.

Генезис данного понятия прошел сложный путь от ограниченной группы предметов – поличного как похищенного имущества – к огромному кругу материальных объектов, которые могут быть исследованы при современном уровне развития науки и техники.

Иными словами, их значение как носителей информации, служащей средством установления обстоятельств уголовного дела, будет возрастать по мере совершенствования научных методов их изучения и появления технических средств, основанных на новых физических принципах исследований.

Понимание вещественных доказательств как результата эволюции в дальнейшем позволит более основательно и всесторонне определить их природу и сущность в теории и практике уголовного процесса.

Литература

1. Козловский, П.В. Виды доказательств в уголовном судопроизводстве: эволюция, регламентация, соотношение: монография / П.В. Козловский – М.: Юрлитинформ, 2014. – 196 с.
2. Выдря, М.М. Вещественные доказательства в советском уголовном процессе / М.М. Выдря – М.: Гос. изд-во юрид. литературы, 1955. – 118 с.
3. Ванявин, Д.В. История развития института вещественных доказательств в уголовном процессе России / Д.В. Ванявин / Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 2.
4. Эверс, И.Ф.Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / И.Ф.Г. Эверс – СПб.: Типография Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1835. – 422 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 09.07.2020) / Российская газета. – 2001. – № 249.
6. Титов, Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России / Ю.П. Титов – М.: Проспект, 2008. – 464 с.
7. Сергеевич, В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. / В.И. Сергеевич – СПб.: Типография и хромофотография А. Траншеля, 1883. – 997 с.
8. Ковалева, С.Г. Судебник великого князя Казимира Ягайловича: монография / С.Г. Ковалева – Николаев: Изд-во ЧГУ, 2009. – 109 с.

9. Судебник 1497 года / Российская юстиция – 2006. – № 11. Электронный ресурс: <https://base.garant.ru/5311678/> Дата обращения: 17.02.2021 г.
10. Ситникова, А.И. Соборное уложение 1649 года как законописный правовой памятник / А.И. Ситникова / История государства и права. – 2010. № . 22.
11. Худякова, Ю.В. Вещественные доказательства в уголовном процессе. дис. ... к.ю.н.: спец. 12.00.09 Южно-Уральский государственный университет. – Челябинск, 2006. – 234 с.
12. Спасович, В.Д. О теории судебных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством / В.Д. Спасович – М.: ЛексЭст, 2001. – 93 с.
13. Кистьяковский, А.Ф. Права, по которым судится малороссийский народ / А.Ф. Кистьяковский – Киев: Университетская типография (И.И. Завадзского), 1879. – 1065 с.
14. Линовский, В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России / В.А. Линовский – М.: ЛексЭст, 2001. – 222 с.
15. Барыгина, А.А. Особенности оценки отдельных видов доказательств в уголовном судопроизводстве: монография / А.А. Барыгина – М.: Юрлитинформ, 2013. – 396 с.
16. Бентам, И. О судебных доказательствах: Трактат Иеремии Бентама. Пер. с франц. И. Горонвич / И. Бентам – Киев: Тип. М.П. Фрица, 1876. – 421 с.
17. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2-х т. Т. 2. / И.Я. Фойницкий – СПб.: Альфа, 1996. – 554 с.
18. Розин, Н.Н. Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям. 2-е изд., изм. и доп. / Н.Н. Розин – СПб.: Изд. юрид. книжн. склада «Право», 1914. – 546 с.
19. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР / Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – 1922. – № 20–21. Электронный ресурс: <http://docs.cntd.ru/document/901757376/> Дата обращения: 17.02.2021 г.
20. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР / Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. Электронный ресурс: https://lawrussia.ru/bigtexts/law_1506/page3.htm / Дата обращения: 17.02.2021 г.
21. Иванов, Н.А. Доказательства и источники сведений в уголовном процессе: проблемы теории и практики: монография / Н.А. Иванов – М.: Юрлитинформ, 2015. – 229 с.

THE GENESIS OF THE CONCEPT OF «MATERIAL EVIDENCE»: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

Oskina K.N.

Moscow State Pedagogical University

The article examines the evolution of approaches to the understanding of physical evidence, covering the historical period from Kievan Rus to the modern Russian state, and provides a comprehensive

analysis of this concept. The paper defines that the development of the institute of physical evidence includes four stages, within which the forms and principles of working with physical evidence were improved. At the same time, the genesis of the legal institution of material evidence is presented as a single evolutionary process. The study suggests that the development of the concept of «material evidence» is associated with the improvement of criminal procedure legislation and, in general, the system of evidence, and also takes into account the peculiarities of socio-economic development characteristic of different historical periods. The genesis of this concept has passed a complex path from a limited group of objects-red-handed as stolen property-to a huge range of material objects that can be studied at the current level of development of science and technology. At present, the importance of physical evidence as a carrier of information that serves as a means of establishing the circumstances of a criminal case will increase with the improvement of scientific methods of studying them and the emergence of technical means based on new physical principles of research. This circumstance will have a direct impact on the detection of crimes, and the understanding of physical evidence as a result of evolution in the future will allow us to more thoroughly and comprehensively determine their nature and essence in the theory and practice of criminal proceedings.

Keywords: criminal procedure of the Russian Federation, Institute of evidence, proof, evidence, evidence.

References

1. Kozlovsky, P.V. Types of evidence in criminal proceedings: evolution, regulation, correlation: monograph / P.V. Kozlovsky – M.: YurLitinform, 2014–196 p.
2. Vydrya, M.M. Material evidence in the Soviet criminal trial / M.M. Vydrya – M.: State Publishing House of Yurid. literature, 1955–118 p.
3. Vanyavin, D.V. History of the development of the Institute of material evidence in the criminal process of Russia / D.V. Vanyavin / Actual problems of Russian law. – 2009. – № 2.
4. Evers, I. F.G. The oldest Russian law in its historical disclosure / I. F.G. Evers-St. Petersburg: Printing House of the Headquarters of the Separate Corps of the Internal Guard, 1835. – 422 p.
5. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of 18.12.2001 (as amended on 09.07.2020) / Rossiyskaya Gazeta. – 2001. – No. 249.
6. Titov, Yu.P. Chrestomatiya po istorii gosudarstvennogo i prava Rossii [Anthology on the History of the State and Law of Russia].
7. Sergeevich, V.I. Lectures and studies on the ancient history of Russian Law. / V.I. Sergeevich – St. Petersburg: Tipografiya i khromolitografiya A. Transhelya, 1883–997 p.
8. Kovaleva, S.G. Sudebnik velikogo knyazya Kazimir Yagaylovicha: monografiya / S.G. Kovaleva – Nikolaev: ChSU Publishing House, 2009. – 109 p.
9. Sudebnik 1497 goda / Russian Justice – 2006. – No. 11. Electronic resource: <https://base.garant.ru/5311678/> date accessed: 17.02.2021.
10. Sitnikova, A.I. Sobornoe ulozhenie 1649 goda kak zakonopisnyy pravovoi pamyatnik [The Cathedral Code of 1649 as a law-writing legal monument]. – 2010. no. 22.
11. Khudyakova, Yu.V. Material evidence in the criminal process. dis. ... Ph. D.: spec. 12.00.09 South Ural State University. – Chelyabinsk, 2006. – 234 p.
12. Spasovich, V.D. On the theory of judicial evidence in connection with the judicial system and judicial proceedings / V.D. Spasovich – M.: Lexest, 2001. – 93 p.
13. Kistyakovsky, A.F. The rights on which the Little Russian people are judged / A.F. Kistyakovsky – Kiev: Universitetskaya tipografiya (I.I. Zavadzskogo), 1879. – 1065 p.
14. Linovsky, V.A. The experience of historical searches on investigative criminal proceedings in Russia / V.A. Linovsky – M.: Lexest, 2001. – 222 p.
15. Barygina, A.A. Features of the assessment of certain types of evidence in criminal proceedings: monograph / A.A. Barygina – M.: YurLitinform, 2013–396 p.
16. Bentham, J. About judicial evidence: The Treatise of Jeremiah Bentham. Translated from french I. Goronovich / J. Bentham – Kiev: Type. M.P. Fritz, 1876–421 p.
17. Foynitsky, I.Y. Course of criminal justice: in 2 t. T. 2. / I.Y. Foynitsky – St. Petersburg: Alfa, 1996. – 554 p.

18. Rozin, N.N. Criminal justice: a guide to lectures. 2nd ed., ed. and add. / N.N. Rozin – St. Petersburg: Yurid Publishing House. book. Pravo magazine, 1914. – 546 p.
19. Criminal Procedure Code of the RSFSR / Assembly laws and regulations of the RCP of the RSFSR. – 1922. – № 20–21. Electronic resource: <http://docs.cntd.ru/document/901757376> / date accessed: 17.02.2021.
20. Criminal Procedure Code of the RSFSR / Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR. – 1960. – No. 40. Electronic resource: https://lawrussia.ru/bigtexts/law_1506/page3.htm / date accessed: 17.02.2021.
21. Ivanov, N.A. Proofs and sources of information in the criminal process: problems of theory and practice: monograph / N.A. Ivanov – M.: Yurlitinform, 2015. – 229 p.

Современные способы совершения мошенничества в отношении имущества физических лиц с использованием интернет-ресурсов и технологий социальной инженерии

Рачева Нелли Витальевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета
E-mail: ekaterinburg@mail.ru

Балеевских Федор Валентинович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета
E-mail: bf61@mail.ru

Котов Василий Васильевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета
E-mail: kotov-1958@inbox.ru

На сегодняшний день как в России, так и во всем мире существует огромное количество способов совершения преступлений посредством обмана или злоупотребления доверием, всегда найдутся люди, желающие поживиться за чужой счет. Несмотря на постоянное совершенствование специализированных средств выявления и раскрытия преступлений, преступный элемент также не стоит на месте и изобретает все более новые и изощренные способы преступного завладения чужим имуществом. В статье рассматривается современный и достаточно распространенный способ совершения мошенничества в отношении имущества физических лиц с использованием Интернет-ресурсов. Психологическое манипулирование людьми является одним из многих шагов в более сложной схеме мошенничества. Для реализации преступных намерений мошенники используют технологии социальной инженерии, основанные на базовых проявлениях психологии пользователя.

Ключевые слова: мошенничество, социальная инженерия, Интернет-ресурс, доставка, поиск преступников.

Мошенничество совершается путем обмана или злоупотребления доверием, под воздействием которых владелец передает имущество либо право на него другим лицам. При этом у потерпевшего формируется ложная модель действительности и он добровольно выполняет те действия, которые приводят к отчуждению его имущества или права на него.

Мошенничество рассматривается как часть теневой экономики и причиняет серьезный ущерб благополучию населения и государственному устройству. Мошенники достаточно быстро реагируют на происходящие в социально-экономической сфере изменения, технологический прогресс, который приводит к увеличению функциональности и мощности оборудования, а также учитывают пробелы не только в правовых знаниях граждан, но и их психологическое состояние.

Количество преступлений, совершенных в 2019 г. в форме мошенничества увеличилось по сравнению с 2018 г. на 19,6%. Сохранилась тенденция к увеличению различного рода мошенничеств и в 2020 г. Их число возросло на 32,5%. В результате в структуре преступности на долю мошенничеств приходится более 16%. На преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, приходится одно из четырех регистрируемых преступлений. Больше половины совершаются с использованием сети Интернет[1]. В тоже время сохраняется достаточно высокий уровень латентности данных преступлений. Все это приводит к осложнению раскрытия и расследования мошеннических посягательств в отношении имущества физических лиц.

С криминалистической точки зрения расследование начинается с анализа криминалистической характеристики преступлений, которая используется для разработки типовых версий, планировании процесса расследования и производства отдельных следственных действий.

Следует уделить внимание обстановке мошеннических посягательств в зависимости от сферы социальной деятельности. В каждой сфере устанавливается определенный порядок выполнения действий. Но следует различать установленный и сложившийся порядок, нередко не совпадающий с нормами права. Субъекты мошеннических посягательств стараются не только обойти нормативные требования, но и используют имеющиеся там пробелы.

Некоторая часть мошенничеств совершается в благоприятных для обмана местах, где достаточно легко поддерживать у потерпевших заблуждение относительно реального характера и условий выполняемых операций, например, агентства недвижимости, торговые площадки, рынки, сфера коммуникации и др.

Центральным элементом криминалистической характеристики является способ совершения. В криминалистике сложилось устойчивое представление о способе совершения преступления как о системе или комплексе детерминированных условиями внешней среды и психофизическими свойствами личности преступника, взаимосвязанных действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, осуществляемых преступником в определенном порядке и направленных на достижение преступной цели, которые могут быть связаны с избирательным использованием соответствующих орудий или средств, условий места и времени [2]. В способе мошенничества на первый план выходят те его информационные стороны, которые становятся результатом проявления вопреки закономерностей отражения основных свойств избранного способа обманных действий для достижения преступных целей [3]. Следует акцентировать внимание на том, как мошенник осуществлял обман, какие следы и где необходимо искать, как субъект скрывал их.

Способы совершения мошеннических посягательств состоят из действий по подготовке, завладению имуществом и сокрытию преступления. Большинство преступлений совершаются с предварительной подготовкой, которая заключается в подыскании жертвы; создании условий, облегчающих совершение преступления; осуществление провокационных действий в отношении пострадавшего, вытекающих из специфики способа совершения посягательства. С этой целью преступник должен войти в доверие к потерпевшему и сформулировать путем обмана у него желание на совершение конкретной операции. Доверие со стороны потерпевшего выступает элементом сокрытия мошенничества. Речь идет о том, что он, как правило, не заявляет в правоохранительные органы о совершенном преступлении.

Способы мошеннических посягательств в отношении физических лиц достаточно разнообразны. В настоящее время мошенники разрабатывают и внедряют в практику способы обмана, учитывая не только изменения в социально-экономической сфере жизни, рост научно-технического прогресса, но и отставание технической грамотности ниже необходимого уровня у основной части населения и его психологическое состояние. Речь идет об использовании мошенниками технических средств и методов социальной инженерии для совершения мошеннических посягательств в отношении физических лиц.

Социальная инженерия представляет из себя «взлом» человеческого сознания без использования технических средств в целях побуждения по-

терпевшего к совершению действий по передаче преступнику конфиденциальной информации или предоставления доступа к ресурсам ограниченного пользования в обход системы безопасности. Методы социальной инженерии основываются на базовых проявлениях психологии человека. [4]

Социальная инженерия – это наука, позволяющая найти коммуникации с людьми и выяснить, что вам необходимо. Она широко применяется в теории защиты информации и выступает как психологическое манипулирование людьми с целью совершения определенных действий. Речь идет о действиях, побуждающих человека к выполнению действия, которое может или не может быть в его интересах. Человек, как носитель информации, является самым уязвимым звеном, т.к. владеет: номером кредитной карты, комбинацией учетных данных (логин и пароль), данными для доступа к онлайн-банку и т.п. Социальная инженерия основана на использовании слабостей человеческого фактора и очень эффективна. С одной стороны, это личностные качества: наивность, доверчивость, невнимательность, страх, лояльность к чужим слабостям. С другой – качественные, профессиональные: недостаток знаний при использовании современных технологий, игнорирование инструкций и др. Поэтому социальную инженерию и называют «взломом» человека.

С помощью психологического манипулирования человека заставляют делать то, что он делать не собирался. Цель того, кто использует приемы социальной инженерии – управлять людьми, проникнув в их систему мышления. Субъекты мошеннических посягательств являются настоящими экспертами в деле обнаружения человеческих слабостей и умеют обратить эти слабости себе на пользу. Они искусно манипулируют различными человеческими эмоциями, например, любопытством, щедростью, алчностью, страхом и др. В результате этого люди становятся жертвами мошенников.

Техники социальных инженеров разнообразны, но их объединяет одно – в основе лежат когнитивные искажения (то есть человеческая глупость и невнимательность). [5] Когда нас пытаются обмануть, это приводит к печальным последствиям, жертва подчиняется воле мошенника и выполняет действия в его интересах. Поэтому необходимо внимательно присматриваться к окружению и перепроверять поступающую информацию, чтобы выполнить действия в своих интересах. Не позволяйте вас обмануть! Продумывайте свои действия! Обеспечивайте свою безопасность!

Рассмотрим использование методов социальной инженерии для достижения преступных целей на примере работы крупного российского Интернет-ресурса Авито. На сегодняшний день существует множество веб-сайтов в сети Интернет, где люди осуществляют различные операции по приобретению или продаже товаров. Одним из таких является Интернет-сервис Авито, где жертвами мошенников могут стать и продавцы,

и покупателя. Условия работы описаны на официальном сайте Авито, вся информация доступна и требуется только ознакомиться с данными правилами. Компания также предлагает клиентам определенные услуги, связанные с доставкой товара в другой регион или город, и позволяющие экономить время продавцу для оформления пересылки товара и получения денежных средств.

Сервис Авито-доставка включает определенную последовательность действий, которая является выгодной продавцу, поскольку покупатель из другого города оформляет доставку через личный кабинет «Авито». Причем 20% стоимости товаров возможно оплатить бонусами. И продавец для получения денежных средств переходит по ссылке, которую ему отправят. Для проверки подлинности карты компания удерживает с его карты 50% от стоимости товара. В течение 5–10 минут средства будут возвращены продавцу вместе с оплатой товара. После получения оплаты, с продавцом свяжется курьер для выяснения места и времени передачи товара. Компания доставит товар к дому покупателя. Кажется, что условия достаточно безопасные и позволяют совершить сделку быстро и получить деньги, не выходя из дома.

Схема мошеннических действий выглядит следующим образом. После размещения на сайте товара для продажи, продавцу достаточно быстро поступает сообщение, как правило, на мессенджеры WhatsApp, Telegram, Viber от «покупателя», где в дальнейшем и происходит вся переписка.

«Покупатель» подробно интересуется товаром и задает вопросы по его состоянию, когда приобрели, какие есть недостатки, как хранили и др., создавая впечатление, что реально заинтересован в покупке. Для большего впечатления «покупатель» указывает для чего ему нужен товар, например, занимаюсь мехами, перешиваю и продаю и пр.

Далее «покупатель» пишет, что он из другого города и уточняет возможность отправки товара. Продавец, как правило, соглашается и «покупатель» начинает проговаривать детали дальнейших действий. Если продавец делает попытки дозвониться до «покупателя» и предложить отплатить почтой или через другие организации, то звонок не проходит. На что «покупатель» как правило пишет, что возникли проблемы со связью и т.д. и предлагает через Авито-доставку оформить пересылку товара, чтобы было надежно и спокойно продавцу.

И здесь «покупатель» описывает условия безопасной доставки и подчеркивает, что его карта уже проверена, так как она проверяется только один раз при первом оформлении. Он уверяет, что постоянно так покупает и никогда не было никаких проблем, товар и оплата за него проходили нормально. Для большего доверия «покупатель» указывает в переписке, что он оформляет, оплачивает товар, продавец подтверждает оформление и привязывает свою карту к сервису. После проверки продавец получит деньги и затем с ним свя-

жется представить Авито. «Покупатель» сообщает, что есть 2 варианта доставки: продавец сам относит на пункт отправки Авто или через курьера, который приедет к продавцу и заберет товар. Причем курьерская служба не оплачивается. Требуется от продавца лишь указать получателя, который и оплатит посылку. Выглядит весьма надежно, о чем еще раз напоминает «покупатель».

Как правило, неопытный добросовестный продавец, не подозревающий никакого обмана и не ознакомившись с полными условиями доставки (где указано самое главное, что продавец получает деньги только после того, как покупатель забрал и проверил товар) соглашается с предложениями мошенников. В другой ситуации, продавец сомневается и сообщает, что подумает, так как есть большой риск для обеих сторон при доставке. «Покупатель» торопит продавца быстрее принять решение, иначе будет рассматривать другие предложения.

В дальнейшем осторожный продавец, не доверяя сторонним пунктам отправки, сообщает «покупателю», что согласен только на более надежную доставку почтой с оплатой наложенным платежом. Это естественно вызывает возмущение у «покупателя», который заявляет, что уже целый год пользуется Авито, и как показала практика, это наиболее удобно, безопасно и быстрее происходит доставка. На предложение продавца отправить товар только почтой, «покупатель» исчезает.

В ситуации, когда продавец доверяет «покупателю», который сообщает, что он оплатил товар на Авито и осталось только подтвердить продажу (не уточнив каким образом), деньги придут на карту и остается только отправить товар. Получив ссылку, что товар оплачен, продавец подтверждает заказ и вводит номер банковской карты, срок действия и CVV-код и получает от банка код-подтверждение на списание указанной суммы. И все равно, доверяя «покупателю», и не вникая, что речь идет именно о списании суммы, потерпевший завершает операцию по-своему карт-счету и мошенники получают денежные средства за «купленный» товар. Продавец лишается той суммы, за которую он выставлял товары на продажу, и оплачивает комиссию за перевод на карту другого банка.

В обеих ситуациях продавцы находятся в условиях риска, поскольку из-за невнимательности, доверчивости и нежелания потратить время на полное изучение условий работы сервиса Авито, доверяют мошенникам. Публикуя объявление, продавец может выбрать в разделе «Контакты» способ связи «В сообщениях» (что предполагает переписку только в чате Авито и номер телефона остается закрытым). Чат Авито блокирует все сообщения со ссылками и адресами электронной почты для защиты пользователей от мошенников.

Однако, желая быстрее реализовать товар, продавцы, как правило, выбирают способ связи с потенциальными покупателями и в сообщениях, и по телефону. Поэтому номер становится из-

вестным неограниченному кругу лиц, в том числе мошенникам. Для предупреждения возможности мошеннических операций, компания никогда не оформляет доставку по ссылкам на сторонние сайты, а также в сторонних мессенджерах. Отправителем является сам сервис и все сообщения приходят в чат, где слева размещен логотип Авито. Но преступники маскируют свои сайты под Авито и присылают ссылки на них. Оформление сайта очень схоже с официальным сайтом сервера Авито и адреса сайтов могут различаться одним знаком, что весьма сложно распознать потребителю, либо расположением логотипа в другом месте, либо другие незаметные для продавца отличия.

После списания денег, потерпевшему следует написать заявление в полицию, банк и службу поддержки сервера. Авито может блокировать профиль мошенника, но не вернуть списанные банком деньги. Поскольку банковская операция проводилась по карте с применением технологии, обеспечивающей безопасность с помощью карт в сети Интернет, возврат денежных средств также невозможен. Дело в том, что для подтверждения правомерности использования карты операция проводится с применением метода 3D-SECURE (технология, позволяющая обеспечить безопасность проведения операций с помощью карт в сети Интернет), а также одноразовый пароль. Кроме этого, банк направляет PUSH/sms-уведомление для подтверждения транзакции.

В правоохранительных органах потерпевший заполняет заявление, где описывает произошедшую ситуацию. Дежурная часть выдает талон-уведомление о том, что заявление принято. Для дачи показаний пострадавшего не вызывают и спустя некоторое время он получает постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, так как факт мошенничества не подтвержден.

Такие случаи являются сложными, поскольку потерпевшие не вступали в непосредственный контакт с преступниками и перечисляли денежные средства путем электронных расчетов. Чем раньше потерпевший обратится в правоохранительные органы, тем больше шанс установить мошенников. Дело в том, что в период до трех часов после присвоения денежных средств, преступники редко блокируют аккаунты и избавляются от номеров, к которым они привязаны. Это значительно облегчает поиск мошенников. В таких ситуациях необходимо провести опрос заявителя, получить скриншоты переписки с мошенниками и выписки из банка, опросить свидетелей, если потерпевший может указать на них.

Проверку необходимо начинать с опроса потерпевшего. Прежде всего следует выяснить обстоятельства знакомства с субъектами предполагаемого мошенничества, где и как это произошло, как осуществлялись контакты, кем представился неизвестный, каким образом была достигнута договоренность о сделке по купле-продаже имущества, выполнение действий каждой из сторон, признаки отчуждаемого имущества, состояние и документы

на него. Однако, мошенники, как правило, закупают денежными средствами потерпевшего путем списания банком с карты пострадавшего конкретной суммы за реализуемый товар.

Следует учитывать и то, что пострадавший осуществляет связь с мошенниками в мессенджерах, поэтому исключается возможность описания признаков внешности указанных лиц. При опросе потерпевшего целесообразно применять приемы детализации показаний, создание обстановки доверия, метод хронологии для уточнения логических связей.

Проводится изучение документов, имеющихся у потерпевшего. Речь идет о скриншотах размещения информации о реализации товара на конкретном Интернет-ресурсе, переписки заявителя с мошенником, выписки из банка о совершении оспариваемой транзакции.

В ряде ситуаций должна проверяться версия и об инсценировке мошенничества. По результатам проведенной проверки следователь принимает решение о возбуждении уголовного дела либо выносит постановление об отказе в возбуждении.

Литература

1. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главное управление правовой статистики и информационных технологий. Состояние преступности за январь-декабрь 2019 г. С. 6. Режим доступа: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/034/sbornik_12_2019.pdf; Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главное управление правовой статистики и информационных технологий. Состояние преступности за январь-декабрь 2020 г. С. 6. Режим доступа: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/925/sbornik_9_2020.pdf.
2. Зуйков Г.Г. Поиск по признакам способов совершения преступлений. М., Изд-во ВШ МВД СССР, 1970. С. 86; Драпкин Л.Я., Уткин М.С. Понятие и структура способа совершения преступления. Проблемы борьбы с преступностью. Омск. ВШ МВД СССР, 1978. С. 131–132.
3. Волохова О.В. Особенности расследования мошенничества, совершаемого в отношении граждан. М., 2003. Автореф.дисс...канд. юрид. Наук. С. 13.
4. Бахтеев Д.В. О некоторых современных способах мошенничества в отношении имущества физических лиц//Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 3. С. 24.
5. Сивчук Е.С. Социальная инженерия как способ мошенничества//Молодой ученый. 2020. № 41 (331). С. 128.

MODERN METHODS OF COMMITTING FRAUD IN RELATION TO THE PROPERTY OF INDIVIDUALS USING INTERNET RESOURCES AND SOCIAL ENGINEERING TECHNOLOGIES

Racheva N.V., Baleevskikh F.V., Kotov V.V.
Ural state law University

Today, both in Russia and around the world, there are a huge number of ways to commit crimes through deception or abuse of trust, there are always people who want to profit at someone else's expense. Despite the constant improvement of specialized means of detecting and solving crimes, the criminal element also does not stand still and invents more and more new and sophisticated methods of criminal possession of other people's property. The article considers a modern and fairly common method of committing fraud against the property of individuals using Internet resources. Psychological manipulation of people is one of many steps in a more complex fraud scheme. To implement criminal intentions, fraudsters use social engineering technologies based on the basic manifestations of the user's psychology.

Keywords: fraud, social engineering, Internet resource, delivery, search for criminals.

References

1. The General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Main Directorate of Legal Statistics and Information Technologies. The state of crime for January-December 2019 C. 6. Access mode: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/034/sbornik_12_2019.pdf; General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Main Directorate of Legal Statistics and Information Technologies. The state of crime for January-December 2020 C. 6. Access mode: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/925/sbornik_9_2020.pdf.
2. Zuikov G.G. Search based on the methods of committing crimes. M., Publishing house of the Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1970. S. 86; Drapkin L. Ya., Utkin M.S. The concept and structure of the method of committing a crime. Problems of combating crime. Omsk. High School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1978. S. 131–132.
3. Volokhova O.V. Features of the investigation of fraud committed against citizens. M., 2003. Abstract of the thesis ... cand. jurid. Science. P. 13.
4. Bakhteev D.V. On some modern methods of fraud in relation to the property of individuals // Russian law: education, practice, science. 2016. No. 3. P. 24.
5. Sivchuk E.S. Social Engineering as a Way of Fraud // Young Scientist. 2020. No. 41 (331). P. 128.

К вопросу о мотиве в неосторожных преступлениях с точки зрения уголовного права

Соболевский Всеволод Дмитриевич,

студент Юридической школы ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»

E-mail: sobolevskiy.vsevolod@mail.ru

В данной работе автор исследовал мотив в неосторожных преступлениях и его влияние на уголовно-правовую квалификацию совершённого виновным лицом деяния, в которое включены как определение состава преступления, так и индивидуализация наказания. Цель исследования состоит в определении роли мотива в неосторожных преступлениях в рамках уголовно-правовой материи. Мы находим подобное важным, поскольку это позволит правильно квалифицировать преступное деяние со стороны правоохранительных органов и судов, а также учитывать все обстоятельства конкретного дела при вынесении судебных актов, в частности – приговора. Автор рассматривал мотив, с одной стороны, как специфический психологический элемент определяющий деятельность человека, с другой – как формально закреплённый уголовно-правовой термин, а также сопряжённые с ним особенности квалификации противоправного деяния.

Ключевые слова: мотив, мотив преступления, неосторожное преступление, мотив безответственности, потребность, волевой процесс, уголовно-правовая квалификация.

Деятельность человека весьма разнообразна и так или иначе строится на определённых потребностях. Они, в свою очередь, порождают внутреннее стремление, ведущее к осуществлению действия или бездействия, т.е. мотив. Однако далеко не всякая деятельность, в том числе и преступная, совершается преднамеренно: часть поступков людей связана с их неосторожными действиями. В таком контексте возникает вопрос о возможности наличия мотива в неосторожных преступлениях, а также о его влиянии на уголовно-правовую квалификацию совершённого деяния.

Раскрытие проблемы мотива в неосторожных преступлениях имеет важное значение для уголовного права. Данное способствует уточнению составов по отдельным преступлениям, а также раскрытию вопроса индивидуализации наказания. По итогу это позволит суду правильно устанавливать преступность действий или бездействия лица, а также выносить наиболее справедливую санкцию за совершённое деяние.

Далее под **мотивом преступления** мы будем понимать *«обусловленное определенными потребностями и интересами побуждение, которое вызывает у лица решимость совершить преступление и проявляется в нем»* [1, с. 64]. В целом, данное определение является классическим для уголовного права и встречалось у многих авторов. К примеру, А.И. Коробеев толкует данное понятие как *«обусловленное определенными потребностями внутреннее побуждение, которым виновный руководствовался при совершении преступления»* [2, с. 261]; схожей позиции придерживались В.А. Уткин и А.В. Шеслер [3, с. 207], а В.П. Ревин рассматривал его как *«побудительный стимул, источник активности человека»* [4, с. 217]. Также можно вспомнить достаточно оригинальное толкование мотива, данное Н.Г. Ивановым: *«Деяние – одно из значений термина «поведение»»*. *«Преступление же, по глубокому убеждению автора, является разновидностью поведенческого акта. Мотив, следовательно, также разновидность поведенческого акта. Рассуждая о мотивах преступного деяния, автор имеет в виду универсальное значение мотива, способного детерминировать как акт преступного, так и не преступного поведения»* [5, с. 10–11]. В данном случае, автор исходит из понятия мотива, получившего распространение в психологии, т.е. как форму человеческого поведения, определяющего направление деятельности лица. Можно привести ещё ряд иных работ, где раскрывается понятие мотива преступления, однако в целом они будут схожи с тем определением, что было описано первоначально.

Сам по себе рассматриваемый вопрос представляется достаточно сложным. **Во-первых**, весьма проблематично определить источник самого мотива. Исходя из теоретических построений П.С. Дагеля, Д.П. Котова и Б.С. Волкова, мотив содержит в себе две структурные части: **потребность** и **волевой процесс**. **Потребность** связана с чувством неудовлетворённости сложившимися общественными отношениями, что приводит лицо к желанию изменить наличествующие положение дел путём совершения преступления. Как отмечали Дагель и Котов «потребности, осознаваясь, переживаясь как особого рода чувство неудовлетворённости и проходя процесс мотивации, порождают мотив, как побуждение осознанное; оцененное и принятое человеком в качестве идеального основания и оправдания своего поведения» [6, с. 179]. Можно сказать, что **потребность** выступает как материальное основание для совершения последующих преступных действий. Если рассматривать умышленные преступления, то здесь интерес лица определить достаточно просто, поскольку умысел связан с его конкретными желаниями. В неосторожных преступлениях подобное выявить тяжело, так как у виновного нет видимых причин для изменения общественных отношений. **Во-вторых**, не ясно каким образом проявляет себя **волевой процесс**. Если потребность выступала как материальная база для преступления, то **волевой процесс** связан со стремлением человека проявить мотив в действительности, т.е. реализовать необходимые мероприятия для достижения преступного результата. Как писал Б.С. Волков «возникшее побуждение, по общему правилу, вначале носит характер неопределённого влечения. По мере того, как это побуждение осознаётся человеком и соотносится с объектом и целью, оно приобретает характер желания и хотения. Но ни хотение, ни тем более желание, как бы они не были выражены, само по себе не имеют решающего значения в волевой процессе, посредством которого определяется действие. Хотение, как и желание, ещё не выражает действия. Оно не определяет динамическую сторону человеческого поведения, не переходит в «наличное бытие» [7, с. 18]. В умышленных преступлениях волевой процесс виден наглядно, т.к. виновный совершает определённые действия, которые по итогу должны реализовать мотив. Однако в неосторожных деяниях, сложно говорить о том, что лицо как-то стремится к какой-либо цели. Лицу просто незачем что-либо делать, ибо у него нет заинтересованности в изменении общественных отношений.

Чтобы понять, присутствует ли мотив в неосторожных преступлениях, необходимо рассмотреть психологические особенности с ними связанные. «Психологический механизм неосторожного преступного поведения весьма своеобразен. Лицо, совершающее такое деяние, не осознаёт общественно опасного характера своего действия или бездействия и не только не желает или сознательно допускает наступления вредных последствий,

но либо вообще их не предвидит, либо, предвидя, рассчитывает на предотвращение общественно опасного результата» <...>. «При преступной неосторожности характер причиняемого вреда определяется не столько степенью нравственной испорченности личности, сколько сферой деятельности субъекта, характером используемых им орудий и средств, ситуацией, в которой совершается деяние, а также многими другими обстоятельствами, которые могут быть случайными для субъекта» [8, с. 297]. Можно сказать, что неосторожность связана, главным образом, не с определённым желанием достижения криминального результата, а с действиями, которые в независимости от стремлений лица приводят к общественно-опасным последствиям. Виновный, в свою очередь, не стремится к совершению преступления, но его деяние приводит к преступному результату, по той причине, что не предвидит опасности, которую он порождает своим поведением.

Однако деятельность человека всё таки является мотивированной, и, можно предположить, что лицо, совершая те или иные действия, приводящие к неосторожным преступлениям, тоже преследует какие-либо цели. В.А. Нерсисян, на основании работ Б.С. Волкова, П.С. Дагеля и В.Н. Куряцева выражает следующую позицию: «В уголовно-правовой литературе высказано мнение о том, что специфика волевого содержания преступления, совершаемого по неосторожности, состоит в том, что оно имеет собственные мотив и цель, не распространяющиеся на общественно опасные последствия, а заключающиеся в актах поведения, несовместимых с обязанностями лица. И при совершении указанных преступлений общественно опасные последствия являются не целью действий лица, а побочным, вторичным их результатом, последствием вторичного порядка» [9, с. 17]. На основании вышеизложенного положения, можно заключить, что мотив в неосторожных преступлениях связан с неисполнением или ненадлежащим исполнением возложенных на лицо обязанностей. Если мы исходим из этого, то потребность выступает как нежелание исполнения какого-либо действия, а **волевым процессом** – отказ от совершения предписанных действий. **Мотив**, при таком рассмотрении, проявляется в безответственном отношении виновного к возложенным на него обязанностям, т.е. выражается как **мотив безответственности**. При том, само неосторожное деяние является побочным продуктом изначально не преступного поведения. Ведь «в самом общем плане можно сказать, что специфику неосторожных преступлений и их причин отражает такое взаимодействие объективного и субъективного, при котором неосторожное причинение вреда представляет собой противоречие между объективными требованиями ситуации, предъявляемые к личности, и неадекватным субъективным восприятием личности этой ситуации». «Это противоречие чаще всего и приводит к ошибочным решениям и действиям лица» [10, с. 55].

Тем не менее, вышеописанное положение необходимо рассмотреть на конкретных нормах Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [11]. Уголовно-наказуемые мотивы условно можно разделить на две большие группы:

- отягчающие мотивы, т.е. указанные ст. 63 УК РФ:
 - политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть, или вражда либо по мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;
 - мести за правомерные действия других лиц;
- являющиеся частью состава преступления, т.е., включённые в статьи УК РФ:
 - корыстные побуждения (ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 126, ст. 153, ст. 154, ст. 155, ч. 2 ст. 206, ч. 1 ст. 215.2, ч. 3 ст. 215.3, ч. 2 ст. 228.2, ч. 1 ст. 245);
 - найм (ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 111, ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 206 УК РФ);
 - хулиганские побуждения (ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 111, ч. 2 ст. 112, ч. 2 ст. 115, ст. 116, ч. 2 ст. 167, ч. 1 ст. 207, ч. 1 ст. 215.2, ч. 3 ст. 215.3, ч. 1 ст. 245, ст. 267.1);
 - кровная месть (ч. 2 ст. 105);
 - месть (ст. 277, ст. 295, ст. 317, ч. 1 ст. 321 УК РФ);
 - политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть, или вражда либо по мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 111, ч. 2 ст. 112, ч. 2 ст. 115, ст. 116, ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, ч. 4 ст. 150, ч. 1 ст. 213, ч. 2 ст. 214 УК РФ);
 - корыстная или иная личная заинтересованность, а также корыстная заинтересованность (ч. 1 ст. 145.1, ч. 2 ст. 145.1, ст. 170, ч. 1 ст. 181, ч. 3 ст. 183 ч. 1 ст. 200.4, ч. 2 ст. 272, ч. 2 ст. 273, ч. 1 ст. 285, ч. 1 ст. 285.3, ч. 1 ст. 292, ч. 3 ст. 299, ч. 1 ст. 324, ч. 1 ст. 325.1 УК РФ);
 - иные низменные побуждения (ст. 153, ст. 154 УК РФ);
 - мотивы достижения предпенсионного возраста работником (ст. 144.1 УК РФ);
 - мотивы беременности работницы (ст. 145 УК РФ).

Мотив безответственности не входит ни в одну из вышеперечисленных категорий. Кроме того, если касаться отягчающих мотивов, то исходя из положений ст. 63 УК РФ, их перечень, как и перечень отягчающих обстоятельств – исчерпывающий. В тоже время, представляется весьма сомнительным, что мотив безответственности может быть отнесён к смягчающим обстоятельствам на основании ст. 62 и 64 УК РФ, в силу своего характера. Тут можно вспомнить позицию А.И. Рарога, который писал, что «учёные, доказывающие наличие мотивов и целей в неосторожных преступлениях, допускают смешение уголовно-правового и криминологического подхода к этим явлениям». «Криминология имеет дело с различными формами человеческого поведения, так или иначе связанного с преступлением. Поэтому вполне естественно,

что предметом криминологического анализа могут быть мотивы не только криминального, но также докриминального и посткриминального поведения». «Поскольку же уголовным правом исследуется только преступное деяние, то из всех мотивов, которым определялось социально значимое поведение определённого лица, для уголовного права важны только те, которые побудили его совершить преступление и проявились в нём, то есть преступные мотивы или точнее – мотивы преступления» [1, с. 62–63]. Автор, в данном случае, говорит о том, что уголовное право рассматривает только те мотивы, что прямо указаны в уголовном законе. Мотив безответственности в данном случае выпадает из поля зрения уголовного права, поскольку он не указан в УК РФ и не рассматривается законодателем как мотив преступления. Тем не менее, рассматриваемое явление может выступать как в качестве формы докриминального поведения, которое обуславливает преступное деяние, но не является частью состава преступления. В целом, мы считаем, что данная позиция вполне верна. Мотив как психологическая категория исследуется не только уголовным правом, и было бы неверно все его виды и формы объявлять урегулированными уголовным законом. Кроме того, **основанием уголовной ответственности**, в соответствии со ст. 8 УК РФ, является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ. Исходя из этой нормы, **мотив преступления** представляется чётко очерченной законодательной категорией, в которой рассматриваются только те мотивы, что прямо указаны в уголовном законе. По этой причине **мотив у неосторожных преступлений**, т.е. **мотив безответственности, отсутствует**, поскольку не затрагивает уголовную правовую квалификацию деяния ни в плане состава преступления, ни в плане индивидуализацию наказания.

Тем не менее, как упоминал сам Рарог, иные мотивы, не указанные в УК РФ, могут рассматриваться в рамках криминологии. Хоть мотив в неосторожном преступлении не имеет значения для уголовного права, тем не менее его криминологический анализ в рамках личности преступника видится актуальным. Его рассмотрение позволит более подробно изучить личность неосторожного преступника, и понять, какие его персональные качества приводят к общественно-опасным последствиям.

Литература

1. Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М.: ООО «Профобразование», 2001. – 133 с.
2. Полный курс уголовного права: Преступление и наказание. В 5-ти томах. Т. 1 / Под ред.: Коробеев А.И. – С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2008. – 1133 с.;
3. Уголовное право. Общая часть: учеб. пособие / под общ. ред. В.А. Уткина, А.В. Шеслера. –

Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. – 600 с.

4. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. В.П. Ревина. – М.: Юстицинформ. 2016. – 580 с.
5. Иванов Н.Г. Мотив преступления как генетический признак субъекта: монография. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 108 с.
6. Дагель П.С. Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и её установление. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1974. – 243 с.
7. Волков Б.С. Мотивы преступлений: уголовно-правовое и социально-психологическое исследование. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1982. – 149 с.;
8. Зорькина А.А. Преступления, совершенные по неосторожности: некоторые уголовно-правовые и криминологические аспекты // Законность и правопорядок. № 1. 2010. С. 297.
9. Нерсесян В.А. Ответственность за неосторожные преступления. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 223 с.
10. Квашиш В.Е. Преступная неосторожность: социально-правовые и криминологические проблемы. Владивосток: Изд-во. Дальневосточного ун-та, 1986. – 190 с.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

ON THE QUESTION OF MOTIVE IN RECKLESS CRIMES FROM THE POINT OF VIEW OF CRIMINAL LAW

Sobolevskiy V.D.

Far Eastern Federal University

In this article author research motive in careless crime and its influence on crime qualification of committed act which included element of a crime definition and punishment's individualization. The research's purpose is discovery a careless crime motive role in crime legislation. This is important because law enforcement agency and courts will be able to make right qualification of crime and consider whole case's circumstances at decide of judge's sentences in generally and penal sentence in particular. Author view motive as psychological element of man's activity and official fixing crime term with its features for illegal act's qualification.

Keywords: motive, motive of crime, carelessness crime, motive of irresponsibility, requirement, volitional process, crime qualification.

References

1. Rarog A.I. Surjective Side and Crime's Qualification. М.: ООО «Profobrazovanie», 2001. – 133 p.
2. The Full Course of Crime Law: Crime and Punishment. In 5 volumes. Vol. 1 / Under redaction of Korobeev A.I. – Saint-Peterburg.: Yurid. center Press, 2008. – 1133 p.;
3. Crime Law. Common Part: study book / under general editorship of V.A. Utkina, A.V. Shesler. – Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2016. – 600 p.
4. Crime Law of Russia. Common Part: Textbook / under redaction of V.P. Revin. – М.: Yusticinform. 2016. – 580 p.
5. Ivanov N.G. Crime's motive as genetic attribute of subject: monograph. – М.: INFRA-M, 2018. – 108 p.
6. Dagel P.S., Kotov D.P. Subjective Side of Crime and Its Determination. Voronezh: Publishing of Voronezh University, 1974. – 243 p.
7. Volkov B.S. Motives of crimes: crime and Socio-psychology Reserch. Kazan: Publishing of Kazan University, 1982. – 149 c.;
8. Zorkina A.A. Careless Crime: Some Crime and Criminology aspects // Zakonnosti and Pravoporiadok. № 1. 2010. P. 296–300.
9. Nersisyan V.A. Responsibility for Careless Crime. – Saint-Peterburg.: «Yuridicheskie center Press» Publishing, 2002. – 223 p.
10. Kvashis V.E. Criminal Careless: Social-Legal and Criminology Problems. Vladivostok: Publishing of Far-Eastern University, 1986. – 190 p.
11. Crime Code of Russia from 13 June 1996. N63-ФЗ (redaction from 30.12.2020) [Digital source]. Access from reference-information system «KonsultantPlus».

К вопросу о современных видах охотничьих наконечников – бродхедов, и исследовании повреждений, образованных ими на различных видах ткани одежды

Сумина Алина Владимировна,

адъюнкт кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: alinasumina95@gmail.com

В статье рассматривается многообразие современных видов охотничьих наконечников – бродхедов, для стрел арбалетов и луков, имеющих инсерт с резьбой, а также исследование повреждений, образованных ими на различных видах ткани одежды.

Наглядно продемонстрированы некоторые виды охотничьих наконечников – бродхедов, для каждой из трех групп исследуемых наконечников: I группа – бродхеды с дополнительными неподвижными лезвиями и/или режущими кромками, II группа – бродхеды с дополнительными подвижными лезвиями/роликами, которые свободно вращаются или раскрываются после попадания в преграду, III группа – бродхеды без дополнительных лезвий, а также повреждения, образованные ими на различных видах ткани одежды, полученные в результате проведения экспериментальных исследований.

Полученные в ходе экспериментальных исследований результаты, позволили установить характер происхождения повреждений, обосновать определенные выводы и рекомендации, которые будут полезны эксперту в ходе производства трасологической экспертизы механических повреждений на одежде, образованных стрелами с охотничьими наконечниками – бродхедами.

Ключевые слова: охотничьи наконечники, метательное стрелковое оружие, механические повреждения на одежде, механизм слеодообразования, трасологическая экспертиза, экспериментальное исследование.

Современные охотничьи наконечники называют «Broadhead» (бродхеды), их конструкция может быть как однолезвийной, так и многолезвийной. В настоящее время, в продаже находятся наконечники оживальной или конической формы имеющие грани и/или режущие кромки, в том числе, снабженные «роликами» свободного вращения, дополнительными подвижными лезвиями, которые раскрываются после попадания наконечника в преграду, с целью повышения поражающей способности [3]. А как известно, особенности строения наконечника существенно влияют на свойства метательного стрелкового оружия в целом [4].

В отличие от охотничьего метательного стрелкового оружия, при покупке и применении таких наконечников не нужно иметь охотничий билет и разрешение на ношение и хранение оружия – такие наконечники находятся в свободной продаже, благодаря обширной сети интернет-магазинов.

Применение таких наконечников может способствовать их использованию в криминальных целях, ввиду того, что такие наконечники подходят для всех лучных и арбалетных стрел в которых есть инсерт с внутренней резьбой, то есть, по факту, их могут использовать не только для универсальных спортивно-охотничьих арбалетов и луков (охотничье метательное стрелковое оружие), но и для арбалетов и луков для спорта, отдыха и развлечения.

В связи с чем, автором было проведено экспериментальное исследование, направленное на отражение многообразия современных видов охотничьих наконечников – бродхедов, и механических повреждений, образованных ими на различных видах ткани одежды.

Одежда с механическими повреждениями может стать единственным источником, содержащим криминалистически значимую информацию об особенностях, механизме действия и др., ввиду того что она в течении длительного периода времени довольно полно и точно воспроизводит следы воздействия повреждающих ее предметов.

Исследование следов механических повреждений на одежде, образованных стрелами с охотничьими наконечниками – бродхедами, требует от эксперта комплексного подхода к их исследованию, поскольку в данном случае необходимы специальные знания не только в области трасологии, но и в области метательного стрелкового оружия и его метаемых снарядов (стрела+наконечник), что позволит не только решить значительный круг вопросов, но и в целом расширить возможности производства трасологической экс-

пертизы механических повреждений на одежде, результаты которой позволят установить характер исследуемых повреждений, механизм их следообразования, сузить круг проверяемых объектов (охотничьих наконечников), а в некоторых случаях даже решить вопросы связанные с идентификацией конкретного наконечника. Как справедливо отмечает Н.П. Майлис, «комплексный подход при исследовании повреждений одежды по-прежнему является актуальным направлением» [2], с чем, безусловно, нельзя не согласиться.

Так, наглядно продемонстрируем по одному охотничьему наконечнику – бродхеду, для каждой из трех групп исследуемых наконечников и повреждению, образованному стрелой с данным наконечником:

- Охотничьи наконечники – бродхеды I группы (с дополнительными неподвижными лезвиями и/или режущими кромками), к данной группе относится бродхед Torpoint TP238 (рис. 1–5).

Охотничий наконечник I группы – бродхед Torpoint TP238

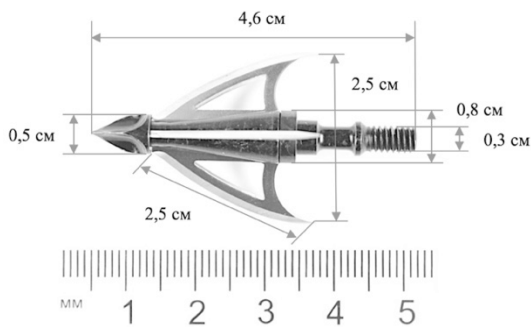

Рис. 1. Охотничий наконечник Torpoint TP238

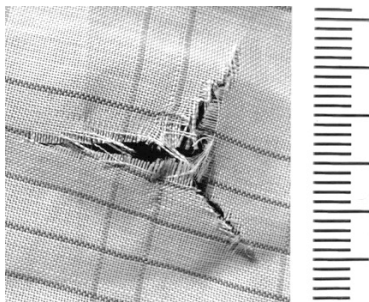

Рис. 2. Лицевая сторона повреждения, образованного стрелой с охотничьим наконечником Torpoint TP238 на ткани, содержащей в своем составе синтетические волокна: полиэстер, эластан

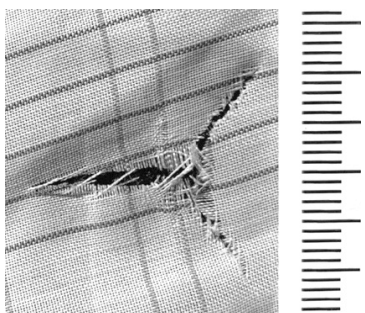

Рис. 3. Обратная сторона повреждения, образованного стрелой с охотничьим наконечником Torpoint TP238 на ткани, содержащей в своем составе синтетические волокна: полиэстер, эластан

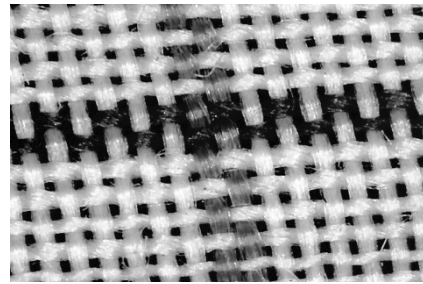

Рис. 4. Увеличенное изображение вида ткани

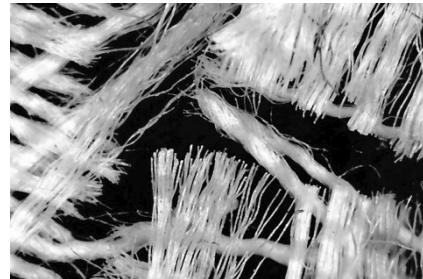

Рис. 5. Увеличенное изображение повреждения (в части разреза) под микроскопом. В результате исследования указанного повреждения под микроскопом, было установлено, что стрелой с данным наконечником образовано: резаное повреждение

- Охотничьи наконечники – бродхеды II группы (с дополнительными подвижными лезвиями/роликками, которые свободно вращаются или раскрываются после попадания в преграду), к данной группе относится бродхед Aircraft (рис. 6–10).

Охотничий наконечник II группы – бродхед Aircraft

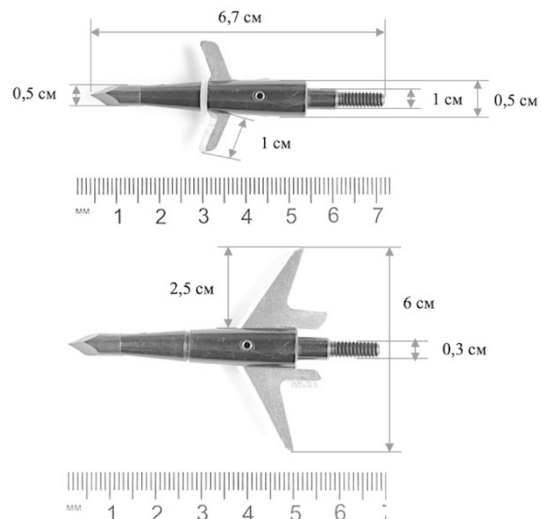

Рис. 6. Охотничий наконечник Aircraft

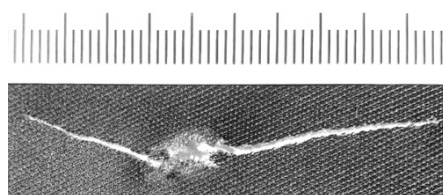

Рис. 7. Лицевая сторона повреждения, образованного стрелой с охотничьим наконечником Aircraft на ткани, содержащей в своем составе синтетические волокна: нейлон, полиэстер, лайкра

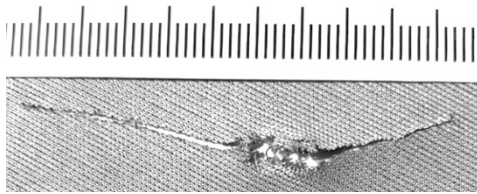

Рис. 8. Обратная сторона повреждения, образованного стрелой с охотничьим наконечником Aircraft на ткани, содержащей в своем составе синтетические волокна: нейлон, полиэстер, лайкра

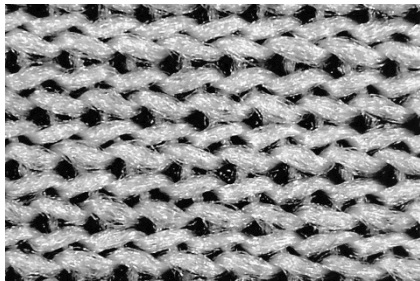

Рис. 9. Увеличенное изображение вида ткани

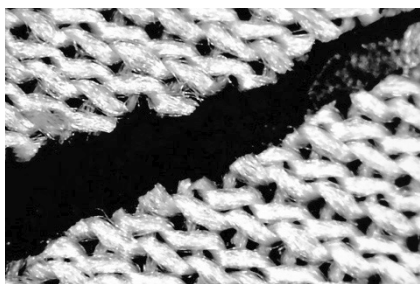

Рис. 10. Увеличенное изображение повреждения (в части разреза) под микроскопом.

В результате исследования указанного повреждения под микроскопом, было установлено, что стрелой с данным наконечником образовано: колото-резаное повреждение.

- Охотничьи наконечники – бродхеды III группа (без дополнительных лезвий), к данной группе относится бродхед Spiral (рис. 11–15).

Охотничий наконечник III группы – бродхед Spiral

Рис. 11. Охотничий наконечник Spiral

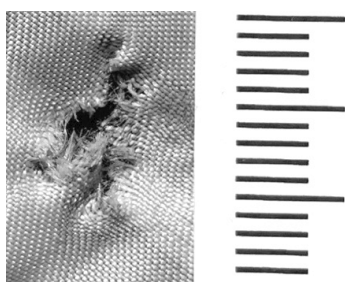

Рис. 12. Лицевая сторона повреждения, образованного стрелой с охотничьим наконечником Spiral на ткани,

содержащей в своем составе синтетические волокна: полиэстер; искусственные волокна: вискоза; натуральные волокна: хлопок

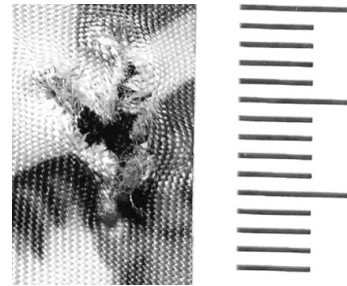

Рис. 13. Обратная сторона повреждения, образованного стрелой с охотничьим наконечником Spiral на ткани, содержащей в своем составе синтетические волокна: полиэстер; искусственные волокна: вискоза; натуральные волокна: хлопок

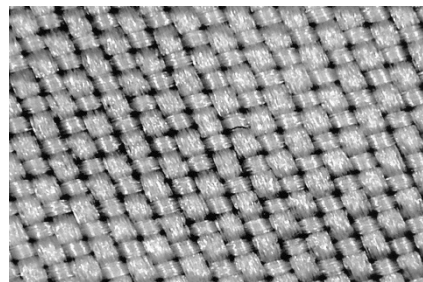

Рис. 14. Увеличенное изображение вида ткани

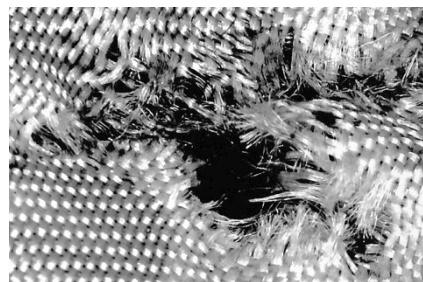

Рис. 15. Увеличенное изображение повреждения (в центральной части) под микроскопом

В результате исследования указанного повреждения под микроскопом, было установлено, что стрелой с данным наконечником образовано: колотое повреждение.

Таким образом, в результате экспериментального исследования было установлено, что стрелами с охотничьими наконечниками – бродхедами I–III группы, на различных видах ткани одежды образуются:

- 1) Резаные повреждения;
- 2) Колотые повреждения;
- 3) Колото-резаные повреждения;
- 4) Повреждения, образованные тупым орудием.

При этом, необходимо помнить, что на установление характера происхождения повреждения влияют морфологические признаки [1], выявленные в ходе экспертного исследования указанных видов повреждений, которые в свою очередь могут варьироваться:

- в зависимости от вида (материала) ткани;
- степени натяжения ткани;

- скорости полета метаемого снаряда (стрелы);
- используемой группы (I–III) охотничьих наконечников – бродхедов, и самого используемого наконечника;
- угла нанесения повреждения и др.

Подводя итог стоит сказать, что проведенное экспериментальное исследование позволило наглядно показать некоторые виды охотничьих наконечников – бродхедов I–III групп, перечень которых, безусловно, не является исчерпывающим, а также повреждения, образованные ими на различных видах ткани одежды, установить характер их происхождения (резаное, колотое, колото-резаное и др.).

Знания в области метательного стрелкового оружия, в частности современных видов охотничьих наконечников – бродхедов, позволяют эксперту-трасологу правильно оценить выявленные в ходе экспертного исследования признаки указанных повреждений, а также повысить эффективность производства трасологической экспертизы механических повреждений на одежде, образованных стрелами с охотничьими наконечниками – бродхедами.

Литература

1. Майлис Н.П. Творческий подход при решении экспертных задач как залог эффективности и качества производства судебных экспертиз. – Москва: Вестник Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, № 2, 2017. – С. 71–73;
2. Майлис Н.П. Экспертиза повреждений одежды как источник доказательств // Теория и практика судебной экспертизы, № 4 (36), 2014. – С. 102–104;
3. Сумина А.В. Исторические аспекты метательного оружия и его криминалистическое исследование на современном этапе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, № 5, 2019. – С. 180–183;

4. Сумина А.В. Современное метательное стрелковое оружие как объект криминалистического исследования // Судебная экспертиза, № 2 (62), 2020. – С. 134–142.

ON THE QUESTION OF MODERN TYPES OF HUNTING TIPS – BROADHEADS, AND THE STUDY OF DAMAGE FORMED BY THEM ON VARIOUS TYPES OF CLOTHING FABRIC

Sumina A.V.

Moscow university of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya

The article discusses the variety of modern types of hunting tips – broadheads, for arrows of crossbows and bows with an insert with a thread, as well as the study of damage caused by them on various types of clothing fabric.

Some types of hunting tips – broadheads are clearly demonstrated for each of the three groups of studied tips: group I – broadheads with additional fixed blades and / or cutting edges, group II – broadheads with additional movable blades / rollers that freely rotate or open after being hit obstacle, group III – broadheads without additional blades, as well as damage formed by them on various types of clothing fabrics, obtained as a result of experimental studies.

The results obtained in the course of experimental studies made it possible to establish the nature of the origin of the damage, substantiate certain conclusions and recommendations that will be useful to the expert in the course of the traceological examination of mechanical damage on clothing, formed by arrows with hunting tips – broadheads.

Keywords: hunting tips, throwing small arms, mechanical damage to clothing, track formation mechanism, traceological examination, experimental research.

References

1. Mailis N.P. A creative approach in solving expert problems as a guarantee of the efficiency and quality of the production of forensic examinations. – Moscow: Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya, No. 2, 2017. – S. 71–73;
2. Mailis N.P. Examination of damage to clothing as a source of evidence // Theory and practice of forensic examination, No. 4 (36), 2014. – P. 102–104;
3. Sumina A.V. Historical aspects of throwing weapons and their forensic research at the present stage // Humanities, socio-economic and social sciences, No. 5, 2019. – P. 180–183;
4. Sumina A.V. Modern throwing small arms as an object of forensic research // Forensic examination, No. 2 (62), 2020. – P. 134–142.

Проблемы легализации (отмывания) денежных средств через криптовалюту

Дорж Энхтур,

адъюнкт Академии управления МВД России, капитан полиции
E-mail: d.enkhtur@yandex.ru

Хайрутдинова Ирина Викторовна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Академии управления МВД России
E-mail: au-lingva@mail.ru

Статья рассматривает проблему отмывания денежных средств через криптовалюту. Криптовалюты как новый вид цифровых активов появились относительно недавно. Многим все еще непонятно, что это, зачем нужны криптовалюты и как с ними взаимодействовать. Вследствие этого избранная тема исследования приобретает особую значимость.

В статье представлена краткая характеристика криптовалюты как инструмента легализации (отмывания) денежных средств, приобретенных преступным путем, анализируются правовые аспекты оборота криптовалюты в России, США, Монголии, дана оценка рискам ее использования в целях легализации доходов, приобретенных преступным путем. При этом отмечается, что с 2018 г. крупнейший майнинг-оператор – японская компания GINCO действует на территории Монголии. При данных обстоятельствах оборот криптовалюты в стране будет увеличиваться, а значит, возрастут риски ее использования в преступных целях.

Ключевые слова: отмывание денег, криптовалюта, преступление, уголовная ответственность, Монголия, ФАТФ.

В современный период криптовалюта справедливо включается исследователями в перечень объектов гражданских прав [1, с. 41–44]. Логичным следствием широкого применения криптовалюты в гражданском обороте стало совершение общественно опасных посягательств на рынке ее оборота [4, с. 45–48]. С учетом того обстоятельства, что количество преступлений, связанных с использованием ресурсов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и новейших компьютерных технологий, увеличивается в геометрической прогрессии, а их раскрываемость не превышает 10%, рынок оборота криптовалюты не является достаточно защищенным. Помимо хищений, совершаемых различными способами и квалифицируемых по п. «Г» ч. 3 ст. 158, ст. ст. 159, 159.3, 159.6 УК РФ, криптовалюта стала инструментом легализации (отмывания) денежных средств, приобретенных преступным путем.

Вследствие этого избранная тема исследования приобретает известную актуальность. В России с 1 января 2021 г. криптовалюта стала предметом правового регулирования, приобретая статус имущества. Ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах и цифровой валюте» четко установила, что цифровая валюта может использоваться в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей РФ или иностранного государства. Соответственно, оборот криптовалюты не тождественен официальному денежному обращению.

Непосредственно термин «криптовалюта» стал использоваться после появления платежной системы «Биткойн» (2009 г.), и уже в 2015 г. общее количество ее видов превышало две тысячи [3, с. 130–138], а в начале 2021 г. – три тысячи. В настоящее время существуют различные способы приобретения криптовалют, а благодаря развитой системе транзакций имеется возможность конвертации «электронных денег» в денежные единицы различных государств. По данным экспертов, ни одна из функционирующих бирж криптовалют не имеет полной защиты от «грязных» транзакций [5, с. 21–23], вследствие чего становятся возможными как мошеннические действия, так и различные виды использования криптовалют в преступных целях (как средства платежа при незаконном обороте наркотиков или оружия, как способа финансирования незаконной деятельности, как разновидности легализации денежных средств, приобретенных преступным путем). В целях противодействия преступлениям, связанным с незаконным оборотом

криптовалют, в ноябре 2020 г. Минфин России подготовил проект изменений в действующее законодательство, основанный на введении обязанности декларировать криптовалюту. В том числе, изменения планируются ввести в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [6].

В 2019 г. Пленум Верховного Суда РФ сформулировал правовую позицию, в соответствии с которой признал предметом преступлений, предусмотренных ст. ст. 174, 174.1 УК РФ, в том числе, и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты)[7]. Такой подход представляется полностью справедливым, поскольку криптовалюта может использоваться при расчете за предметы, находящиеся в незаконном обороте, а далее конвертироваться в наличные денежные средства. Например, в г. Саранск выявлено преступное сообщество, организованное в целях бесконтактного сбыта наркотических средств с использованием ресурсов сети «Интернет» и расчетов в электронной форме. В этих целях использовалась криптовалюта «Биткойн», зачислявшаяся покупателями наркотических средств на виртуальные счета, а впоследствии переводившаяся участниками преступного сообщества через программы Интернет-банкинга путем дробления денежных средств в пределах 15 тыс. руб., что позволяло осуществлять операции с ними без открытия счета. В конечном итоге денежные средства зачислялись на счета, открытые на имена третьих лиц в банках ПАО «Сбербанк» [8]. Содеянное квалифицировано судом по ст.ст. 210, 228.1, 174.1 УК РФ.

Следует отметить, что Пленум Верховного Суда РФ оперативно реализовал рекомендацию Международной группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), которая предписала всем государствам-участникам срочно принять меры по недопущению использования криптовалюты в преступных целях. Соответствующее законодательное регулирование было установлено позднее (в 2020 г.) и фактически начало применяться только с 1 января 2021 г. При этом непосредственно закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ скорее ограничивает оборот криптовалюты, нежели препятствует ее использованию при совершении незаконных действий.

Для сравнения, в странах Евросоюза применяется Директива о борьбе с отмыванием денег, в соответствии с которой все трейдеры биткойнов считаются посредниками, передающими деньги. В этой связи на них возлагаются обязанности идентифицировать своих клиентов и конечных бенефициаров по транзакции, применять меры внутреннего контроля и сотрудничать с правоохранительными органами, сообщая им о подозрительных операциях. В США на федеральном уровне правовое регулирование оборота криптовалют отсутствует, однако в отдельных штатах апробирована практика приравнивания криптовалюты к де-

нежным средствам [2, с. 142–146]. Во многих странах мира оборот криптовалют не регулируется никакими нормативными актами, и это облегчает совершение незаконных транзакций, в том числе, связанных с легализацией доходов, полученных преступным путем. Одной из таких стран является Монголия, где правовое регулирование оборота криптовалюты установлено только в 2018 г., а при поддержке Центрального банка состоялся запуск цифровой валюты от местного оператора мобильной связи. При этом с 2018 г. Монголия стала центром майнинга (основной операции по созданию криптовалют), поскольку на ее территорию перенес свою деятельность крупнейший майнинг-оператор – японская компания Gincos. При данных обстоятельствах оборот криптовалюты в стране будет увеличиваться, а значит, неизбежно вырастут риски ее использования в преступных целях.

Биткойн как наиболее популярная из криптовалют часто используется для незаконного перемещения капитала. Этому способствует механизм совершения транзакций и анонимность, на которую могут рассчитывать пользователи бирж криптовалют. По данным организации SWIFT, к платежной системе подключены все банки мира, случаи использования криптовалюты в целях легализации доходов, полученных преступным путем, в данный момент сравнительно редки. Например, ежегодный объем легализуемых финансовых активов криминального происхождения составляет от 880 млрд до 2 трлн долларов, но криптовалюты занимают очень небольшой сегмент этого вида деятельности (до 90% активов отмываются через банки с использованием уже ставших традиционными способов обналаживания денежных средств). В будущем эти риски станут возрастать, поскольку, в ряде случаев биржи криптовалют гарантируют полную анонимность транзакций [9, с. 4]. Из этого можно заключить, что ФАТФ сформулировала вышеприведенную рекомендацию упреждающе, а Пленум Верховного Суда РФ, по сути, восполнил имеющийся в российском законодательстве правовой пробел.

В ст. 18.6 УК Монголии (отмывание денег) упоминание о совершении операций с криптовалютой как части объективной стороны преступления отсутствует. В условиях вероятного повышения риска совершения данного деяния с использованием криптовалют это представляется недостатком. Соответственно, логичным представляется установление в структуре состава отмывания денег признака использования криптовалюты. В этой связи ч. 1 ст. 18.6 УК Монголии может быть дополнена словами «в том числе, посредством использования расчетов, осуществляемых посредством совершения транзакций с криптовалютой, не являющихся операциями с денежными средствами». Предлагаемое дополнение может оказаться востребованным в правоприменительной практике, поскольку упрощает возможности квалификации выявленных фактов отмывания денег с использованием криптовалюты.

Литература

1. Анучкина А.Д., Гагиева Н.Р., Мордовин П.С. Криптовалюты как объект гражданских прав // Научное мнение. Экономические, юридические и социологические науки. 2018. № 2. С. 41–44.
2. Ларин Д.С. Возможность использования биткоинов в отмывании денег // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 1. С. 142–146.
3. Пещеров А.И. Понятие и место криптовалюты в системе денежных средств // Юридическая мысль. Т. 95. № 3. С. 130–138.
4. Пинкевич Т.В. Проблемы уголовно-правового противодействия преступной деятельности с использованием криптовалют // Юрист-Правоведь. 2020. № 4. С. 45–48.
5. Рисс В.И. К вопросу о коллективных криптовалютах или частных деньгах // Экономика, управление и право: инновационное решение проблем. 2017. № 1. С. 21–23.
6. О внесении проекта Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации»: законопроект № 1065710–7 // Система обеспечения законодательной деятельности [электронный ресурс] URL: [https://sozd.duma.gov.ru/bill/1065710–7#bh_note](https://sozd.duma.gov.ru/bill/1065710-7#bh_note) (Дата обращения: 07.02.2021)
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.02.2019 № 1 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Российская газета. 2019. 7 марта.
8. Уголовное дело № 1–125/2017 // Архив Ленинского районного суда г. Саранск Республики Мордовия.
9. Follow the Money. Swift Report, 2020. P. 4.

PROBLEMS OF LEGALIZATION (LAUNDERING) OF FUNDS THROUGH CRYPTOCURRENCY

Enkhtur D., Khairutdinova I.V.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article examines the problem of money laundering through cryptocurrency. Cryptocurrencies as a new type of digital assets have emerged relatively recently. Many still do not understand what it is, why cryptocurrencies are needed and how to interact with them. As a result, the chosen research topic acquires special significance. The article presents a brief description of cryptocurrency as an instrument of legalization (laundering) of funds acquired by criminal means, analyzes the legal aspects of cryptocurrency turnover in Russia, the USA, Mongolia, assesses the risks of its use in order to legalize proceeds from crime. At the same time, it is noted that since 2018 the largest mining operator, the Japanese company Ginco, has been operating in Mongolia. Under these circumstances, the turnover of cryptocurrency in the country will increase, which means that the risks of its use for criminal purposes will increase.

Keywords: money laundering, cryptocurrency, crime, criminal liability, Mongolia, FATF.

References

1. Anuchkina A.D., Gagieva N.R., Mordovin P.S. Cryptocurrencies as an object of civil rights // Scientific opinion. Economic, legal and sociological sciences. 2018.No. 2. P. 41–44.
2. Larin D.S. Possibility of using bitcoins in money laundering // Izvestia of the St. Petersburg State University of Economics. 2018.No. 1. P. 142–146.
3. Peschero A.I. The concept and place of cryptocurrency in the system of funds // Legal thought. T. 95.No. 3.S. 130–138.
4. Pinkevich T.V. Problems of criminal law counteraction to criminal activity using cryptocurrencies // Yurist-Pravoved. 2020. No. 4. S. 45–48.
5. Riss V.I. On the issue of collective cryptocurrencies or private money // Economics, management and law: an innovative solution to problems. 2017. No. 1. S. 21–23.
6. On the introduction of the draft Federal Law “On amendments to parts one and two of the Tax Code of the Russian Federation”: draft law No. 1065710–7 // Legislative support system [electronic resource] URL: [https://sozd.duma.gov.ru / bill / 1065710–7 # bh_note](https://sozd.duma.gov.ru / bill / 1065710-7 # bh_note) (Date accessed: 02/07/2021)
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 26, 2019 No. 1 “On Amending the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 7, 2015 No. 32” On judicial practice in cases of legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal by, and on the acquisition or sale of property, knowingly obtained by criminal means” // Rossiyskaya Gazeta. 2019. 7 March.
8. Criminal case No. 1–125 / 2017 // Archive of the Leninsky District Court of Saransk, Republic of Mordovia.
9. Follow the Money. Swift Report, 2020. P. 4.

Международно-правовое регулирование отношений, касающихся гражданства, в рамках Европейского союза

Нуржанова Мадина Даулбаевна,

аспирант, кафедра международного права, Астраханский государственный университет
E-mail: miry_mir_0701u@mail.ru

В статье рассматриваются особенности международно-правового регулирования отношений, касающихся гражданства, в рамках Европейского союза. Население государства обретает свою идентичность посредством гражданства, а два других составляющих элемента государства – территория и суверенитет – завершают алгоритм государственного строительства. Гражданство ЕС предоставляется гражданину государства в том случае, если данное государство становится членом Европейского Союза. В этом отношении европейское гражданство рассматривается как иной вид коллективной идентичности. Согласно европейскому законодательству, выступая в роли гражданина ЕС, лицо априори выражает лояльность институтам ЕС и участвует в трансграничном управлении. Гражданин ЕС является главным представителем в управлении отношениями как на национальном, так и на международном уровнях. Право избирать и, имплицитно, быть избранным составляет право гражданина последовательно участвовать в управлении властью, идентифицируя себя в учреждении первого ранга – национального типа или в учреждении второго ранга – европейского типа. С позиции международного права институт гражданства ЕС представляет собой формирование, которое имеет достаточно широкие перспективы развития, поскольку, объединяя под своей эгидой ряд стран и предоставляя жителям таких стран своеобразное «двойное» гражданство, ЕС выступает гарантом обеспечения прав и свобод граждан на основе достижения совместных социально-экономических и политических ориентиров.

Ключевые слова: гражданство, Европейский Союз, Европарламент, Маастрихтский договор.

Возможность быть гражданином экстраполирует ряд прав, которые простираются от нации к обществу, это позволяет гомогенизация законодательства, защищающего отдельных лиц независимо от географического положения в Европе.

Документом, который впервые официально ввел понятие гражданства ЕС, стал Маастрихтский договор, вступивший в силу в 1993 году. В договоре указано, что гражданином Европейского Союза является каждое лицо, обладающее гражданством государства-члена ЕС.

Уникальность данного института гражданства определена тем, что Европейский Союз, по сути, государством не является, однако в вышеназванном Маастрихтском договоре институт гражданства явно закреплен. Авторы называют институт гражданства ЕС неким «политико-правовым феноменом, ранее неизвестным науке международного права» [1]. Также есть мнение, что данный институт – «объективная закономерность, следствие резко усилившегося влияния интеграционных процессов на всю систему межгосударственных отношений, результат глобального переосмысления роли и места человека в этой системе» [2].

Рассмотрим основные нормативные документы, согласно которым регулируются особенности института гражданства в ЕС. Как уже было указано, что правовой статус гражданина ЕС лицо получает, будучи гражданином одного из государств-членов ЕС. Однако не совсем понятно, как подтверждается указанное гражданство. Для разъяснения данного вопроса была принята Декларация о гражданстве государства-члена, в которой имеется отсылка к национальному праву, согласно которой право лица на гражданство ЕС основано на исключительном праве о предоставлении гражданства той или иной страной-членом ЕС [3].

До сих пор отсутствуют какие-либо общие, закрепленные на правовом уровне, условия, регулирующие утрату или приобретение гражданства в ЕС. Однако Европейский парламент принял резолюцию, которая уточняет статус гражданства ЕС: согласно данной резолюции от 13 марта 1996 г., «европейское гражданство предоставляет гражданам новые права и обязанности по отношению к Союзу и не заменяет, а дополняет гражданство государств ЕС». Соответственно, утрачивая гражданство одной из европейских стран, лицо автоматически утрачивает и гражданство ЕС [3].

Однако, несмотря на достаточно расплывчатый подход к определению статуса гражданства в ЕС, указанный институт развивается достаточно динамично. Так, на Комиссию Европейских сообществ возлагаются обязанности регулярно информировать высшие органы Союза о том, в какой мере осуществляется реализация прав граждан ЕС. Если возникает необходимость, Совет Министров ЕС может реализовать свои полномочия в области укрепления и расширения прав граждан ЕС. При этом, все государства-члены ЕС будут обязаны принять к сведению решения Совета Министров в данном разрезе и внести соответствующие изменения в законодательные акты своих стран. Таким образом, категория «гражданин ЕС» не является статичным правовым понятием.

Однако наряду с правами граждане ЕС также несут и ряд обязанностей. В частности, в Договоре о создании ЕС указано, что выполнение обязанностей, закрепленных данным договором, для граждан ЕС является обязательным. Но примечательно то, что конкретизация таких обязанностей в документе отсутствует. Если исходить из особенностей трактовки в праве ЕС понятия «гражданство», то, скорее всего, имеется в виду опять же обращение к национальному праву стран-членов ЕС, которое предусматривает возложение на граждан следующих обязанностей:

- несение воинской повинности;
- реализация обязанности платить налоги;
- в некоторых странах – несение обязанности участвовать в выборах в качестве избирателя и пр.

Соответственно, некоторой коллизией следует считать отсутствие конкретизации в Маастрихтском договоре комплекса обязанностей граждан ЕС при указании ряда прав со ссылкой на необходимость его расширения.

Рассмотрим особенности прав, которые предоставляются гражданам ЕС, закрепленных Маастрихтским договором. В данном документе указано, что каждый гражданин ЕС имеет право на:

- 1) свободное перемещение и проживание на территории ЕС;
- 2) избирать и быть избранным как на муниципальных, так и на общеевропейских выборах;
- 3) обращаться за защитой в дипломатические представительства любой страны-члена ЕС, будучи за пределами Союза;
- 4) направлять жалобы и петиции представителям Европарламента.

Рассмотрим данные права более подробно. Так, Маастрихтский договор закрепляет, что у каждого гражданина ЕС есть право свободного передвижения и постоянного проживания на территории государств – членов ЕС. Но в этом же документе указано, что подобное право гражданина может быть ограничено с учетом ряда условий, которые указаны в ст. 48 (3). К таким условиям относят соображения общественного порядка, общественную безопасность, а также охрану здоровья населения. Реализация одного из данных ограничений имела

место в 2020 и начале 2021 года, когда ряд европейских стран закрыли свои границы для въезда граждан ЕС из других государств по причине стремительного развития пандемии COVID-19.

Важным аспектом реализации института гражданства выступает наличие у гражданина избирательных прав. Именно обладая избирательными правами, гражданин может активно участвовать в политической жизни страны. В Маастрихтском договоре предусмотрено активной и пассивное избирательное право. Граждане ЕС могут участвовать в таких выборах, как муниципальные и общеевропейские, предусматривающие выборы в Европарламент. В ст. 11 (бывшая статья 8b (1)) Договора о создании ЕС указано, что каждый гражданин Союза может избирать и быть избранным, при этом, свою кандидатуру он может выставлять на муниципальных выборах в стране проживания, а реализация его избирательных прав не должна идти в разрез с правами граждан государства, в котором он реализует такие права.

Необходимо указать, что если на уровне ЕС указанное право закреплено было впервые, то отдельные страны уже использовали его в течение ряда лет до принятия Основного нормативного документа ЕС. Такие страны, как Ирландия, Нидерланды, Дания еще раньше предоставляли такое право другим гражданам – члена ЕС. На основе взаимности подобное право было реализовано также в Португалии и Испании. Однако ряд стран, таких, как Германия, Франция впервые столкнулись с подобной нормой права.

В соответствии с номами данной статьи Маастрихтского договора были внесены изменения, касающиеся избирательных прав граждан, в Конституции вышеуказанных стран [2].

Кроме муниципальных выборов, статья 11 (бывшая статья 8b (2)) Договора о создании ЕС также предусматривает участие граждан ЕС и в выборах в Европарламент. Данное право также можно реализовать в стране проживания, причем, на равных условиях с гражданами данной страны. Данное право также ранее было реализовано рядом стран (Ирландией, Нидерландами, Бельгией), после принятия Договора указанные права были расширены для обязательного применения всеми странами-членами ЕС [1].

В ст. 12 (бывшая статья 8c) Договора о создании ЕС указано, что каждый гражданин ЕС имеет право на дипломатическую защиту и помощь представительства любой страны-члена ЕС, находясь вне территории ЕС. При этом, неважно, гражданином какой страны-члена ЕС является гражданин, его права в данном разрезе будут реализованы также, как и права граждан страны ЕС, в посольство которой он обратился за рубежом. Особенностью данного атрибута является то, что помощь гражданину ЕС должна предоставить, по сути, другая страна ЕС, но ни как не сам ЕС или же Евросообщества.

В соответствии рассматриваемым Договором, любой гражданин ЕС может обратиться с жало-

бами и петициями в Европарламент, соблюдая при этом установленные процедуры обращения. Однако это прерогатива не только граждан ЕС, но и граждан третьих стран. Проживающих постоянно на территории ЕС. Преимущества граждан ЕС заключены в возможности обращаться с обращениями и заявлениями в высший орган ЕС заключены в том, что они имеют право не проживать постоянно на территории ЕС.

Право на обращение с петициями имело место еще до образования института гражданства ЕС, тогда как подача жалоб стала инновацией в европейском законодательстве. Связано появление данного права с появлением должности омбудсмена Европарламента. Именно к данному должностному лицу имеют право обращаться с жалобой граждане ЕС в случае не только противоправных деяний законодательного или административного характера, но хотя и правомерно, но неэффективно и небрежно исполняемых функций. Соответственно, омбудсмен Европарламента выступает гарантией реализации права на защиту граждан ЕС. [5].

Таким образом, можно сделать ряд выводов. Институт гражданства ЕС, хотя и выступает как некая демократическая инновация, имеет некоторую расплывчатость, поскольку сама терминология здесь использована весьма условно. Обращение к понятию «гражданин» или «гражданство» влечет за собой отсылку к конституционному праву, которое у каждой из стран ЕС имеет свои особенности.

Сам Маастрихтский договор носит абстрактный характер, также в нем отсутствует конкретизация правового статуса различных категорий граждан. Также очень ограничен и объем прав, которые ЕС предоставляет своим гражданам: достаточно рассмотреть Конституции стран-членов ЕС, где перечень данных прав гораздо более широк. Часть прав в Договоре откровенно продублированы с уже имеющимися в нормативных документах стран-членов ЕС. На фоне всего сказанного, соответственно, возникает вопрос относительно необходимости создания института гражданства ЕС. Есть мнение, что данный институт был необходим для укрепления интеграции стран ЕС в рамках единого надгосударственного формирования, что позволит в полном объеме гарантировать права и свободы людей, проживающих на данной территории.

С позиции международного права институт гражданства ЕС представляет собой формирование, которое имеет достаточно широкие перспективы развития, поскольку, объединяя под своей эгидой ряд стран и предоставляя жителям таких стран своеобразное «двойное» гражданство, ЕС выступает гарантом обеспечения прав и свобод граждан на основе достижения совместных социально-экономических и политических ориентиров.

Литература

1. Биссон Л.С. Реализация концепции «Гражданского гражданства» в миграционной политике ЕС // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. № 6.
2. Захарова Е.К. Гражданство Европейского союза в праве Европейского союза // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2014. № 4.
3. Керопян А.А. Гражданство Европейского Союза // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2009. № 1.
4. Dragomin, E., Niță, D. (2010). Cetățenia Europeană. București: Editura Nominal Lex, p. 48–86
5. Nemțoi, G. (2014). Cetățenia și dreptul European. Suport de Curs, Universitatea Ștefan cel Mare, Suceava.
6. Varela, D. (2009). Just a lobbyist? The European Parliament and the consultation procedure, *European Union Politics* 10(1)

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF RELATIONS CONCERNING CITIZENS WITHIN THE FRAMEWORK OF THE EUROPEAN UNION

Nurzhanova M.D.

Astrakhan State University

The article deals with the peculiarities of international legal regulation of relations concerning citizenship within the European Union. The population of the State acquires its identity through citizenship, and the other two constituent elements of the State-territory and sovereignty-complete the algorithm of state-building. EU citizenship is granted to a citizen of a State if that State becomes a member of the European Union. In this respect, European citizenship is seen as a different kind of collective identity. According to European law, by acting as an EU citizen, a person a priori expresses loyalty to the EU institutions and participates in cross-border governance. The EU citizen is the main representative in the management of relations both at the national and international levels. The right to vote and, implicitly, to be elected constitutes the right of a citizen to consistently participate in the administration of power, identifying himself in an institution of the first rank-the national type or in an institution of the second rank-the European type. From the point of view of international law, the institution of EU citizenship is a formation that has quite broad prospects for development, since by uniting a number of countries under its auspices and providing residents of such countries with a kind of “dual” citizenship, the EU acts as a guarantor of ensuring the rights and freedoms of citizens on the basis of achieving joint socio-economic and political guidelines.

Keywords: citizenship, European Union, European Parliament, Maastricht Treaty.

References

1. Bisson, L. S. the implementation of the concept “Civil citizenship” in migration policy of the EU / *Research-analytical Bulletin of the Institute of Europe RAS*. 2019. No. 6.
2. Zakharova E.K. Citizenship of the European Union law of the European Union // *Electronic appendix to the Russian Legal Journal*. 2014. No. 4.
3. Keropyan A.A. Citizenship of the European Union // *Bulletin of the RUDN. Series: Legal Sciences*. 2009. No. 1.
4. Dragomin E., Nitsa D. (2010). *Cetățenia Europeană*. București: Editura Nominal Lex, pp. 48–86
5. German G. (2014). *Cetățenia și dreptul European*. Suport de Curs, Universitatea Ștefan cel Mare, Suceava.
6. Varela, D. (2009). Just a lobbyist? The European Parliament and of the consultation procedure, *the European Union's Policy* 10(1)

Взыскание убытков с генерального директора в связи с привлечением общества к ответственности за публично-правовые нарушения

Ковалерчик Михаил Павлович,

магистрант, ФГБНУ «Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации»
E-mail: mihkov97@mail.ru

В статье исследуется вопрос о взыскании с генерального директора в виде убытков по ст. 53.1 ГК РФ сумм публично-правовых санкций, возложенных на юридическое лицо. Автор рассматривает наиболее типичные случаи привлечения генерального директора к гражданско-правовой ответственности по указанному основанию, а также анализирует ситуации, когда переложения сумм публично-правовых санкций на директора удастся избежать. В работе обсуждается допустимость включения в состав убытков, взыскиваемых с директора, недоимки и пени, начисленных обществу, а также взыскания с директора суммы штрафов, которые не были фактически уплачены обществом. Автор приходит к выводу о необходимости ограничения случаев, при которых при помощи механизма взыскания убытков на директора может быть переложено штраф, начисленный обществу.

Ключевые слова: ответственность директора, убытки, публично-правовые санкции, штрафы.

1. Допустимость переложения на генерального директора сумм публично-правовых санкций, уплачиваемых обществом по его вине

В 2013 году Пленум ВАС РФ кардинально изменил подход, господствовавший [1] ранее в судебной практике, о недопустимости взыскания с директора сумм публично-правовых санкций, начисленных юридическому лицу, в качестве убытков. В соответствии с абз. 1 п. 4 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62, в случае привлечения юридического лица к публично-правовой ответственности (налоговой, административной и т.п.) по причине недобросовестного и (или) неразумного поведения директора понесенные в результате этого убытки юридического лица могут быть взысканы с директора.

Данное разъяснение основано на идее о том, что надлежащее исполнение публично-правовых обязанностей способствует достижению целей деятельности, ради которых создано юридическое лицо. Поэтому добросовестность и разумность поведения директора, выражающиеся в том числе в принятии им необходимых и достаточных мер по исполнению публично-правовых обязанностей, возложенных на юридическое лицо, подлежат судебной оценке при взыскании с него убытков на основании ст. 53.1 ГК РФ. По свидетельству А.А. Кузнецова, аналогичный подход реализован в развитых европейских правовых порядках [2].

Тем не менее, указанное разъяснение было встречено преимущественно негативно в отечественной доктрине. Суммируя позиции, которые ранее высказывались в судебной практике или нашли отражение в литературе, можно выделить следующие аргументы против взыскания с директора в виде убытков сумм публично-правовых санкций, начисленных юридическому лицу:

1. Возложение сумм штрафа на директора противоречит самой природе административной ответственности, поскольку в таком случае искажается ее карательная функция [3]: в конечном счете, наказание минует субъекта административной ответственности.

2. По многим составам административных правонарушений законом предусматривается возможность привлечения к ответственности как юридического лица, так и его должностного лица. При этом сумма имущественных санкций отличается в зависимости от субъекта, привлекаемого к административной ответственности. Таким образом, закон исходит из необходимости отграничения [4,5] ответственности за вину юридическо-

го лица от ответственности за вину исполнительного органа, которое необоснованно преодолевается в случае признания возможным взыскания публично-правовых платежей средствами гражданского права.

3. Порядок привлечения к административной ответственности сопровождается предоставлением дополнительных процессуальных гарантий субъекту ответственности (выражающихся в том числе в наличии повышенных стандартов доказывания обстоятельств, входящих в бремя доказывания контролирующих органов). В случае взыскания соответствующих сумм в исковом порядке директор оказывается менее защищен, чем привлеченное к ответственности юридическое лицо [3].

4. Такой подход ставит исполнение публичных обязанностей в привилегированное положение по отношению к обязанностям юридического лица перед контрагентами и по существу нарушает право директора на деловое суждение [5, 6]. Существуют сомнения в том, что, предпочитая выплату заработной платы работникам уплате налога при краткосрочной неплатежеспособности, директор должен восполнять потери бюджета из собственного кармана. Данный аргумент, разумеется, не должен распространяться на ситуацию, когда директор не платит налог, штраф или иной обязательный платеж просто потому, что его неуплата является более выгодной для общества, чем добросовестное исполнение соответствующей обязанности.

Тем не менее, как было указано выше, в настоящее время суды придерживаются иной позиции. В порядке дискуссии, в ее поддержку можно предложить следующие аргументы, которые, впрочем, не кажутся нам убедительными.

Во-первых, возмещение убытков является универсальным способом защиты гражданских прав (ст. 15 ГК РФ), поэтому при установлении оснований ответственности не имеет значения, в связи с какими обстоятельствами обществу были причинены соответствующие убытки. При таком подходе («причинил – плати»), не имеет значения и размер штрафа, взысканного с юридического лица, снижение убытков происходит на общих основаниях. Однако суды подчеркивают, что директор несет ответственность за собственные действия, соответственно, привлечение к ответственности юридического лица автоматически не означает, что директор будет возмещать причиненные этим убытки.

Во-вторых, ВС РФ неоднократно указывал, что «действующее законодательство и практика его применения не исключают возможности взыскания лицом, которое уплатило наложенные на него административные штрафы, соответствующих сумм в качестве убытков с другого лица» [7].

Так, в деле № А60–39029/2018 ВС РФ подтвердил правомерность условия договора поставки, устанавливающего обязанность поставщика возместить покупателю соответствующие расходы в случае, если на покупателя, реализующего по-

ставленный товар, будет наложен штраф государственными контролирующими органами (при условии, что покупателем были соблюдены условия хранения товара).

Несмотря на то, что данный пример лежит вне рамок представительских отношений между органом юридического лица и самим юридическим лицом, он демонстрирует, что ВС РФ последовательно придерживается идеи о том, что переложение сумм публичных санкций, взысканных с одного субъекта, на другого в рамках гражданско-правовых отношений между ними в определенных пределах является допустимым. К аналогичному выводу приводит содержание ст. 406.1 ГК РФ, предусматривающей возможность согласования механизма возмещения потерь (вызванных в том числе предъявлением требований со стороны государственных органов).

В-третьих, поскольку убытки с директора взыскиваются по общим гражданско-правовым основаниям, не имеет значения, насколько сложно было защищаться юридическому лицу при привлечении его к ответственности. В процессе на основании частных исков пониженные стандарты доказывания компенсируются меньшими ресурсами истца по собиранию доказательств. Несмотря на то, что некоторые обстоятельства, установленные судом при рассмотрении дела об административном правонарушении в силу ст. 69 АПК РФ могут преюдицироваться, это не дает оснований исключать ответственность директора за причинение убытков юридическому лицу.

Таким образом, следует прийти к выводу о том, что возможность взыскания публичных штрафов юридического лица в качестве убытков зависит от того, руководствуемся ли мы «бухгалтерским» подходом при определении размера убытков (т.е., определяем как убытки любые расходы юридического лица вне зависимости от их правовой природы) или смотрим на суть отношений и причисляем к убыткам только те расходы, которые соответствуют компенсационной направленности гражданского права и одновременно не искажают карательную составляющую публичных норм.

С нашей точки зрения, следует придерживаться второй позиции. Несправедливость первого подхода особенно ярко проявляет себя в ситуации, когда за совершенное правонарушение привлекаются к административной ответственности одновременно юридическое лицо и должностное. Если рассматривать данные нарушения как самостоятельные, непонятно, почему юридическое лицо может переложить свою ответственность на директора. Если же считать, что в действительности не юридическое лицо, а директор совершил данное нарушение, взыскание суммы штрафа в гражданско-правовом порядке нарушает конституционный принцип *non bis in idem*.

Иными словами, корректировка норм публичного права гражданско-правовыми средствами в том виде, в котором это предлагается в п. 4 Постановлении Пленума ВАС РФ № 62, должна быть

признана недопустимой. Между тем, суды активно применяют указанное разъяснение. Более того, вопрос о конституционности данного подхода был разрешен КС РФ в положительную сторону в определении от 29.05.2018 № 1166-О.

В рассмотренной жалобе КС РФ гражданин оспаривал конституционность пункта 2 статьи 15 ГК РФ в ее истолковании правоприменительной практикой. По мнению заявителя, положения Конституции РФ препятствуют признанию убытком непогашенной задолженности коммерческой организации в виде штрафов и пени, начисленных в результате совершения руководителем организации фиктивных сделок с ее активами, нарушения правил бухгалтерского и налогового учета. КС РФ отказал в принятии жалобы к рассмотрению, указав, что положения п. 2 ст. 15 ГК РФ с учетом разъяснений, содержащихся в п. 4 Постановлении Пленума ВАС РФ № 62, не нарушают права заявителя: ст. 15 ГК РФ обеспечивает полное возмещение убытков, являющееся гарантией реализации принципа охраны частной собственности. Представляется, однако, что точка в анализируемом вопросе еще не поставлена.

С учетом сказанного выше, *de lege ferenda* взыскание сумм публично-правовых санкций с директора в качестве убытков должно признаваться допустимым лишь в качестве исключения в ограниченных пределах – когда содержательно не происходит «задвигания» административной ответственности.

Так, Д.И. Степанов и Ю.С. Михальчук предлагают допустить переложение публичных штрафов на директора в форме убытков лишь в сумме, не превышающей размер штрафа, которая может быть взыскана с директора, согласно санкции соответствующей нормы публичного права [5].

В то же время, представляется, что решение должно быть более радикальным, поскольку указанный подход не исключает двукратного наказания директора за одно правонарушение (например, когда с него сначала взыскивается сумма штрафа, а затем такая же сумма – пусть и не равная штрафу юридического лица – в форме убытков).

По нашему мнению, удовлетворять иск об убытках к директору следует либо в ситуации, когда соответствующая санкция не может быть применена к директору по нереабилитирующим основаниям (например, при истечении срока давности привлечения к административной ответственности), либо когда в качестве убытков взыскивается сумма пени. Перечень соответствующих оснований может дополняться, однако, важно, чтобы действовало общее правило о недопустимости взыскания с директора сумм публично-правовых санкций, возложенных на юридическое лицо, в качестве убытков.

Кроме того, с нашей точки зрения, при определении размера взыскиваемых с директора убытков учету должны подлежать обстоятельства, предусмотренные в Постановлении Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 № 39-П (в частно-

сти, имущественное положение, степень вины директора),

2. Некоторые типичные случаи привлечения генерального директора к ответственности

Как было указано ранее, привлечение юридического лица к ответственности автоматически не означает, что начисленные суммы штрафов могут быть взысканы с директора в качестве убытков. Как указал АС Волго-Вятского округа в постановлении от 15.02.2019 по делу № А43–8828/2018, «само по себе наличие решения налогового органа о привлечении юридического лица к ответственности за совершение налогового правонарушения не может являться доказательством наличия вины руководителя в причинении убытков».

Однако анализ судебной практики показывает, что в большинстве случаев соответствующие иски к директору удовлетворяются судами. Это во многом объясняется тем, что даже в случае, если директор непосредственно не был причиной допущенного нарушения, он, в соответствии с п. 5 Постановления Пленума ВАС РФ № 62, подлежит ответственности за недобросовестное и неразумное осуществление обязанностей по выбору и контролю за действиями (бездействием) работников юридического лица, а также ненадлежащей организации системы управления юридическим лицом [8].

Немаловажную роль в конкретизации обязанностей директора играют отраслевые законы (например, в соответствии с п. 1 ст. 7 Закона о бухгалтерском учете, организация ведения бухгалтерского учета и хранения документов осуществляется руководителем экономического субъекта) [9].

Кратко рассмотрим некоторые наиболее типичные случаи привлечения директора к ответственности по анализируемому основанию.

2.1. Взыскание с директора убытков при привлечении юридического лица к административной ответственности

Одно из наиболее «популярных» оснований ответственности, дающим повод для иска о взыскании причиненных убытков с директора, является нарушение требований законодательства, касающихся представления и раскрытия информации на финансовых рынках (ст. 15.19 КоАП РФ).

Например, в рамках дела № А44–7415/2017 акционер от лица общества предъявил иск о возмещении директором общества убытков в виде штрафа, взысканного с общества за совершение правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 15.9 КоАП РФ. Из судебных актов по данному делу следует, что ранее другой акционер обратился к генеральному директору с заявлением о представлении документов. В ответном письме общество сообщило акционеру о невозможности представления запрашиваемых документов. За нарушение п. 2 ст. 91 Закона об акционерных обществах и п. 3 Указания

Банка России от 22.09.2014 № 3388-У (выразившееся в непредставлении копий запрашиваемых документов в установленный срок) общество было привлечено к административной ответственности в виде штрафа.

Несмотря на то, что факты, установленные в рамках дела о привлечении общества к административной ответственности, не могли преюдицироваться из-за иного субъектного состава участников ранее рассмотренного дела, арбитражные суды трех инстанций посчитали иск к директору о взыскании убытков подлежащим удовлетворению по праву и размеру.

При этом суды отклонили ссылку ответчика на отсутствие его вины во взыскании административного штрафа ввиду наличия в обществе сотрудника, ответственного за работу с акционерами: ответственность директора в данном случае объясняется нарушением обязанности контролировать исполнение должностных обязанностей работниками общества.

Кроме того, был отклонен довод ответчика относительно того, что к ответственности за совершенное правонарушение было привлечено исключительно юридическое лицо, но не сам директор как должностное лицо (несмотря на наличие такой возможности в силу ст. 15.19 КоАП). Как указал арбитражный суд первой инстанции, *«отсутствие факта привлечения Батыжева Д.З. к административной ответственности по статье 15 КоАП РФ не влияет на разрешение вопроса о привлечении его к гражданско-правовой ответственности в связи с возникновением рассматриваемых спорных правоотношений»*.

Допустимость взыскания административного штрафа как убытков подтверждена и в случае привлечения общества к ответственности по другим составам правонарушений. В постановлении от 24.07.2019 по делу № А42–2669/2018 АС СЗО согласился с выводами арбитражных судов предшествующих инстанций относительно удовлетворения иска общества о взыскании убытков с бывшего директора. Как было установлено, вопреки п. 8 ст. 13 Закона № 115-ФЗ, общество не уведомило уполномоченный орган о заключении и расторжении договора возмездного оказания услуг с иностранным гражданином. Впоследствии юридическое лицо и директор были признаны виновными в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 18.15 КоАП РФ. С общества был взыскан штраф, а директору было назначено предупреждение.

Суды трех инстанций посчитали, что иск общества к директору о взыскании убытков в виде уплаченного обществом штрафа подлежит удовлетворению. При этом привлечение к ответственности носило практически автоматический характер. Арбитражные суды обратили внимание на два момента. Во-первых, подчеркнули (стандартный) функционал директора. Во-вторых, указали, что убытки, причиненные директором юридическому лицу, а также неисполнение им соответствующей

обязанности являются «преюдициально доказанными», а вина директора установлена судебным решением, которым он был привлечен к ответственности.

2.2. Взыскание убытков с директора при привлечении юридического лица к налоговой ответственности

Д.И. Степанов, Ю.И. Михальчук обращают внимание на то, что практика переключивания налоговых санкций значительно поменялась после принятия Постановления КС РФ от 8 декабря 2017 г. № 39-П. Таким образом, если с 2013 г. по конец 2017 г. складывалась умеренная практика переключивания на директора налоговых санкций, наложенных на юридическое лицо, то в настоящее время суды придерживаются более жесткого подхода [5].

Тем не менее, представляется, что указанное постановление КС РФ оказало лишь опосредованное влияние на практику взыскания убытков с директора в пользу общества, поскольку поставленные перед КС РФ вопросы касались допустимости взыскания публично-правовых платежей с должностных лиц юридического лица в пользу соответствующего бюджета вне рамок фидуциарных отношений между обществом и директором.

Напротив, с нашей точки зрения, расширение перечня лиц, с которых теперь могут взыскиваться в форме убытков публично-правовые платежи, должно привести к уменьшению количества исков о взыскании убытков, предъявленных обществом к генеральному директору.

Отмеченная авторами [5] тенденция к взысканию убытков в виде сумм налоговых санкций, несмотря на отсутствие указания в решении налогового органа о привлечении юридического лица к ответственности на вину директора [10], по нашему мнению, напрямую не связана с принятием соответствующего постановления КС РФ.

Примером взыскания убытков с директора после привлечения юридического лица к налоговой ответственности в виде доначисления недоимок, уплаты штрафных санкций, может служить постановление АС СЗО от 17.04.2019 по делу № А27–27786/2017. В указанном деле со ссылкой на ст. 69 АПК РФ суды пришли к выводу о доказанности всей совокупности условий для привлечения директора к гражданско-правовой ответственности. Довод директора о том, что ответственность за причиненные юридическому лицу убытки должны нести также члены совета директоров, был судами отклонен.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, какие требования входят в состав взыскиваемых с директора убытков в случае привлечения юридического лица к налоговой ответственности. Судебная практика преимущественно относит к таким требованиям пени и штрафы [11]. Данный подход следует поддержать. Взыскание с директора недоимки следует признать недопустимым, поскольку, в отличие от суммы пени и штрафов,

обязанность уплачивать недоимку не связана с незаконным или недобросовестным поведением директора юридического лица.

3. Примеры отказа во взыскании суммы штрафа юридического лица в качестве убытков

Поскольку, по справедливому замечанию Д.И. Степанова и Ю.С. Михальчук, судам в прощѣ взыскать с директора суммы публично-правовых санкций в качестве убытков, чем обосновать отказ в удовлетворении соответствующего иска [5], особый интерес представляет вопрос о том, когда директору удается избежать возмещения сумм публично-правовых санкций.

Специальное исключение (которое применяется и за рамками рассматриваемых отношений [12]) предусмотрено в абз. 2 п. 4 Постановления Пленума ВАС РФ № 63:

«При обосновании добросовестности и разумности своих действий (бездействия) директор может представить доказательства того, что квалификация действий (бездействия) юридического лица в качестве правонарушения на момент их совершения не являлась очевидной, в том числе по причине отсутствия единообразия в применении законодательства налоговыми, таможенными и иными органами, вследствие чего невозможно было сделать однозначный вывод о неправомерности соответствующих действий (бездействия) юридического лица».

Данное разъяснение следует поддерживать, поскольку в развитие правила делового суждения оно позволяет директору идти на разумный риск, не опасаясь в дальнейшем быть привлеченным к гражданско-правовой ответственности. Примечательно, что А.А. Кузнецов предлагает допускать возможность выдвижения соответствующего возражения лишь в случае, если директор он действительно проанализировал судебную и административную практику перед принятием решения [2]. Однако остается неясным, как данная рекомендация будет работать на практике.

Следует признать, что суды редко применяют указанное разъяснению.

На наш взгляд, это может быть связано с несколькими причинами. Во-первых, состояние правовой неопределенности исключает вину субъекта, принимающего соответствующее решение. При этом вина также является необходимым условием административной ответственности юридического лица. Отказывая во взыскании с директора суммы штрафа, наложенного на юридическое лицо по данному основанию, суд, по существу, ставит под сомнение решение контролирующего органа (или, что хуже, суда, рассматривающего предшествующее дело о взыскании штрафа с юридического лица).

Во-вторых, противоречивость практики часто указывает на неясность применяемой нормы. В сфере публичного права предъявляются особые требования к правовой определенности правовых

норм. Так, неясность в формулировке закона может привести к тому, что суд будет вынужден признать, что налог не считается установленным [13].

В-третьих, суды склонны не признавать наличие противоречий в судебной практике, поскольку это свидетельствует о неэффективном исполнении ВС РФ функции по обобщению судебной практики.

Д.И. Степанов, Ю.С. Михальчук ссылаются в качестве типичных примеров таких доказательств на письма Министерства финансов РФ и Коллегии органа исполнительной власти субъекта Федерации [5]. Помимо этого, имеются случаи, когда абз. 2 п. 4 Постановления Пленума ВАС РФ № 63 применялся в связи с наличием прямых законодательных коллизий или противоречий в правоприменении, вызванных иными причинами [14].

Так, в постановлении от 10.12.2013 № 10481/13 по делу № А65–16556/2012. Президиум ВАС РФ, вопреки позиции арбитражных судов трех инстанций, посчитал, что конкурсный управляющий должника не подлежит ответственности за удержание НДС из вырученной от продажи заложенного имущества суммы до расчетов с залоговым кредитором. Как указал Президиум ВАС РФ, суды не учли, что действия управляющего были совершены в период правовой неопределенности, а именно, в условиях коллизии положений НК

Примечательно также постановление АС УО от 03.07.2019 по делу № А71–2905/2018.

Исходя из обстоятельств дела, унитарное предприятие было привлечено к ответственности на основании части 1 статьи 47 Федерального закона № 212-ФЗ (к настоящему моменту утратил силу) за неуплату страховых взносов, которая произошла в связи с тем, что директор неправильно квалифицировал основную деятельность юридического лица, и, как следствие, некоторое время необоснованно применял льготу.

После привлечения предприятия к ответственности Управление от лица предприятия предъявило к директору иск о взыскании убытков, в частности, в виде: начисленного штрафа, пени, процентов по кредиту (который предприятие вынуждено было взять, чтобы не впасть в банкротство), а также сумму вознаграждения, начисленного директору за эффективную работу.

Арбитражные суды трех инстанций отказали в удовлетворении иска, обратив внимание, в частности, на то, что указанное нарушение имело место во время, когда был установлен переходный период и временно применялся ОКВЭД-1 в предыдущей редакции. Учитывая неясность прежнего классификатора, заблуждение директора являлось добросовестным. Кроме того, арбитражные суды подчеркнули, что ранее в период применения льготы проводились неоднократные проверки, подтверждавшие обоснованность метода расчета страховых взносов, применяемого предприятием. Суды также посчитали, что обязанность по правильному исчислению размера страховых взносов входит в должностные обязанности главного бух-

галтера, обладающего специальными знаниями, и не относится к сфере ответственности директора. В четвертых, Управление, предъявившее иск в интересах предприятия и одновременно являющееся представителем муниципального образования, не предприняло попыток по самостоятельному возвращению денежных средств предприятию.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, обязан ли директор возмещать сумму начисленного, но еще не оплаченного обществом штрафа. В настоящий момент судебная практика исходит из того, что для взыскания суммы штрафов в качестве убытков, не требуется, чтобы на момент предъявления соответствующего иска юридическое лицо уплатило данный штраф. Такая позиция объясняется тем, что в силу ст. 15 ГК РФ подлежат возмещению не только понесенные расходы, но и те расходы, которые лицо должно будет произвести для восстановления нарушенного права.

Примечательно, что не имеет значения наличие у общества фактической возможности уплатить суммы публичных санкций в будущем (в частности, после возмещения директором убытков юридическому лицу) [15]. Как указал ВС РФ в определении от 11.05.2018 № 301-ЭС17-20419 по делу № А43-15211/2014, «возврат общества в состояние, существовавшее до нарушения права, предполагает восстановление прежней структуры его баланса (пусть и отрицательной)... Размер данной компенсации определяется суммой привнесенных ею долгов и не зависит от того, как соотносятся активы общества с иными его обязательствами».

Противоположная позиция в практике практически не встречается. Например, Д.И. Степанов и Ю.С. Михальчук обращают внимание на «крайне редкое, а возможно, и единственное на сегодняшний день дело», в котором суд отказал во взыскании убытков с директора на том основании, что юридическим лицом не был уплачен штраф, сумма которого взыскивается с директора [5, 16].

В дополнение можно сослаться на постановление от 23.01.2017 по делу № А29-4190/2015, в котором Арбитражный суд Волго-Вятского посчитал недоказанным размер взыскиваемых с директора убытков в виде штрафа, назначенного обществу, сославшись на то, что штраф, обществом не уплачен и отсутствуют доказательства, подтверждающие, что он будет уплачен. При этом арбитражный суд кассационной инстанции подчеркнул, что «наличие у ООО «Фантом ЭТС» имущества не свидетельствует о неизбежности оплаты штрафа в будущем».

Следует поддержать доминирующую позицию. То, что взысканная с директора сумма штрафа в действительности не пойдет на его уплату (например, в результате реализации очередности удовлетворения требований кредиторов, установленной в ст. 134 Закона о несостоятельности) не означает, что убыток в виде штрафа не подлежал возмещению.

Заключение

В заключение следует признать, что в абсолютном большинстве случаев суды удовлетворяют иски о взыскании с директоров сумм публично-правовых санкций в качестве убытков. Несмотря на то, что во многих судебных актах указывается на необходимость установления состава гражданско-правовой ответственности, вопросы вины и причинной связи решаются судами формально.

Данный подход является недопустимым: переложение на директора сумм публично-правовых санкций, подлежащих уплате юридическим лицом, во многих случаях нарушает конституционный принцип *non bis in idem*.

Взыскание с директора сумм публично-правовых санкций должно допускаться в качестве исключения в строго ограниченных случаях. При определении размера взыскиваемой с директора суммы штрафа, подлежащей уплате юридическим лицом, судам следует учитывать степень вины директора, его имущественное положение и иные обстоятельства

Литература

1. Постановления ФАС Московского округа от 26.09.2012 по делу № А40-136100/11-104-1156, от 28.03.2011 по делу № А40-85237/10-83-770, ФАС Уральского округа от 19.12.2012 по делу № А50-6294/2012.
2. Кузнецов А.А. Комментарий к Постановлению Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 // СПС «Консультант Плюс».
3. Шмалый О.В. Возмещение убытков вследствие привлечения юридического лица к административной ответственности: проблемы гармонизации отраслевых подходов / Право и экономическое развитие: проблемы государственного регулирования экономики // СПС «Консультант Плюс».
4. Степанов Д.И., Михальчук Ю.С. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике // СПС «Консультант Плюс»;
5. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве // СПС «Консультант Плюс».
6. Шиткина И.С., Буткова О.В. Риск привлечения к ответственности директора и предпринимательская инициатива: поиск баланса // СПС «Консультант Плюс».
7. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 307-ЭС17-11637, Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14.08.2019 № 309-ЭС19-6011 по делу № А60-39029/2018.
8. Постановления Арбитражного суда Северо-Западного округа от 04.06.2018 по делу № А42-2669/2018, Арбитражного суда Поволжского округа от 23.08.2016 № Ф06-

26073/2015, Арбитражного суда Московского округа от 20.04.2016 № Ф05–2973/2016.

9. Закон об акционерных обществах (п. 2 ст. 88); решение Арбитражного суда Кемеровской области от 24.02.2016 по делу № А27–17379/2015.
10. Постановление АС ДО от 14 ноября 2017 г. № А73–4571/2015.
11. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 15.06.2018 № Ф01–1985/2018 по делу № А11–7472/2015.
12. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28.08.2019 по делу № А72–14648/2017.
13. Постановление КС РФ от 28.03.2000 № 5-П; Тютин Д.В. Курс лекций // СПС «Консультант Плюс».
14. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 29.01.2020 № Ф09–1361/15 по делу № А60–27557/2014.
15. Определение Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 304-ЭС18–4854 по делу № А45–11859/2017.
16. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24.05.2016 г. по делу № А60–31262/2014.

RECOVERY OF DAMAGES FROM THE GENERAL MANAGER IN CONNECTION WITH BRINGING THE COMPANY TO RESPONSIBILITY FOR PUBLIC LAW VIOLATIONS

Kovalerchik M.P.

Research Centre for Private Law named after S. Alekseev under the President of the Russian Federation

The article examines recovering the amounts of public legal sanctions imposed on the legal entity from the general director (in the form of losses under Art. 53.1 of the Civil Code of the Russian Federation). The author examines the most typical cases of bringing the general director to civil liability on the indicated basis and analyses situations when the transfer of the amounts of public law sanctions to the director could be avoided. The paper discusses admissibility of including in the amount of recovering losses arrears and penalties accrued to the company, as well as recovering the amount of fines that were not actually paid by the company. The author concludes that it is necessary to limit cases in which the fine accrued to the company can be collected from the general manager using the mechanism for recovering losses.

Keywords: liability of general manager, damages, public law sanctions, fines.

References

1. Resolutions of the FAS of the Moscow District of September 26, 2012 in case No. A40–136100 / 11–104–1156, of March 28, 2011 in case No. A40–85237 / 10–83–770, of the Federal Antimonopoly Service of the Urals District of 19.12.2012 in case No. A50–6294 / 2012.
2. Kuznetsov A.A. Commentary to the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of July 30, 2013 No. 62 // SPS “Consultant Plus”.
3. Shmaliy O.V. Reimbursement of losses due to bringing a legal entity to administrative responsibility: problems of harmonisation of sectoral approaches / Law and economic development: problems of state regulation of the economy // SPS “Consultant Plus”.
4. Stepanov D.I., Mikhalechuk Yu.S. Liability of the director to the corporation for damages caused to it in judicial practice // ATP “Consultant Plus”.
5. Gutnikov O.V. Corporate responsibility in civil law // SPS “Consultant Plus”.
6. Shitkina I.S., Butkova O.V. The risk of bringing the director to responsibility and entrepreneurial initiative: finding a balance // SPS “Consultant Plus”;
7. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.11.2017 № 307-ES17–11637, Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 14.08.2019 № 309-ES19–6011 in case № А60–39029 / 2018.
8. Resolutions of the Arbitration Court of the North-West District of 04.06.2018 in case No. A42–2669 / 2018, of the Arbitration Court of the Volga District of 23.08.2016 No. F06–26073 / 2015, of the Arbitration Court of the Moscow District dated 20.04.2016 No. F05–2973 / 2016.
9. Law on Joint Stock Companies (paragraph 2 of Art. 88); Arbitration Court of the Kemerovo Region of February 24, 2016 in case No. A27–17379 / 2015.
10. Resolution of the CA DO dated November 14, 2017 № А73–4571 / 2015. This position is also mutatis mutandis relevant when collecting administrative fines.
11. Resolution of the Arbitration Court of the Volgo-Vyatka District of 15.06.2018 № F01–1985 / 2018 in case № А11–7472 / 2015.
12. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District of 28.08.2019 in case No. А72–14648 / 2017.
13. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 28.03.2000 No. 5-P; D.V. Tyutin. Course of lectures // SPS “Consultant Plus”.
14. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated January 29, 2020 № F09–1361 / 15 in case № А60–27557 / 2014.
15. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 05/29/2018 № 304-ES18–4854 in case № А45–11859 / 2017.
16. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District of May 24, 2016 in case No. А60–31262 / 2014.